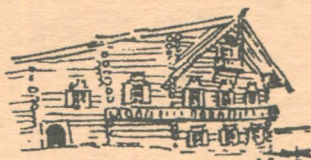

К1351234

СЕВЕРНАЯ ДЕРЕВНЯ
В XX ВЕКЕ:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ

Выпуск 4

ВОЛОГДА
«РУСД»
2003

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ВОЛОГОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

**Северная деревня
в XX веке:
Актуальные проблемы истории**

Выпуск 4

ВОЛОГДА
«РУСЬ»
2003

ББК
63.3(2)6
С 28

63.3(2)6-21
63.3(21)

Печатается по решению
редакционно-издательского
совета ВГПУ

Редколлегия:

докт. ист. наук Безнин М. А. (главный редактор),
канд. ист. наук Саблин В. А. (заместитель главного редактора),
канд. ист. наук Димони Т. М., канд. ист. наук Голикова, Н. И.,
канд. ист. наук Карпов С. Г., канд. ист. наук Изюмова Л. В.,
канд. ист. наук Коновалов Ф. Я.

Материалы научных чтений памяти Петра Андреевича Колесникова (к 95-летию со дня рождения), содержащиеся в сборнике, охватывают различные аспекты социальной, экономической и политической истории северной деревни в XX веке.

Публикуемые статьи должны вызвать интерес у историков, экономистов и всех интересующихся аграрной историей Европейского Севера России.

П. А. Колесников Этапы творческого пути (1907–1996)

Петр Андреевич Колесников родился 3 октября 1907 года в станице Старошебиновке Ейского отдела Кубанской области в семье, по его выражению, «щирых» казаков. По существующему семейному преданию, род его начинался в Запорожской Сечи. Государственная политика конца XVIII века, ликвидация запорожского казачества и иные жизненные обстоятельства привели Колесниковых на Кубань.

Детство и юность П. А. Колесникова связаны с грандиозными изменениями в жизни России. Первая мировая война, Гражданская война, отличавшаяся необычайной жестокостью именно в районах казачьего расселения, несомненно, оказали влияние на становление характера П. А. Колесникова, сделали его необычайно стойким в любых жизненных ситуациях, в то же время навсегда привили иммунитет к любому насилию и жестокости.

Начало образования Петра Андреевича связано с церковно-приходской школой при соборном храме города Ейска. Туда привели его родители, когда ему уже исполнилось 9 лет. Позднее П. А. Колесников вспоминал: «Школа располагалась внутри соборной ограды. Большой рекреационный зал был увешан картинами на главные сюжеты Ветхого и Нового Заветов и отечественной истории, которые запечатлелись в памяти на всю жизнь. Вероятно, эти картины, рассказы священника и учительницы по церковной и гражданской истории определили мое влечение к прошлому».

С этого времени и до конца жизни он неустанно учился и многого, как мы знаем, превзошел желание семьи в части его образования. Надо отметить, что отношение к знанию и печатному слову в семье Андрея Леонтьевича было почти священным. Родители страстно хотели видеть своего первенца грамотным. Даже на смертном одре мать давала наставление сыну: «А ты, сынок, учись... Может, и писарем станешь в атаманском правлении».

В своих воспоминаниях П. А. Колесников с глубоким уважением писал о своих первых учителях. Их у него было много в юности, и все они по-своему формировали личность будущего историка. Хуторскому мальчишке, по его словам, посчастливилось встретиться с людьми интересными, ярких биографий, высокой культуры. Учился Колесников и в частной прогимназии, и в комсомольской школе, и в школе-

девятилетке, подрабатывал переписыванием рукописей научных и литературных статей в журналы, летом крестьянствовал, работал суфлером в театре, был членом райкома комсомола, работал техническим секретарем райкома профсоюза «Медикосантруд» и т. д.

В августе 1927 года П. А. Колесников «по мотивам личного характера» оказался в Малой Вишере Ленинградской области у тетки (сестры отца). Этот переезд, как оказалось впоследствии, много значил в его судьбе: Отныне вся жизнь и деятельность его как исследователя и ученого навсегда оказалась связана с Европейским Севером, с его прошлым, его историей и культурой. Сегодня имя и дела П. А. Колесникова в свою очередь стали частью истории и культурного достояния нашего региона.

Первая поездка на работу в должности избача в деревню Шарья и первые впечатления от северной деревни заставили его глубоко почувствовать как характер северного крестьянина, так и своеобразие его души. Именно здесь Колесников впервые осознал, насколько трепетно наш народ чтит свое прошлое. Добравшись пешком до места своей работы, молодой избач сел отдохнуть у основания столба, на котором была прикреплена доска с надписью о числе ревизских душ в данном селении по последней ревизской переписи 1858 года. К тому времени прошло уже более 70 лет. «Много позже, – писал Колесников, – вспоминая этот столб, понял, какое же надо было иметь бережное и уважительное отношение к прошлому, чтобы сохранить историческую справку о прошлом». С момента последней ревизии в Шарье сменилось три поколения, рождалось и росло четвертое. Но люди помнили свое родство, ценили добрую память о своей малой родине.

Работа избачом, затем два года службы в армии, после чего в 1932 году он получил назначение заведовать сельской образцовой начальной школой в Маловишерском районе Ленинградской области. Затем Колесников переехал в Устюжну, город, который сыграл важную роль в его судьбе. Здесь он найдет себе свою половину – Марию Никифоровну, которая будет ему верной помощницей вплоть до своей кончины в 1985 году. Большинство из бывавших в семье Колесниковых помнят эту женщину, ее спокойную рассудительность и вкус всяческих варений и солений, готовить которые она была великая мастерица.

В том же 1932 году, не удовлетворившись работой, скучной, как ему казалось, в качестве председателя районного комитета союза учителей, П. А. Колесников добивается разрешения на поездку для работы в Сибирь (не давала покоя идея попасть туда путями землепроходцев XVII века). Но дважды его «перехватывают», и он некоторое время работает учителем в Харовском, а затем в Нюксенском районе.

В годы Великой Отечественной войны он служит в рядах Красной Армии, а в последний год войны Петр Андреевич – офицер-воспитатель Саратовского Суворовского училища. На 42 году жизни в 1948 году он поступил на заочное отделение исторического факультета Саратовского педагогического института. Сдав экстерном все необходимые дисциплины, он фактически в том же году его и закончил, причем с отличием. В 1950 году П. А. Колесников распрощался с военной службой. С этого времени можно вести речь о новом этапе его жизни.

Он возвращается в Устюжну, вновь учителствует, но не пройдет и года после службы в армии, как он решит заняться изучением истории северных городов. С этой целью он и оказывается в Институте истории АН СССР в Москве, здесь состоялась его первая встреча с учителем с большой буквы Николаем Владимировичем Устюговым, который «на общественных началах» стал его научным руководителем и впоследствии другом.

Через Н. В. Устюгова он познакомился еще с одним маститым ученым, который сыграл немалую роль в становлении Колесникова как историка севернорусской деревни. Им был член-корреспондент АН СССР Виктор Иванович Шунков, в последующем также большой друг П. А. Колесникова. Учителствуя в Устюжне, много работая над источниками в архивах и библиотечных хранилищах, П. А. Колесников создает и успешно защищает в 1957 году кандидатскую диссертацию по теме «Город Тотьма в XVII веке (к вопросу о социально-экономической истории русского поморского города)». Позднее Петр Андреевич публикует ряд интересных статей по данной проблеме, но в полном объеме текст работы никогда не публиковался. Можно с удовлетворением отметить, что редколлегией серии изданий «Старинные города Вологодской области» принято решение опубликовать эту работу в очередном выпуске историко-краеведческого альманаха «Тотьма» (редактор А. В. Камкин). Темы, затронутые в кандидатской диссертации, Колесников разовьет в ряде специальных работ по истории промышленности края. В 1979 году увидит свет его специальная работа по истории севернорусского города Устюжны, вскоре появится его исследование о роли и месте города Вологды в политической истории России средних веков.

В 1960 году П. А. Колесников переезжает в Вологду и до конца жизни в течение 37 лет работает в Вологодском государственном педагогическом институте (с 1995 года – университете). Начинал он как старший преподаватель, а закончил профессором, заслуженным деятелем науки России, почетным членом Академии образования, почетным членом Археографической комиссии РАН, почетным гражданином городов Вологды и Устюжны. Здесь, в Вологде, в полной мере разо-

вается его талант исследователя, педагога и организатора науки. Таким образом, 1960 год положил начало новому этапу его жизненного и творческого пути.

Прежде всего следует подчеркнуть, что именно его стараниями и при деятельной поддержке члена-корреспондента АН СССР В. И. Шункова состоялась в 1967 году учредительная конференция Проблемного объединения по аграрной истории Европейского Севера, двумя годами позже, 11 марта 1969 года, было принято решение Бюро Отделения истории АН СССР о создании в Вологде Северного отделения Археографической комиссии АН СССР. Колесников возглавил оба отделения и справлялся со своей работой поистине виртуозно. Аграрная история и археография становятся во главу угла деятельности кафедры истории СССР ВГПИ, которую он возглавлял многие годы. Колесникову удалось привлечь к работе объединений большой круг профессиональных исследователей, краеведов, студентов, учителей, журналистов, писателей, публицистов и др. Многочисленные научные конференции, совещания, симпозиумы, годовые собрания проблемных объединений – все это проводилось под руководством П. А. Колесникова. Имя его стало своего рода визитной карточкой города и региона, а Вологда превратилась в крупный региональный центр исторической и общественной науки.

Аграрная проблематика заняла прочное место в работах самого Колесникова. Он подготовил и блестяще защитил в 1972 году в Ленинградском отделении Института истории АН СССР, возможно, главный труд своей научной жизни – докторскую диссертацию – плод многолетних размышлений и изучения эволюции поземельных отношений в северной деревне на протяжении четырех веков. Несколько позже (в 1976 году) текст диссертации был опубликован в виде монографии «Северная деревня XV – первой половины XIX века», которая и сегодня является образцом вдумчивого изучения историко-демографических процессов в регионе в тесной взаимосвязи с природно-климатическими, поселенческими и производственными характеристиками северной деревни. Позднее созданный им коллектив авторов продолжит развивать его идеи в двухтомнике «История северного крестьянства» (Архангельск, 1984–1985). Следует отметить, что подготовленный к печати третий том по истории северного крестьянства был отозван из издательства самим П. А. Колесниковым, поскольку уже не отражал тех подходов и взглядов на проблему, которые начинали преобладать в отечественной историографии. Это был решительный шаг с его стороны. Как никто другой он чувствовал время.

Велика и многогранна была деятельность П. А. Колесникова в деле обобщения и публикации исторических источников. Справедливо вы-

деляются две археографические программы, успешно реализованные под его началом. Это издание 11-томного сериала «Северный археографический сборник» и 13-томного издания «Памятники письменности в музеях Вологодской области» (издательской программы, аналогов которой не было в России). Следует также отметить широкую программу публикации эпистолярного наследия участников Великой Отечественной войны.

Важное место в жизни П. А. Колесникова начала 1980-х годов занимала программа социально-экономической паспортизации вологодских сел и деревень. Результаты этой работы нашли отражение в опубликованных П. А. Колесниковым книгах по родословию вологодской деревни и многочисленных генеалогических исследованиях. Вместе с тем представляется, что итог этой работы еще до конца не оценен исследователями, хотя проведенная паспортизация позволяет обеспечить научное выяснение процессов, происходивших в северной деревне в начале 1980-х годов.

Являясь организатором науки, работая в студенческой аудитории, беседуя с самыми разными людьми, П. А. Колесников всегда оставался прост в общении, что не могло не притягивать к нему тех, кто с ним встречался. Редко выпадал день, когда он не принимал у себя дома гостей. Люди отвечали ему взаимностью. Те, кто непосредственно учился или работал под его началом, многозначительно именуют себя «птенцами гнезда Петрова». Есть в этом определении что-то созвучное его характеру, его образу и стилю жизни. Этим «что-то» являлась его прирожденная интеллигентность. Когда в 1982 году Петр Андреевич отвечал на вопрос корреспондента газеты «Советская Россия», что он вкладывает в понятие «интеллигентность», он ответил: «Это прежде всего выюкая духовность, постоянная работа ума и сердца, жизненная активность, связанная с тем, чтобы как можно больше дать родному краю, родной стране». С этим нельзя не согласиться, стоит лишь еще раз подчеркнуть, что сам П. А. Колесников как никто другой отвечал этим высочайшим нравственным качествам.

В. А. Саблин,
декан исторического
факультета ВГПУ

**Лесоохранительная политика государства
в начале XX века
(по материалам Вологодской губернии)**

Вологодская губерния по богатству лесных площадей входила в число самых лесистых губерний Европейской части России. В пяти северных губерниях – Архангельской, Олонецкой, Вологодской, Вятской и Пермской – площадь под лесом занимала около 92 млн. десятин, из них на Вологодскую приходилось 30 млн. десятин, в то время как на Вятскую – только 4,5 млн. десятин¹. По количеству лесного пространства на одного жителя Вологодская губерния уступала лишь Архангельской, имея в среднем 34 десятины на человека². В связи с этим важно рассмотреть, как реализовывался закон 4 апреля 1888 года «О сбережении лесов» на территории одной из самых лесистых губерний Европейской России. Значение этого закона для «лесного дела» России освещалось в статье Э. Истоминой в связи с историей лесоохранительной политики России в XVIII – начале XX в.³ Необходимо выяснить, в каком объеме распространялось действие закона 4 апреля 1888 года на территории Вологодской губернии, какими были масштабы и сроки его внедрения.

Положение «О сбережении лесов» не сразу вступило в силу. Основной принцип положения – сбережение лесов от истощения и истребления (ст. 1) – требовал правильного устройства и контроля в лесах казенных, удельных, общественных и частных⁴, что не могло произойти в короткие сроки. Кроме этого, выявление защитных и водоохранных лесов (ст. 3–5) затруднялось отсутствием необходимых научно-практических исследований в губерниях России, в том числе Вологодской. В то же время действие закона 4 апреля 1888 года не распространялось «впредь до времени» на леса в земельных наделах крестьян, отведенных по владенным записям и уставным грамотам. В ряде губерний из действия закона исключались также «впредь до времени» частные леса⁵. К ним относилась и Вологодская губерния. Правда, это ограничение не касалось лесов, охраняющих верховья и источники рек или их притоков, на территории всей Европейской России⁶. Не относилось в полной мере к вологодским лесам по положению 1888 года и определение категории защитных лесов. Сюда входили «леса и кустарники: а) сдерживающие сыпучие пески или препятствующие их распространению... б) защищающие от песчаных заносов города, селения, железные, шоссейные и почтовые дороги ... в) охра-

няющие берега судоходных рек, каналов и водных источников от обрывов, размывов и повреждения ледоходом ...» (ст. 4). Лишь последний пункт из вышеперечисленных имел прямое отношение к классификации лесов в Вологодской губернии как необходимых для государственной или общественной пользы и нуждавшихся в охране. Кроме них, в сферу действия закона 4 апреля 1888 года по статье пункта 11 – б включались крестьянские лесные наделы, полученные крестьянами Вологодской губернии в основном в конце 90-х годов XIX в.

Для реализации закона в российских губерниях были образованы специальные органы – лесоохранительные комитеты. В их состав входили представители местной власти и лесного ведомства во главе с губернатором. К 1 января 1894 г. на территории Европейской России действовали 56 лесоохранительных комитетов⁷, вологодский комитет открылся в 1888 г. В положении (ст. 29) определялся достаточно широкий спектр обязанностей лесоохранительного комитета. В его ведение входила классификация лесов, надзор за лесами, привлечение к ответственности виновных в нарушении правил, для чего привлекались чины лесного ведомства, полиция. Разрешение лесоохранительного комитета требовалось для обращения лесной почвы в другой вид угодий (ст. 11), что было немаловажным для крестьян северной губернии. В охраняемых лесах запрещалась сплошная рубка растущего леса, пастьба скота на вырубках и в молодняках, не достигших пятнадцатилетнего возраста (ст. 13). На практике решение задач по охране лесов сталкивалось не только с общими проблемами в лесопользовании, но и с трудностями регионального характера.

В Вологодской губернии они были связаны с незавершенностью землеустройства в трех северо-восточных уездах, с недостаточной изученностью региона в отношении лесоустройства и качества лесов, довольно широким распространением подсечной системы. Кроме этого, с 1900 г. в двух уездах (Никольском и Устьсысольском) начала свою работу вологодско-пермская партия по подготовке переселенческих участков.

Судя по отчетам вологодского лесоохранительного комитета за последние годы XIX – начала XX в., на его заседаниях обсуждались вопросы о прекращении опустошительных рубок в крестьянских лесных наделах, о поступлении в ведение комитета новых площадей крестьянских лесов. Здесь рассматривались ходатайства крестьян о разработке лесной почвы в другой вид угодий и просьбы об отводе из казенных земель им участков под расчистки⁸. Материалы о рубке леса, отнесенной к опустошительной, поступили в комитет от лесничего Межевского лесничества Никольского уезда. Им был составлен акт 26 марта 1898 г. о сплошной вырубке (около 200 бревен) елового рас-

тущего леса крестьянами починка Зубовского Пермской волости Никольского уезда⁹. Лес был вырублен в отведенном крестьянам лесном наделе и продан ими, как докладывал лесничий, «на сплав кологривской купчихе Клеопатре Хохловой вместе с лесом, заготовленным в их полевых и сенокосных наделах». Так как лесоохранительный комитет не занимался земельными наделами крестьян, то он попросил лесничего представить дополнительные данные, подтверждающие характер сплошной вырубki в лесном наделе крестьян.

Членов комитета в это время больше волновала ситуация, складывающаяся в частновладельческих лесах южных уездов губернии. На отчетном заседании комитета за 1897 г., состоявшемся 9 марта 1898 г., прозвучала обеспокоенность продажей лесов для вырубki в частновладельческих лесах, замеченной в последние годы. По итогам обсуждения вопроса вологодский лесоохранительный комитет принял решение о проверке масштабов продажи лесов. При констатировании ее значительных размеров комитет собирался возбудить ходатайство перед министром земледелия и государственных имуществ о распространении закона 4 апреля 1888 г. на частные леса в трех южных уездах губернии¹⁰. Дело в том, что через 9 лет после опубликования положения 1888 года продолжало сохраняться исключение из действия закона (пункт 11-в) лесов частных владельцев на территории 36 административных субъектов: 29 губерний, 5 областей и 2 округов, в число которых входила Вологодская губерния¹¹. В ответ на эту ситуацию местные лесоохранительные органы считали, что закон должен был действовать в полном объеме, охватывая частных лесовладельцев.

Несколько позднее этот вопрос был поставлен на губернском съезде лесничих в 1900 г. В материалах съезда обращалось внимание на то, что особых размеров лесозаготовки достигли в частновладельческих лесах Кадниковского уезда. В качестве аргумента приводились факты об объеме ежегодного сплава в Архангельск, Петербург, на реку Волгу и для местного потребления из всех казенных дач губернии 1 млн. бревен. В то же время из частновладельческих дач Кадниковского уезда сплавилось по реке Кубене и ее притокам к расположенным в уезде лесопильным заводам 1,7 млн. бревен в 1899 г. и 1,8 – в навигацию 1900 г.¹² Ссылаясь на материалы съезда лесничих, управляющий государственными имуществами Вологодской губернии В. Павловский в июне 1900 г. в инструкции лесничим и лесным ревизорам рекомендовал ускорить сбор сведений о лесных дачах, подходивших под разряд защитных или водоохранных. Объяснение по этому поводу заключалось в том, что «иначе они могут оказаться в числе беспощадно вырубаемых лесов»¹³. Как представитель губернской администрации В. Павловский обращал внимание на значительное уве-

личение «продажи леса на сруб в общественных и частных лесах до такой степени, что в губернии может появиться угроза острой нужды не только в строевом лесе, но и в дровяном материале, какая бывает в безлесных губерниях». Им были названы причины, повлиявшие в губернии на рост потребностей в лесных материалах в начале XX в. К ним относились строительство новых железных дорог, строительство деревообрабатывающих заводов, где в качестве примера приводился целлюлозный завод в Кадниковском уезде, открытие большого числа новых лесопилен. Губернский съезд лесничих 1900 г. не исключал из уездов, сплавливавших активно лес, и такие, как Никольский и Тотемский, имевшие выход к бассейну реки Волги.

Не стояли в стороне от обсуждаемых вопросов «лесного дела» и земские учреждения. В 1899 году гласные устюжского уездного собрания предложили возбудить ходатайство о скорейшем введении лесоохранительного закона в полном объеме, то есть и для частных лесов. С другой стороны, понимая, что создавшееся положение с лесом в значительной степени было результатом социально-экономического развития в начале XX века, управлением государственных имуществ все-таки ставился вопрос о сохранении лесного фонда губернии из-за влияния северных лесов еще и на климатические процессы. На губернском съезде лесничих 1900 г. подчеркивалось, что с уменьшением лесистости северных губерний холодные воздушные течения Северного Ледовитого океана получают более свободный доступ к центральной России¹⁴.

Вопросы лесопользования в северной деревне конца XIX – начала XX в. обсуждались не только на губернском уровне. На уездных съездах лесничих в 1898 г. в отдаленных северо-восточных уездах – Яренском и Сольвычегодском, где широко применялась подсечная система для посевов льна и ржи, лесничие с подсеккой связывали усиление процесса облесения в регионе¹⁵. По мнению участников съезда, выходом из такого положения в Яренском уезде являлось сокращение подсекки до минимума путем ее запрета во всех дачах. Лесничие считали, что сохранять ее следует лишь для разработки постоянных угодий – сенокосов и пашен. Сложнее обстояло дело с решением подобного вопроса в лесничествах Сольвычегодского уезда, где «старые подсекки сдавались крестьянам на праве аренды». В этом случае съезд рекомендовал, во-первых, не возобновлять аренды на подсекки после истечения ее срока, во-вторых, вносить в планы под подсекку только те дачи, в которых невозможно было вести другое хозяйство, кроме подсечного. На съезде особенно подчеркивалось, что нельзя в планы площадей, отводимых под подсекки, включать участки для посевов ржи,

так как крестьяне традиционно закладывали их только в средне-возрастных лесных насаждениях, где мог находиться строевой лес¹⁶.

Добиваясь сбережения лесов в условиях существования подсечной системы, лесничие северо-восточных уездов указывали не только на ее вред для лесного хозяйства, но и на трудности учета лесной администрацией. Исходя из этого, съезд выдвинул ряд условий для ведения подсечного хозяйства в дальнейшем. Предлагалось лучшие участки, бывшие в пользовании крестьян, переводить в оброчные статьи, участки низкого качества сдавать во временное пользование, а в последний год аренды засеивать их древесными семенами (для восстановления лесных насаждений. — Н. Г.). Лесные участки, которые раньше не использовались под подсеки, не должны были сдаваться крестьянам¹⁷. Таким образом, на примере деятельности корпуса лесничих на уездном уровне мы видим, что лесная администрация стремилась обезопасить казенные леса от истребления за счет ослабления традиций крестьянского лесопользования в казенных дачах, преграду которым в значительной степени ставил закон 1888 года, но его реализация затруднялась и в этой сфере.

Как угрозу для сохранения лесов, государство уже давно рассматривало самовольные порубки крестьян в казенных дачах. После предоставления крестьянам лесных наделов в пользование государство усилило репрессивный характер законодательства в отношении нарушения прав собственности на лесные площади. В 1888 г., кроме положения «О сбережении лесов», несколько раньше, 21 марта 1888 г., был принят закон «О взысканиях и наказаниях за похищение и самовольную порубку чужого леса, а также о преследовании виновных в сих проступках»¹⁸. Им предусматривалось взимание штрафов в двойном и тройном размере ценности похищенного леса. Кроме этого, взыскивался штраф в пользу лесовладельца в сумме до 50 руб., при повторении подобных случаев виновные подлежали аресту и тюремному заключению¹⁹. История борьбы государства с самовольными порубками заслуживает отдельного изучения. В разрешение многочисленных спорных вопросов, претензий по ним с обеих сторон (казны и крестьянства) вовлекались волостные суды, земские начальники, лесная администрация разных уровней.

В нашем распоряжении имеются материалы обсуждения в 1902 г. мер по предотвращению крестьянских порубок в губернском комитете о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Большинство членов комитета видело выход в понижении размера льготной таксы на приобретаемые крестьянами лесные материалы, утвержденной 17 ноября 1902 г. лесным департаментом²⁰. Но помощник управляющего государственными имуществами губернии Богданов, являясь членом

комитета, не согласился с его решением. По мнению Богданова, несправедливо было считать, что губерния страдала от самовольных порубок, вызванных дороговизной леса для крестьян. Автор разъяснял, что существующая льготная такса для крестьян была уменьшена на 1/3 по сравнению с ценами для лесопромышленников²¹. В то же время им подчеркивалось, что большинство населения Вологодской губернии, благодаря лесным наделам, не нуждалось в покупке леса, и размер льготной таксы для них не имел особого значения. В качестве примера Богданов описывал ситуацию в Никольском и Устюгском уездах, где закончилась выдача крестьянам владенных записей на земельные наделы и лесные участки. Автор отмечал, что «крестьяне не только не нуждаются в покупке леса, но сами продают лес из своих наделов. Такие же продажи крестьянами леса крупным архангельским фирмам состоялись в последнее время и в Тотемском уезде»²². Подобную картину Богданов наблюдал в других четырех уездах – Вологодском, Грязовецком, Кадниковском, Вельском, где лесные наделы были получены крестьянами раньше и уже частью истощены беспорядочными рубками, но не настолько, чтобы крестьяне этих уездов нуждались в покупках леса. В итоге мы видим, что к обсуждению вопроса о сохранении лесов подключились возникшие в начале XX века комитеты о нуждах сельскохозяйственной промышленности как на губернском, так и на уездном уровне. А представитель казенного ведомства в критическом отзыве на их решения обозначил появление новой проблемы для лесного хозяйства в северном регионе в виде продажи леса крестьянами из отведенных наделов.

В это же время в восточных уездах Вологодской губернии лесной администрации пришлось на практике принимать решения об охране лесов в связи с началом работ в 1900 г. вологодско-пермской партии по отводу земель для переселения крестьян в Никольский и Устьысольский уезды²³. В указанном регионе требовались обследование земель, съемка их на планы и подготовка проектов отводимых участков. В Никольском уезде работы развернулись в центральной части в пределах трех лесничеств на площади в 280 тыс. десятин и в Устьысольском – на площади 2, 2 млн. десятин²⁴. При планировании переселенческих участков большой объем работ падал на лесоустроителей и лесничих. Изучение их отношения к государственной собственности, сохранению казенных лесов, выполнению обязанностей является немаловажной задачей для оценки субъективного фактора, значением которого нельзя было пренебрегать в лесном деле. Так, в рапорте производителя работ Диго от 13 сентября 1903 года на имя начальника вологодско-пермской партии сообщалось, что вознесенский лесничий в Никольском уезде Силантьев указал на наличие ценных насаж-

дений на отводимых участках, которым может грозить уничтожение огнем при расчистках земли под покосы²⁵. Лесоустроителем Диго, в свою очередь, предлагался ряд мер для предупреждения пожаров: активное привлечение к надзору стражи, повышение ответственности арендаторов, недопущение самовольных расчисток крестьянами. Второй производитель работ, Рум, высказывал не менее значимые суждения по поводу ограничений в планировании оброчных статей в том случае, если это могло привести к уничтожению в них строевого леса²⁶. Им отмечалось, «что нужда селения в лугах точно не выяснена, проектирование статей ведется предположительно, что лугов будет еще мало и ...поэтому не щадится самый блестящий лес»²⁷.

Документы, направленные в 1903–1904 г. лесничими и производителями работ в адрес высших инстанций, с аргументами по сохранению лесных богатств привели к положительному результату. 20 июля 1904 г. было подписан договор между начальником вологодского управления земельных и государственных имуществ И. Шемигоновым и заведующим вологодско-пермской партией А. Богдановским о составлении первичных документов перед планированием проектных работ в виде соглашения между лесничими и производителями работ. В этом договоре высказывалось пожелание об отказе от проектирования оброчных статей для переселенцев среди лесных дач с ценными насаждениями и об исключении из них площадей, занятых пиловочным лесом²⁸.

Подводя итоги лесоохранительной политике государственных органов в конце XIX – начала XX в. на примере Вологодской губернии, можно сказать, что действие закона от 4 апреля 1888 г. слабо затронуло ее территорию. Юридически закон распространялся только на лесные наделы крестьян, в которых лесоохранительные комитеты давали разрешение на расчистки и влияли на их размеры, не допускали опустошительных рубок леса. Но комитеты оказались беспомощными в отношениях с частными владельцами, так как положение «О сбережении лесов» на них не распространялось. Работа комитетов по определению лесов защитными развертывалась медленно. В то же время следует отметить, что губернские учреждения настаивали на расширении сферы действия закона 1888 г., добиваясь его введения в полном объеме. Активно дебатировались вопросы о путях сбережения лесов на основе действующего законодательства на съездах лесничих, земскими учреждениями, представителями управления государственных имуществ.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Меньшиков И. А.* К вопросу о казенном лесном хозяйстве. СПб., 1903. С. 316. Отчеты чинов МЗИГИ, командированных в 1902 году в разные губернии России для обследования лесокультурных работ. СПб., 1903. С. 316.
- ² *Россмеллер А.* Лес / Перевод с дополнениями под ред. *Ф. Арнольда и Н. Полова*. СПб., 1886. С. 625.
- ³ *Истомина Э. Г.* Лесоохранительная политика России в XVIII – начале XX века // Отечественная история. 1995. № 4. С. 45.
- ⁴ Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. (Далее – ПСЗ-III). Т. VIII. Отд. 1. № 5120. 1888. СПб., 1890. С. 150.
- ⁵ Там же. Пункт II (а, б, в). С. 148.
- ⁶ Там же. Пункт III. С. 148.
- ⁷ *Истомина Э. Г.* Указ. соч. С. 46.
- ⁸ Государственный архив Вологодской области (ГАВО). Ф. 276. Оп. 1. Д. 6834. Л. 1 – 2.
- ⁹ Там же. Л. 5 об.
- ¹⁰ Там же. Л. 2 об.
- ¹¹ ПСЗ-III... С. 148.
- ¹² ГАВО. Ф. 276. Оп. 1. Д. 6839. Л. 1.
- ¹³ Там же. Л. 1 об.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Там же. Д. 6840. Л. 406 об.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Там же. Л. 206 об.
- ¹⁸ ПСЗ-III. Т. VIII. Отд. 1. № 5078. 1888. СПб., 1890. С. 105–107.
- ¹⁹ Сельскохозяйственное ведомство за 75 лет его деятельности (1837–1912). Пг., 1914. С. 164.
- ²⁰ ГАВО. Ф. 276. Оп. 1. Д. 6839. Л. 27.
- ²¹ Там же. Л. 28.
- ²² Там же.
- ²³ Там же. Ф. 299. Оп. 1. Д. 41. Л. 1.
- ²⁴ Обзор Вологодской губернии за 1902 год. Вологда, 1903. С. 59.
- ²⁵ ГАВО. Ф. 299. Оп. 1. Д. 41. Л. 11.
- ²⁶ Там же. Л. 32 об.
- ²⁷ Там же. Л. 34 об.
- ²⁸ Там же. Л. 64 об.

Ф. Я. Коновалов

Мобилизация надельной земли на Европейском Севере в годы Столыпинской аграрной реформы

До введения личной земельной собственности крестьян надельные земли запрещалось продавать, покупать, отдавать в залог, дарить и т. д., что являлось огромным препятствием капиталистической мобилизации земли. Важнейшее средство производства – земля, не явля-

ясь частной собственностью, не могла быть в полной мере включена в процессы капиталистической организации производства. С укреплением земли в личную собственность она уже потенциально выступала как часть основного капитала. В этом заключалось одно из главных значений столыпинской реформы для развития капитализма в деревне.

Прежде чем переходить к определению размеров продажи наделных земель в северных губерниях, необходимо сделать несколько замечаний, без учета которых истинные масштабы мобилизации наделных земель и ее характер не могут быть поняты в полной мере.

Во-первых, данные официальной статистики ни в коей мере не отражают действительного положения дел с перераспределением наделной земли, что уже отмечалось в литературе¹. Однако в данном случае речь идет о другом. Официальной статистикой учету подвергались лишь сделки, нотариально заверенные, скрытая мобилизация не учитывалась и не могла учитываться. 24 мая 1909 г. был принят специальный закон «Об освобождении крестьян и земледельцев других сословий, по быту своему не отличающихся от крестьян, от платежа пошлин и сборов при совершении ими некоторых крепостных и ипотечных актов»². Цель принятия этого закона заключалась в том, чтобы крестьяне не «обходили» нотариальных учреждений и фиксировали в соответствии с общими юридическими нормами свою собственность. Вопрос этот, на первый взгляд сугубо частный, имеет тем не менее важное значение для понимания процессов мобилизации наделной земли. Вот как оценивали роль и значение этого закона местные учреждения Вологодской губернии, которые по роду своей деятельности хорошо представляли создавшееся положение. «Пошлины и сборы, взимаемые при совершении крепостных актов на землю, – говорится в журнале Вологодской губернской землеустроительной комиссии от 10 октября 1909 г., – а также те расходы, связанные с поездкой для этого в город, при обширности площади уездов ложились, в общем, слишком тяжелым бременем на скудные средства среднего крестьянского двора. Где каждую имеющуюся получить в доме копейку ждут различные нужды, там вполне естественно желание или отсрочить издержки по этим, на первый взгляд, непроизводительным излишним формальностям, или же совершенно избавиться от них. На данной почве слагался обход нотариальных учреждений крестьянами, который вошел в их обычай относительно едва ли не всех передвижек права собственности на внеадельные земли. Сделки по передаче права на нее совершаются здесь домашним путем по домашним распискам и условиям, а нередко и по словесным договорам ... Отсюда и проистекает та запутанность и неустойчивость, в которых до настоящего времени развивалась и в настоящее время находится земельная

собственность местных крестьян»³. В журнале речь идет о вненадельных землях, находившихся в крестьянской частной собственности. Совершенно очевидно, что после начала проведения Столыпинской реформы и укрепления земель в личную собственность такая же практика распространилась и на бывшие общинные земли. Закон, вероятно, способствовал некоторому упорядочиванию юридического оформления сделок, но с уверенностью можно утверждать, что часть из них продолжала совершаться «домашним путем».

Во-вторых, при рассмотрении мобилизации надельных земель мы должны иметь в виду, что, кроме естественного процесса, сущность которого заключалась в передвижке земли из рук бедноты в руки зажиточных хозяев, часть земли продавалась вынужденно. При покупке земли через банк общий размер крестьянского землевладения вместе с покупаемой землей не должен был превышать определенного размера⁴. При покупке земли общинами и товариществами домохозяевам, имевшим земли выше установленной нормы, в покупке земли отказывалось. Если же земля продавалась под хутора и отруба и общий размер землевладения домохозяина превышал допустимый размер, то в условия продажи включался пункт о ликвидации всей или части надельной земли⁵. Попробуем определить масштабы вынужденной мобилизации. По данным П. Н. Першина, общие размеры площади под хуторами и отрубам на землях Крестьянского банка составляли в Вологодской губернии 848 дес.⁶ Если принять максимальную величину хуторского участка в 21 дес., то численность таких хуторов составит 42 единицы. Средний размер крестьянского землевладения по губернии – примерно 17 дес. Если предположить, что, покупая земли под хутор через Крестьянский банк, крестьяне продали всю свою надельную землю, то в этом случае размер вынужденной мобилизации составит чуть более 700 дес. Полагаем, что эта цифра завышена. В действительности она составляла, вероятно, не более 500 дес. Тем не менее, хотя размеры вынужденной мобилизации были и невелики, некоторую поправку на них, на наш взгляд, сделать необходимо.

Ограничения, имевшие место при покупке крестьянами земли через банк, были распространены и на надельную землю. По статье 66 закона от 14 июня 1910 г. право скупки наделов в одни руки было ограничено шестью наделами. М. С. Симонова очень точно характеризовала эту статью, как «уродливый симбиоз закона 14 декабря 1893 г. и указа 9 ноября 1906 г.»⁷. С одной стороны, различные меры, направленные на развитие крестьянской частной собственности, с другой – мелочная регламентация и стремление ограничить ее развитие, не дать ей возможности вырасти до размеров крупной.

Учитывая эти замечания, попытаемся определить, используя данные официальной статистики, общие размеры мобилизации надельной земли в северных губерниях.

Таблица 1

**СВЕДЕНИЯ О ПРОДАЖЕ ЗЕМЛИ, УКРЕПЛЕННОЙ
В ЛИЧНУЮ СОБСТВЕННОСТЬ КРЕСТЬЯН.
1908–1915 гг. (данные на 1 января)**

Годы	Число лиц, продавших землю	Количество проданной земли (дес.)	Сумма, за которую продана земля (руб.)	Число лиц, купивших землю	За 1 дес. (руб.)
ВОЛОГОДСКАЯ ГУБЕРНИЯ					
1908	50	265	10370	46	39,1
1909	345	2013	43877	398	21,8
1910	678	3016	93056	767	30,8
1911	507	1863	72886	503	39,1
1912	759	2940	114916	818	39,0
1913	1784	6289	299918	1836	47,7
1914	1121*	4233	244231	Нет сведений	57,7
Итого	5244	20619	879254	4368	42,6
ОЛОНЕЦКАЯ ГУБЕРНИЯ					
1908	11	217	5755	11	26,5
1909	31	190	4950	29	26,0
1910	74	275	8089	78	29,4
1911	84	356	14071	85	39,5
1912	123	524	30683	117	58,5
1913	226	1068	55046	246	51,5
1914	170	705	59634	Нет сведений	84,6
Итого	719	3335	178228	566	53,4

* В «Известиях Земского отдела» (1916. № 1. С. 34–35) приводится цифра 1161, хотя количество проданной земли, а также общая сумма продажи совпадают с данными сборника Министерства юстиции. Полагаем, что это опечатка.

Источник: Сборник статистических сведений Министерства юстиции. Вып. 24–30. Сведения за 1908–1914 гг. СПб., 1910–1913; Пг., 1915–1916.

В 1906–1914 гг. в обеих губерниях было продано 23 954 дес. укрепленной в личную собственность земли. Наиболее интенсивно купля-продажа надельной земли проходила в Вологодской губернии. Здесь из рук в руки перешло 20 619 дес. Гораздо слабее по масштабам этот процесс был в Олонецкой губернии. В ней продано всего 3335 дес. Причины меньших масштабов мобилизации надельной земли в Олонецкой губернии вполне понятны. Крестьянские хозяйства этой губер-

нии больше ориентировались на промыслы, а сельскохозяйственное производство играло подсобную, вспомогательную роль. Данных о купле-продаже надельных земель в Архангельской губернии в официальной статистике не имеется, но можно утверждать, что сделок на продажу надельных земель в этой губернии было мало, поскольку укрепление земли в личную собственность здесь проводилось лишь в Шенкурском уезде.

Процесс мобилизации надельных земель в годы Столыпинской реформы постепенно нарастал. В 1908–1910 гг. в Вологодской губернии продавалось в среднем по 1764 дес. в год, а в 1911–1914 гг. – уже по 3831 дес., т. е. продажа увеличилась более чем в 2 раза.

Интересно сопоставить сведения о продаже надельной земли со сведениями об общем количестве земли, проданной крестьянами в этот период, и тем самым определить удельный вес бывшей надельной земли в общем процессе мобилизации.

Таблица 2

**УДЕЛЬНЫЙ ВЕС НАДЕЛЬНОЙ ЗЕМЛИ В ОБЩЕМ КОЛИЧЕСТВЕ ЗЕМЛИ,
ПРОДАННОЙ КРЕСТЬЯНАМИ
(сведения по Вологодской губернии)**

	1908 г.	1909 г.	1910 г.	1911–1914 г.	1908–1914 г.
Продано всего земли (дес.)	8632	20545	14847	37111	81135
Продано укрепленной земли (дес.)	265	2013	3016	15325	20619
%	3,0	9,8	20,3	41,3	25,4

Источники: Материалы по статистике движения землевладения. Вып. XXI–XXV. С. 20–31, 34–35; Анфимов А. М., Макаров И. Ф. Новые данные о землевладении Европейской России // История СССР. 1974. № 1. С. 90, 94; Сборник статистических сведений Министерства юстиции. Вып. 24–30. Сведения за 1908–1914 гг. СПб., 1910–1913; Пг., 1915–1916.

В 1908 г. удельный вес бывшей надельной земли в общем количестве проданной крестьянами земли составлял всего 3%. В 1909 г. он поднялся до 9,8%, в 1910 г. до 20,3%, а в 1911–1914 гг. он составлял уже 41,3%. Эти изменения чрезвычайно важны. Они показывают, что мобилизация надельных земель постепенно выдвигалась на первый план. Шла усиленная передвижка земли от бедноты к зажиточным слоям деревни.

Из общего количества надельной земли, которой владели крестьяне в 1905 г., в годы Столыпинской реформы было продано всего 0,5%⁸. Отношение продавцов к общему количеству крестьян-общинников со-

ставляло 2,2%. То, что процент крестьян, продавших землю, превышает, причем значительно, процент проданной земли, показывает, что преобладали среди продавцов крестьяне малоземельные, многие из которых, вероятно, ликвидировали окончательно свое хозяйство.

За годы реформы укрепили землю в личную собственность 14 519 домохозяев, общее количество укрепленной земли составило 133 893 дес. Из этого количества продали землю 36,1% домохозяев, а количество проданной земли в отношении к укрепленной составляло 15,4%. Таким образом, почти 1/3 часть домохозяев ликвидировала всю или часть своей укрепленной земли. О том, какая продавалась земля, можно судить по материалам, помещенным в «Сборнике статистических сведений Министерства юстиции» за 1914 г. Из общего количества проданной в 1914 г. укрепленной в личную собственность земли, сведенной к одним местам, продано всего 146 дес., остальная земля – 4067 дес. – продана чересполосно. Продавцов соответственно – 117 и 1044 домохозяина. Чересполосность, таким образом, не являлась препятствием для мобилизации земли, как считали некоторые из современников реформы⁹.

Продать не сведенную к одному месту землю можно было только своим бывшим однообщинникам. Причем продать такую землю можно было в двух случаях: или прикупая еще земли, в том числе под хутор или отруб, или вообще ликвидируя свое хозяйство. Вероятно, здесь преобладал первый случай, а при продаже земель, сведенных к одним местам, вероятно, преобладала тенденция к ликвидации хозяйства. Такое предположение позволяют сделать данные о средних размерах одной продажи. В Олонецкой губернии число продаж земель, сведенных к одним местам, а также общее количество таких земель очень невелико. Поэтому, чтобы выявить тенденцию, используем цифры по Вологодской губернии. Размеры продаж земель, сведенных к одним местам, составляли здесь в среднем 1,2 дес. на продавца, в то время как размеры продаж земель, не сведенных к одним местам, составляли по 3,9 дес. на продавца. Относительно больший размер последних позволяет сделать предположение и о большей состоятельности продавцов чересполосной земли, хотя, очевидно, и среди них был значительный контингент домохозяев малоземельных, которые в попытках как-то улучшить состояние своего хозяйства прикупали землю и залезали в долги к Крестьянскому поземельному банку.

В нашем распоряжении имеются сведения о землевладении крестьян, продавших землю в 1914 г. Они опубликованы М. С. Симоновой¹⁰. Эти сведения, разработанные Земским отделом МВД на основании статистических листков, к сожалению, неполны, однако достаточно представительны, чтобы на их основании дать характеристику земле-

владения крестьян-продавцов наделной земли. Эти данные позволяют выявить, хотя и очень приблизительно, качественную сторону процесса мобилизации наделной земли в северных губерниях. По губерниям число крестьян, продавших землю чересполосно, распределяется следующим образом: в Вологодской – 711 продавцов (68% к общему числу продавших в 1914 г. землю чересполосно), в Олонецкой – 135, в Архангельской – 3. Из общего количества продавцов продали весь надел 470 домохозяев, часть надела – 379 домохозяев, соответственно – 55,4 и 44,6%. Преобладала, таким образом, хотя и незначительно, продажа всего надела.

Среди продавцов более 50% имели менее 5 дес. на 1 двор. Большая часть из них вообще ликвидировала свое хозяйство и уходила в город на заработки или делала основным источником своего существования промыслы. Среди бедноты, продавшей весь надел, было 69,4%. Менее интенсивно шла распродажа земли середняками. Эта группа крестьян, относительно лучше обеспеченная землей, имела более устойчивое хозяйство. Продавцов, имевших до продажи от 5 до 15 дес. земли, насчитывалось 279 домохозяев (32,9% к общему количеству). Среди этой группы преобладала продажа части надела (56,5%). Можно с уверенностью говорить о том, что крестьяне-середняки, продавая часть своего надела, рассчитывали провести некоторую рационализацию своего хозяйства. Или они делали попытку, используя вырученные от продажи земли средства, укрепить материальную базу хозяйства, или провести какую-либо комбинацию с покупкой земли. Для некоторых из них такая попытка могла окончиться вполне благополучно, однако для большинства наиболее реальным было постепенное обнищание и переход в низшую группу, откуда дальнейший путь вел к полному разорению. Менее всего, что вполне естественно, продавали землю наиболее зажиточные слои деревни. В абсолютных числах таких насчитывался 41 домохозяин, в относительных – 4,8%. Среди этой группы преобладала продажа части надела.

Продажа хуторских и отрубных участков была очень незначительна. Таких продаж в 1914 г. насчитывалось всего 33, большая часть из них приходится на Вологодскую губернию – 29. Здесь 14 домохозяев имели до продажи менее 5 дес. на хозяйство, 17 – от 5 до 15 дес. и лишь 2 домохозяина имели более 15 дес. Если продажа наделной земли еще может рассматриваться как своеобразная попытка провести рационализацию крестьянского хозяйства, то продажа всего или части хуторского или отрубного участка означала по существу или полное разорение, или определенный шаг к нему. Участковое землепользование, над созданием которого так усердно трудилась царская администрация, не являлось для крестьянства панацеей от всех зол.

Большой интерес представляют сведения о причинах продажи надельной земли. Все продавцы были разделены чиновниками земского отдела на 2 группы: «занимавшиеся земледельческим хозяйством» и «не занимавшиеся земледельческим хозяйством»¹¹. Такое разделение имело большой социальный смысл, хотя чиновники земского отдела, проводя такое разделение, менее всего, очевидно, имели его в виду. Среди домохозяев, продавших землю, лиц, «занимавшихся земледельческим хозяйством», насчитывалось 645, а «не занимавшихся земледельческим хозяйством» – 201. Совершенно очевидно, что вторая группа состояла в основном из деревенской бедноты, занимавшейся или работой по найму, или уходивших из деревни на заработки, хотя в нее, вероятно, входила и какая-то часть сельских лавочников, мелких сельских служащих и т. д. То, что эти хозяйства «отбились от земледельческого труда», уже само по себе являлась причиной, по которой они ликвидировали свою землю.

Главной же причиной продажи надельной земли являлся «недостаток рабочих рук в хозяйстве». Количество лиц, выдвинувших эту причину при продаже земли, – 384 (45,4%). Преобладание этой группы, на первый взгляд, кажется даже довольно странным, тем более, если учесть постоянные жалобы крестьян на малоземелье и требования прирезки земли. Однако ничего странного в этом нет. Малоземелье толкало крестьян к поиску заработков на стороне; значительная часть рабочей силы малоземельных дворов уходила на работы в город или занималась промысловой деятельностью, а дома оставались в основном женщины, старики и дети, которым не всегда был под силу тяжелый земледельческий труд. По существу это были хозяйства если не до конца, то уже почти отстранившиеся от земледельческого труда. Таким образом, разрыв с сельским хозяйством – основная причина продажи надельной земли.

64 домохозяина продали землю «с целью приобретения земли». Это, очевидно, зажиточные. Они составляли 7,6% от общего количества продавцов земли. К ним можно отнести и 5 домохозяев (0,6%), продавших землю с целью «улучшения хозяйства». «Вследствие упадка хозяйства» ликвидировали свою надельную землю 23 домохозяина (2,7%) – это чистые пролетарии.

Количество домохозяев, продавших землю по другим причинам, следующее: «с целью переселения» – 15 домохозяев (1,8%), «ввиду переуступки членам семьи» – 35 (4,1%), «ввиду обеспеченности службой и промыслами» – 44 (5,2%), «вследствие пьянства и расточительства» – 5 (0,6%).

При всем многообразии причин продажи преобладающей, как видим, является одна – окончательный разрыв с земледельческим про-

изводством. Происходило это или вследствие переориентации хозяйства на промысловую деятельность, так как занятие сельским хозяйством не могло обеспечить потребности двора, или вследствие полного упадка хозяйства и окончательного разорения.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Дубровский С. М. Столыпинская земельная реформа. М., 1963. С. 352–355; Симонова М. С. Мобилизация крестьянской наделной земли в период Столыпинской аграрной реформы // Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР. М., 1962. С. 453.

² Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье (далее – ПСЗ-III). Т. XXIX. 1909. Отд. 1. СПб., 1912. С. 430.

³ ГАВО. Ф. 287. Оп. 1. Д. 141. Л. 194.

⁴ В Вологодской губернии эти нормы составляли по разным уездам от 13,5 до 21 дес. См.: ПСЗ-III. Т. XXIV. 1906. Отдел I. СПб., 1909. С. 846; Сборник законов и распоряжений по землеустройству. (По 1 июня 1908 г.). СПб., 1908. С. 37

⁵ ГАВО. Ф. 287. Оп. 1. Д. 141. Л. 53–58, 61 и др.

⁶ Першин П. Н. Участковое землепользование в России. Хутора и отруба, их распространение за десятилетие 1907–1916 гг. М., 1922. С. 46–47.

⁷ Симонова М. С. Мобилизация крестьянской наделной земли... С. 453.

⁸ По Европейской России эта цифра выше – 9%. См.: Дубровский С. М. Указ. соч. С. 361.

⁹ Вормс А. Э. Реформа крестьянского землевладения и крестьянское право // Вопросы права. 1910. Кн. 1. С. 96.

¹⁰ Симонова М. С. Указ. соч. Приложение 1, таблица 1.

¹¹ РГИА. Ф. 1291. Оп. 121. 1914 г. Д. 137. Л. 1–4.

В. А. Саблин

Товарность крестьянских хозяйств Европейского Севера России в 1917–1920-е гг.

Аграрное производство в России первой трети XX века в основном развивалось на базе индивидуального крестьянского хозяйства, в той или иной мере втягивавшегося в рыночные отношения. Во всех исследованиях развития сельскохозяйственной сферы этого периода неизменно подчеркивается, что после уравнительного перераспределения земли 1917–1921 гг. крестьянский двор окончательно занял доминирующее положение в аграрной сфере. При этом его рыночный потенциал оценивается, как правило, весьма низко¹.

Что в эти годы представлял собой рынок сельскохозяйственной продукции на Европейском Севере? Ответ на вопрос позволит вести речь об уровне интенсивности и эффективности сельскохозяйственно-

го производства крестьянского двора. Именно по этой причине мы стараемся исключить из анализа товарный оборот продуктов, не связанных с сельским хозяйством — продуктов промышленности, деревенских промыслов и т. п. Опираясь на массовые статистические источники и материалы бюджетных описаний, попытаемся прежде всего представить характер валового отчуждения продуктов сельского хозяйства. Под валовым отчуждением мы понимаем стоимость всех сельскохозяйственных продуктов, проданных и отданных в обмен или за работу в течение определенного периода. Будучи сопоставленными с размером валовой продукции по соответствующим отраслям сельскохозяйственного производства, эти цифры могут дать коэффициент товарности этих отраслей, то есть показать, какая доля производимых в крестьянском хозяйстве продуктов выбрасывалась последними во внешнехозяйственный оборот. Показатель валовой товарности, таким образом, служит важным свидетельством степени связи крестьянского хозяйства с рынком (включая и внутрисельскохозяйственный оборот). Отношение же чистого отчуждения (разницы в стоимости отчуждаемых и приобретаемых продуктов одного и того же наименования) к валовой сельскохозяйственной продукции служит показателем (коэффициентом) связи крестьянского хозяйства с неземледельческим рынком. Суммируя стоимость всех групп продуктов, приобретенных и отчужденных из хозяйства, несложно получить общий показатель чистой товарности крестьянского двора (баланс продаж и покупок) и тем самым ответить на вопрос об уровне товарного производства крестьянского двора на Европейском Севере в указанные годы.

Крестьянское хозяйство на Европейском Севере довольно рано начало втягиваться в рыночные отношения. Переход натурального производства на товарные рельсы более интенсивно проявлял себя в животноводческой отрасли, гораздо медленнее — в земледелии. В начале XX века товарность животноводческого производства была наиболее высокой в Вологодской губернии, в Олонецкой и Архангельской губерниях — значительно ниже и не превышала в целом по региону 33,0 %². Общий уровень товарности зернового производства Европейского Севера А. В. Островский определяет в 10,0 %, соответственно и общую товарность сельского хозяйства — максимум в 18,0 %³. По расчетам Н. Жилина, основанным на анализе материалов сельскохозяйственной переписи 1916 г. и земских бюджетных данных, в пяти северо-восточных уездах Вологодской губернии (Великоустюгском, Никольском, Сольвычегодском, Усть-Сысольском и Яренском) 22, 3 % продуктов полеводства и 58, 6 % продуктов животноводства крестьяне могли выбросить на рынок⁴.

Таким образом, в массе своей аграрное производство на Севере оставалось натуральным. В условиях аграрного перенаселения, когда темпы роста численности населения обгоняли темпы роста сельскохозяйственного производства, это приводило, с одной стороны, к обострению сложившегося ранее продовольственного дефицита, с другой стороны, стимулировало поиск возможностей применения «лишних» рабочих рук вне сферы своего хозяйства. В начале XX века неземледельческие промыслы стали основным источником денежных поступлений крестьянской семьи и основным средством выравнивания ее продовольственного баланса. Изначально в сферу торгового оборота попадали вспомогательные отрасли крестьянского производства, связанные с лесозаготовками, лесным и морским промыслом, отходничеством. Показательно, что за счет сельскохозяйственного производства не могли обеспечить свои потребности не только беднейшие слои крестьянства, но и его верхи. Правда, по мере роста обеспеченности посевами и скотом удельный вес промыслов в бюджете крестьянского двора падал и возрастала роль доходов от сельского хозяйства, но даже у зажиточных крестьян бюджет без промыслов был дефицитным⁵.

Первая мировая война значительно деформировала систему экономических отношений города и деревни. Свертывание отхожих промыслов и расшатывание основ аграрного производства больно сказывались на экономике каждого крестьянского двора. С другой стороны, в связи с гидротехническим и промышленным освоением края, строительством стратегических железных дорог от Санкт-Петербурга до Мурманска, расширением грузооборота по линии Ярославль–Архангельск, развитием Архангельского и Мурманского портов рыночные отношения получили новые перспективы. Правда, это касалось районов, прилежавших к каркасным транспортным линиям и узлам, напротив, в межмагистральных пространствах и вдали от крупных промышленных центров крестьянское производство оставалось по-прежнему полунатуральным и заметно деградировало.

Набиравшая силу тенденция централизованного регулирования производства и обмена в ходе революции 1917 г. постепенно трансформировалась в систему государственной хлебной монополии, твердых цен и ограничения продовольственного рынка. Большевики довели идею до логического завершения.

Известно, что в 1918 году основной формой государственной заготовки продовольствия являлись реквизиционно-закупочные отряды (продотряды), сформированные из рабочих и опиравшиеся в своей деятельности на комитеты деревенской бедноты. Следует отметить, что в течение этого года власть дважды (весной и осенью) предприни-

мала попытку заготовить продовольствие посредством товарообмена⁶, и каждый раз ее постигала неудача⁷. (Частично товарообмен использовался теми же продотрядами.)

Параллельно развивались абсолютно иные формы продуктообмена. Частный торговый оборот между городом и деревней полностью переместился в область рыночной и базарной торговли, мешочничества. Мешочничеством и лоскутничеством нередко занимались с целью спекуляции, но в основном это была стихийная форма добычи пропитания голодающим городским и сельским населением. Мешочники устремлялись в наиболее хлебные районы Никольского уезда, Северодвинской губернии, в Тотемский уезд Вологодской губернии, Шенкурский – Архангельской и др., порой отдавая последнее, что имели для обмена на хлеб.

Главным стимулом к развитию торговли оставался повышенный спрос на продовольственные товары, а с другой стороны, острая нужда деревни в промышленной продукции. Крестьяне правдами и неправдами стремились сохранить у себя часть продовольствия и реализовать ее на рынке по спекулятивным ценам. Возможность сокрытия истинных размеров посевной площади и сенокосов, несовершенство учета урожая, проводимого продовольственными органами, точность которого в лучшем случае достигала в ряде волостей 70–85 %, и ряд других факторов позволяли крестьянину это успешно сделать.

С переходом к продразверстке в стране окончательно сложился механизм заготовки и нормированного распределения продуктов. Огосударствление кооперации позволило власти использовать ее материальную базу в этих целях. Население принудительно было приписано к кооперативным лавкам. Страна быстро превращалась в «единую потребительскую коммуну». По подсчетам С. Г. Струмилина, по мере расширения деятельности Наркомпрода по стране в целом самостоятельные заготовки продовольствия горожанами постепенно сокращались. Если в 1918 г. они составили 75,2 % от всей заготовленной и закупленной продукции, то в 1919 г. – 53,5 %, а в 1920 г. – лишь 26,5 %⁸.

Процесс свертывания рынка определялся в первую очередь расширением продразверстки, постепенным исчезновением крупных крестьянских дворов – основных производителей товарной продукции – и углубляющейся натурализацией, «доведением хозяйства до размеров продовольственного участка»⁹. Разумеется, в этом сыграли свою роль хозяйственная разруха и общее понижение уровня благосостояния всего региона. По экономическим условиям Севера размер посева от 0,42 до 0,62 дес. на душу населения считался нормой, обеспечивающей потребности в хлебе. Приняв это во внимание, можно прийти к выводу о том, что в 1920 г. 0,5 % хозяйств в трех северных губерниях

имели избыток хлеба, 9,0 % – производили достаточное для потребления количество, но без излишков, 90,5 % (включая беспосевных) – нуждались в дополнительном приобретении¹⁰. Вероятней всего, часть хозяйств с избытком производимого хлеба была больше, а с недостатком – меньше, потому что сведения о площади посевов, которые предоставляли крестьяне, в период сокращения сельскохозяйственного производства 1917–1921 гг., всегда грешили в сторону приуменьшения.

По расчетам Н. Жилина, товарность крестьянского хозяйства Северо-Двинской губернии в 1920 г. значительно снизилась по сравнению с 1916 г., но тем не менее 35,3 % продуктов животноводства составляли чистую товарную продукцию и могли реализовываться через рынок. Что касается полеводства, то оно полностью утратило товарный характер. По его мнению, губерния испытывала дефицит зерновой продукции в объеме 18,1 %¹¹.

Согласно бюджетным обследованиям 1920/21 – 1921/22 гг., количество продуктов, которое выбрасывалось на рынок (в денежном выражении) крестьянскими хозяйствами Северо-Двинской губернии¹², по сравнению с довоенным временем понизилось с 95,2 руб. до 19,6 руб., или на 20,6 %. Причем добровольное и принудительное отчуждение составляло чуть более половины довоенных продаж (см. таблицу 1).

Таблица 1

**ОСНОВНЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ ТОВАРНОСТИ КРЕСТЬЯНСКОГО ДВОРА
НА ЕВРОПЕЙСКОМ СЕВЕРЕ В 1920–1922 гг.
В СРАВНЕНИИ С ДОВОЕННЫМ ВРЕМЕНЕМ (в золотых руб.)**

Показатели	Потребляющие губернии до войны	В 1920/21 г.	Вологодская губерния до войны	Северо-Двинская губерния в 1920/21 г.	Вологодская губерния в 1921/22 г.
Валовой доход					
Всего	653,7	596,9	413,7	611,5	нет сведений
в т.ч. валовая продукция сельского хозяйства	435,2	433,1	279,5	441,0	468,8
Отчуждено принудительно в пользу государства	–	40,6	–	29,6	18,6
Добровольный оборот сельскохозяйственных продуктов					
Продано всего	114,2	31,8	95,2	19,6	52,9

Показатели	Потребляющие губернии до войны	В 1920/21 г.	Вологодская губерния до войны	Северо-Двинская губерния в 1920/21 г.	Вологодская губерния в 1921/22 г.
в т.ч. имущества и скота	21,8	14,9	19,2	6,5	14,5
Куплено всего	88,6	36,4	66,8	30,7	35,6
в т.ч. имущества и скота	9,4	9,0	11,3	0,9	13,0
Чистое добровольное отчуждение	25,6	4,6	28,4	-11,1	17,3
Платежеспособная покупательная способность сельского хозяйства	25,6	36,0	28,4	18,5	35,9
Процентное отношение к валовой продукции					
принудительного отчуждения	-	9,4	-	6,7	4,0
валового добровольного отчуждения	26,2	7,3	34,0	4,4	11,3
чистого добровольного отчуждения	+5,9	-1,0	+10,2	-2,5	3,7

Примечание: по потребляющему району довоенные данные охватывают 386 хозяйств (со средним размером семьи в 5,9 души и при 3,4 дес. посева), за 1920/21 г. – 164 хозяйства (при 6,6 членах семьи с размером посева в 3,2 дес.), в том числе по Вологодской губернии до войны – 136 дворов (с размером семьи в 5,6 души при 2,3 дес. посева), в 1921/22 г. соответственно – 80 хозяйств (с размером семьи в 6,6 души при 2,9 дес. посева), в 1920/21 году в Северо-Двинской губернии – 26 хозяйств (с размером семьи в 6,1 души при 1,9 дес. посева).

Составлено по: Литошенко Л. И. Товарность крестьянского хозяйства // Бюллетень ЦСУ. 1923. № 75. С. 58–59; Сборник статистических сведений по Союзу ССР. 1918–1923 гг. За пять лет работы Центрального статистического управления. Труды ЦСУ. Т. XVIII. М., 1924. С. 418.

Соответственно снизился и объем валовой товарности продуктов крестьянского хозяйства. Если до войны доля рыночных продуктов в хозяйстве (валовое добровольное отчуждение) равнялась в Вологодской губернии 34,0 % от валового дохода, то в 1920/21 г. сумма добровольного и принудительного отчуждения составляла всего 11,1 %, в том числе 6,7 % – по разверстке, 4,4 % – добровольно. В 1921/22 году в Вологодской губернии размер добровольного и принудительного (по продналогу) отчуждения составлял 15,3 % – по-прежнему менее половины довоенного.

Свертывание частного торгового оборота города и деревни сопровождалось относительным расширением внутридеревенского оборота сельскохозяйственных продуктов¹³. Падение благосостояния деревни увеличивало число хозяйств, вынужденных прибегать к услугам рынка для приобретения продуктов питания, семян. Согласно бюджетам, разница между покупкой и продажей продуктов (чистая товарность) в крестьянском хозяйстве составляла до войны в потребляющей зоне 25,6 руб. в пользу последней, в 1920/21 г. покупки превышали продажу на 4,6 руб., а в Северо-Двинской губернии – на 11,1 руб.

Обратные покупки в хозяйствах Северо-Двинской губернии составляли 30,7 руб. и фактически равнялись принудительным изъятиям по продрозверстке (29,6 руб.). В 1921/22 г. продрозлог составлял около половины обратных покупок. Сопоставление покупок и продаж в 1920/21 г. делало отрицательным показатель чистого добровольного отчуждения (–11,1 %). Заметим, что в среднем по потребляющим губерниям эта тенденция проявилась менее рельефно (–4,6 %).

В 1920/21 г. в три раза по сравнению с довоенным временем снизились продажи скота и составили в сумме 6,5 руб. – треть от всей реализованной продукции двора. Покупки скота составляли ничтожную сумму в 0,9 руб. Тем не менее баланс продаж и покупок скота был положительным, что косвенно подтверждает вывод о сохранении элементов товарности животноводческой отрасли.

Приведем интересные сведения о натуральном балансе продовольственных продуктов в крестьянских хозяйствах Вологодской и Северо-Двинской губерний за 1918–1922 гг., которые были опубликованы в свое время Л. Литошенко (см. таблицу 2).

Баланс поступлений и отчуждения продовольствия и фуража в крестьянских дворах двух губерний в 1918–1922 гг. отличался минусовыми показателями, то есть продажа сырья превышала обратные приобретения. В принципе это могло служить серьезным аргументом в пользу сохранения товарного крестьянского производства в эти годы. Но при ближайшем рассмотрении выясняется, что основную массу отчуждаемого из крестьянского двора составляли изъятия по продрозверстке или продовольственному налогу. Так, в Северо-Двинской губернии объем продрозверстки продовольственных хлебов составлял 7 пуд. на хозяйство из проданных 8,1 пуд. (86,4 %), кормовых хлебов (овса) – 7,4 пуд. из 7,9 пуд. (93,7 %), картофеля – 2,2 пуд. Из 3,1 пуд. (71,0 %), в Вологодской губернии в 1921/22 г. объем продовольственного налога равнялся 30,0 % от объема отчуждения продовольственных хлебов, 57,8 % от проданного фуража, 34,0 % от проданного картофеля.

**БАЛАНС ЗЕРНОВЫХ ХЛЕБОВ И КАРТОФЕЛЯ В КРЕСТЬЯНСКИХ ХОЗЯЙСТВАХ
ВОЛОГОДСКОЙ И СЕВЕРО-ДВИНСКОЙ ГУБЕРНИЙ
в 1918–1922 гг. (в пуд. на хозяйство)**

Показатели	Вологодская губерния 1918/19 г.			Северо-Двинская губерния 1920/21 г.			Вологодская губерния 1921/22 г.		
	Продовольственные хлеба	Кормовые хлеба	Картофель	Продовольственные хлеба	Кормовые хлеба	Картофель	Продовольственные хлеба	Кормовые хлеба	Картофель
Валовая продукция сельского хозяйства	62,2	50,0	35,8	43,8	69,4	45,8	82,7	69,6	96,2
Покупки	3,5	4,2	0,5	5,8	3,6	0,4	12,1	3,9	2,9
Отчуждение	4,8	4,6	7,0	8,1	7,9	3,1	20,0	10,9	5,3
в т.ч. по разверстке и продналогу	-	-	-	7,0	7,4	2,2	6,0	6,3	1,8
Чистая товарность	-1,3	-0,4	-6,5	-2,3	-4,3	-2,7	-7,9	-7,0	-2,4

Источник: Литошенко Л. Товарность крестьянского хозяйства // Бюллетень ЦСУ. 1923. № 75. С. 53, 55, 57.

Показательно, что принудительное отчуждение значительно превышало обратные приобретения (покупки). В Северо-Двинской губернии продовольственных хлебов изымалось по разверстке в 1,2 раза больше, чем приобреталось хозяйством (7 пуд. против 5,8 пуд.), соответственно кормовых хлебов – в 2,1 раза (7,4 пуд. против 3,6 пуд.), картофеля – в 5,5 раза (2,2 пуд. против 0,4 пуд.).

Отрицательный баланс покупок и продаж в основном складывался под влиянием разверстки. Снижая в целом товароборот сельскохозяйственных продуктов, разверстка заставляла крестьянина продавать часть не подлежащих реквизиции продуктов полеводства и животноводства, чтобы приобрести необходимое количество продовольствия.

За годы Гражданской войны число крестьянских хозяйств, участвовавших в различных торговых сделках с хлебом, возросло в потребляющей полосе примерно на 30 %. Важнейшей чертой крестьянского товарооборота явилось резкое увеличение числа покупающих хозяйств до 52 %, в том числе по группе маломощных до 26 %, среди середняков – на 52 % и среди зажиточных – на 194 %¹⁴.

Таким образом, в 1917–1921 гг. произошло резкое падение уровня товарности крестьянского хозяйства. Государственная фискальная и антирыночная политика, экономические последствия войны и аграрной революции в совокупности приводили к постепенному умерщвлению рынка. Отчуждение продуктов крестьянского производства под воздействием чрезвычайных налоговых изъятий в массе своей носило вынужденный характер. Но тем не менее определенная часть продуктов личного производства всевозможными путями уберегалась и утаивалась крестьянином с перспективой ее продажи или обмена по выгодным ценам и получения дополнительного дохода. Несомненно, что такую возможность имели далеко не все. Подавляющее большинство населения северной деревни находилось в тяжелейших условиях и было вынуждено прибегать к рынку, дабы обеспечить себя продуктами питания. Рынок, значительно перестроившись за годы Гражданской войны, продолжал играть важную роль в экономике деревни, охватывая в разные годы не менее половины товарооборота страны.

Восстановление экономики крестьянского хозяйства региона в валовых показателях завершилось в 1924–1926 гг.¹⁵ Естественно, что за эти годы усиливается доходность крестьянского хозяйства, причем в основе своей восстанавливается дореволюционная (1912–1916 гг.) структура доходов. Вне сомнения, несмотря на натурально-потребительский характер производства в 1920-е годы крестьянское хозяйство постепенно втягивалось в рыночные отношения, которые, как отмечалось выше, не прекращались даже в годы Гражданской войны.

Уровень товарности аграрной сферы крестьянского двора двух земледельческих губерний Вологодской и Северо-Двинской в первой половине 1920-х гг. в генерализованном виде иллюстрируют данные крестьянских бюджетов за 1922/23 – 1923/24 гг. (см. таблицу 3).

**ВАЛОВОЕ ОТЧУЖДЕНИЕ КРЕСТЬЯНСКИХ ХОЗЯЙСТВ ВОЛОГОДСКОЙ
И СЕВЕРО-ДВИНСКОЙ ГУБЕРНИЙ
в 1922-1924 гг. (на 1 хозяйство, руб.)**

Показатели	Посевные группы дворов					По району
	До 2,0 дес.	2,1-4,0 дес.	4,1-6,0 дес.	6,1-8,0 дес.	8,1-16,0 дес.	
1922/23 г.						
Валовая продукция сельского хозяйства	217,32	354,50	509,50	1043,75	-	303,75
Валовое отчуждение	30,88	36,63	47,18	115,98	-	35,53
Кэффициент товарности (%)	14,2	10,3	9,3	11,1		11,7
Чистое отчуждение	-1,32	+9,44	-9,15	+58,54	-	+3,00
Кэффициент чистой товарности (%)	-0,61	+2,66	-1,79	+5,61	-	+0,98
1923/24 г.						
Валовая продукция сельского хозяйства	190,85	343,71	549,59	599,70	867,26	281,43
Валовое отчуждение	58,13	72,13	94,70	61,43	49,10	66,12
Кэффициент товарности (%)	30,5	21,0	17,2	10,2	5,7	23,5

Показатели	Посевные группы дворов					По району
	До 2,0 дес.	2,1–4,0 дес.	4,1–6,0 дес.	6,1–8,0 дес.	8,1–16,0 дес.	
Чистое отчуждение	-2,07	+18,71	+54,13	+42,48	+48,35	+10,40
Коэффициент чистой товарности (%)	-1,08	+5,44	+9,84	+7,08	+5,58	+3,70

Подсчитано по: Крестьянские бюджеты 1922/23 г. и 1923/24 г. 1. Северный район. 2. Уральский район. Труды ЦСУ. Т. XXXI. М., 1926. С. 406–410.

В составе отчуждений крестьянского хозяйства за эти годы первое место занимали продукты скотоводства, скот и зерновые хлеба. При этом размер валового отчуждения за два бюджетных года повысился примерно в два раза. Соответственно возрос коэффициент товарности сельхозпродуктов. Правда, это касалось посевных групп, засевавших площадь от 0,1 до 6,0 дес. Очевидно, это было связано с необходимостью накопления и расширения данного типа хозяйств. Не случайно, в крупнопосевных группах с посевом свыше 6,0 дес. он обнаружил тенденцию к сокращению. В любом случае, если в 1922/23 году в среднем по региону коэффициент товарности равнялся 11,7 % и еще не достиг показателей довоенного уровня в 18,0 %, то в 1923/24 г. наблюдалось его превышение – 23,5 %. (В Северо-Двинской губернии во дворах с посевом до 2 дес. – 28,2 %, с посевом свыше 2 дес. – 16,2 %, по средневзвешенным показателям – 23,3 %) ¹⁶.

В целом это превышение было достигнуто именно за счет возросшей товарности мелкопосевных дворов. В сходных условиях с двумя губерниями (по характеру хозяйствования) находилось крестьянское хозяйство Шенкурского уезда Архангельской губернии. В 1923/24 г., судя по обобщенным данным 75 крестьянских бюджетов, товарность сельского хозяйства в уезде была наибольшей за все периоды бюджетных наблюдений – 23,86 % ¹⁷.

Иной представлялась картина связи с рынком в других, менее земледельческих регионах Европейского Севера. В карельской деревне в 1923/24 г. валовая товарность сельского хозяйства в среднем на двор исчислялась в 17,91 % ¹⁸, в Усть-Вымском уезде АО Коми в 1924 г. – 12,31 %, Усть-Куломском – всего лишь 6,2 % (см. таблицу 4).

**ВАЛОВАЯ ДОХОДНОСТЬ И ТОВАРНОСТЬ
КРЕСТЬЯНСКИХ ХОЗЯЙСТВ АО КОМИ В 1924 г.**
(на основании разработки 24 бюджетов по Усть-Вымскому
и Усть-Куломскому уездам в руб.)

Показатели бюджета	Усть-Вымский уезд				Усть-Куломский уезд			
	Группы дворов				Группы дворов			
	закри- точные	средние	бедняц- кие	в сред- нем	закри- точные	средние	бедняц- кие	в сред- нем
Доход двора								
Валовая продукция сельского хозяйства	392,77	230,70	117,50	245,08	426,36	247,48	204,15	309,33
Затраты на полеводство	287,81	142,00	60,08	163,30	225,58	178,94	122,28	175,60
% расхода от валовой продукции	73,28	61,55	51,13	66,63	52,91	72,30	59,90	56,77
+ или - от реализации основного капитала	-25,18	-0,62	-	-8,60	-19,54	+7,50	+4,00	-2,68
Условно-чистый доход от сельского хозяйства	79,78	88,08	51,67	73,18	181,24	126,04	85,87	131,05
От промыслов и заработков	287,15	57,29	70,75	138,4	353,21	207,89	182,87	247,99
Всего дохода	366,93	145,37	122,42	211,58	534,45	333,93	268,74	379,04
Рыночный оборот								
Продано продуктов сельского хозяйства	33,65	39,36	17,53	30,18	25,90	9,47	22,13	19,17
Коэффициент валовой товарности сельского хозяйства	8,56	17,06	14,91	12,31	6,07	3,83	10,84	6,20
Куплено продуктов сельского хозяйства	46,52	46,25	19,92	37,56	8,86	3,23	15,41	9,17
Куплено продуктов промышленности	42,50	5,12	22,33	23,32	17,22	13,49	23,11	17,94
Всего куплено	89,02	51,37	42,25	60,88	26,08	16,72	38,52	27,11
Чистая товарность сельского хозяйства	-12,87	-6,89	-2,39	-7,38	+17,04	+6,24	+6,72	+10,00

Подсчитано по: Национальный архив Республики Коми. Ф. 140. Оп. 1. Д. 1015. Л. 1-3 об.

Материалы таблицы подтверждают вывод о более высоких показателях товарности сельского хозяйства мелких и средних дворов. В Усть-Вымском уезде в середняцких хозяйствах валовая товарность сельскохозяйственной продукции равнялась 17,06 %, в бедняцких – 14,91 %, в Усть-Куломском – 3,83 % и 10,84 %, что в целом значительно превышало аналогичные показатели зажиточных хозяйств.

Судя по имеющимся в нашем распоряжении бюджетным данным, наивысших показателей валовой товарности аграрное производство крестьянского двора в регионе достигло к середине 1920-х гг. При этом необходимо подчеркнуть: в обстановке, когда отсутствовали иные источники пополнения доходной части бюджета, позитивная динамика товарности сельского хозяйства двора была связана с необходимостью восстановления его производственного потенциала. Это обстоятельство дает основания для выводов о вынужденном характере товарности двора в этот период.

Вторая половина 1920-х гг. давала весьма интересные материалы для наблюдения. Отношение товарной продукции к валовой продукции в крестьянском хозяйстве, судя по имеющимся данным, начинало снижаться. Проанализируем отмеченное явление в разрезе административных единиц, выделив группу преимущественно земледельческих регионов (Вологодская и Северо-Двинская губернии) и группу «промышленных» – Архангельская губерния, АО Коми и Карельская АССР.

В Вологодской губернии за период с 1924/25 г. по 1927/28 г. (см. таблицу 5) валовая продукция сельского хозяйства увеличилась в совокупных объемах с 79265,2 тыс. руб. до 120252,9 тыс. руб., или на 51,7 %, а размер товарной продукции – лишь на 42,7 %. В результате доля товарной продукции по отношению к валовой снизилась с 14,09 % в 1924/25 г. до 13,25 % в 1927/28 г. Определенным динамизмом отличалась валовая товарность животноводческой отрасли, коэффициент которой за эти годы возрос с 30,87 % до 35,12 %. Рост товарности животноводства в губернии обеспечивался в первую очередь за счет производства молока (товарность его за эти годы увеличилась с 37,0 % до 42,4 %) и реализации сырья (кож и овчин)¹⁹. Обращает на себя внимание крайне низкий коэффициент товарности зерноводческой отрасли (при постоянном снижении, не превышавшем 1 %).

В Северо-Двинской губернии за период с 1925/26 г. по 1927/28 г. стоимость валовой продукции полеводства и животноводства увеличилась на 52,9 %, то есть примерно в тех же объемах, что и в Вологодской губернии (см. таблицу 6).

**ТОВАРНОСТЬ ОСНОВНЫХ ОТРАСЛЕЙ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА
ВОЛОГДСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1924–1928 гг.
(в тыс. червон. руб.)**

Годы	Зерновые культуры	Технические культуры	Животноводство	Лесоводство	Итого
Валовая продукция					
1924/25 г.	30373,0	2465,4	30094,1	16332,7	79265,2
1925/26 г.	41287,6	4440,4	33992,4	26523,8	106244,2
1926/27 г.	46883,8	2885,6	33923,9	28226,8	111920,1
1927/28 г.	46709,3	2980,1	40553,6	30009,9	120252,9
Товарная продукция					
1924/25 г.	248,0	1030,7	9291,2	598,2	11168,1
1925/26 г.	281,7	1741,4	12510,4	650,4	15183,9
1926/27 г.	129,8	649,3	11697,1	448,6	12924,8
1927/28 г.	235,0	1090,8	14240,5	369,3	15935,6
Коэффициент товарности					
1924/25 г.	0,82	41,81	30,87	3,66	14,09
1925/26 г.	0,68	39,22	36,80	2,45	14,29
1926/27 г.	0,28	22,50	34,48	1,59	11,54
1927/28 г.	0,50	36,58	35,12	1,23	13,25

Примечание: в таблице не учтена товарность луговодства, овощеводства, рыболовства и охоты.

Составлено и подсчитано по: Контрольные цифры народного хозяйства Вологодской губернии на 1927–28 год. Вологда, 1928. С. 57, 158–161.

Таблица 6

**ТОВАРНОСТЬ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА
СЕВЕРО-ДВИНСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1925/26 – 1927/28 гг.
(тыс. руб.)**

Отрасли хозяйства	Валовая продукция			Товарная продукция		
	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.
ПОЛЕВОДСТВО						
Зерновые культуры	20442,6	19031,3	24483,0	1109,5	-	759,9
Технические культуры	1734,2	3878,1	3478,6	1869,9	1047,2	2285,1
Корнеклубнеплоды	2292,7	3010,2	4769,1	469,0	76,5	109,5
Грубые корма	14254,5	25976,4	26587,7	22,6	32,3	25,84
Овощи	391,4	1311,9	1261,7	3,9	48,4	129,4
Всего	39115,4	53207,9	60580,1	3474,9	1204,4	3319,74
Коэффициент товарности отрасли				8,88	2,26	5,48

Отрасли хозяйства	Валовая продукция			Товарная продукция		
	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.
ЖИВОТНОВОДСТВО						
Мясная продукция	5393,7	6367,7	5960,9	687,0	667,4	512,9
Молоко	8387,3	10969,1	14932,1	3788,4	1702,9	3864,3
Кожи крупные	323,1	531,3	368,8	258,25	254,72	115,82
Кожи мелкие	914,0	961,5	829,7	683,1	506,6	533,18
Шерсть овечья	651,6	744,8	1295,5	8,60	21,49	85,96
Шетина и волос	75,7	102,1	94,4	77,36	73,06	51,60
Яйца	487,8	614,6	672,0	3,8	166,72	309,8
Пух и перо	9,3	10,6	13,1	-	-	-
Мед	109,4	20,1	66,2	109,0	20,5	66,0
Воск	25,4	8,1	9,1	-	-	-
Всего	16377,3	20329,9	24241,8	5615,51	3413,39	5539,56
Коэффициент товарности отрасли				34,29	16,78	22,85
ИТОГО	55492,7	73537,8	84821,9	9090,41	4617,79	8859,3
Коэффициент товарности (%)	16,38	6,28	10,44			

Примечание: итоговые показатели пересчитаны и исправлены автором.

Источник: Вологодский архив новейшей политической истории. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2084. Л. 138–139.

В Северо-Двинской губернии в отличие от Вологодской размеры товарной продукции не увеличивались, а сокращались. Естественно, что коэффициент товарности здесь снизился в большей степени, составив в 1925/26 г. 16,38 %, в 1926/27 г. 6,28 % и 10,44 % в 1927/28 г. Уровень товарности животноводческой отрасли, составлявший в 1925/26 г. 34,29 %, снизился до 22,85 % в 1927/28 г., но все же значительно превышал уровень товарности полеводческой отрасли, который равнялся 8,88 % в 1925/26 г., 2,26 % в 1926/27 г. и 5,48 % в 1927/27 г. Тем не менее товарность полеводческой отрасли в данной губернии была наивысшей по региону.

Посмотрим на развитие товарности аграрного производства неземледельческих районов Европейского Севера. Ниже обобщены сведения местных статистических органов о стоимостной оценке валовой и товарной продукции сельского хозяйства трех административных единиц на протяжении второй половины 1920-х гг. Несомненным достоинством этих материалов служит то, что все показатели пересчитаны в ценах одного 1926/27 г. (см. таблицу 7).

**ТОВАРНОСТЬ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА АРХАНГЕЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ,
КАРЕЛЬСКОЙ АССР И КОМИ АО в 1925—1929 гг.
(по ценам 1926/27 г. в тыс. руб.)**

Годы	Валовая продукция			Товарная продукция					
	Животно- водство	Растение- водство	Итого	Животновод- ство		Растение- водство		Итого	
				Абс.	Товарность (%)	Абс.	Товарность (%)	Абс.	Товарность (%)
Архангельская губерния									
1925/ 26	12321,6	24073,2	36394,8	3074,0	24,90	420,0	1,74	3494,4	9,6
1926/ 27	12853,0	20363,9	33216,9	3092,0	24,06	375,0	1,84	3467,0	10,44
1927/ 28	11791,0	25483,5	37274,5	2740,0	23,24	543,0	2,13	3283,0	8,80
1928/ 29	12681,2	26076,2	38757,4	3296,0	25,99	513,0	1,96	3809,0	9,82
Карельская АССР									
1925/ 26	15748	16805	32553	1414	8,97	245	1,45	1659	5,10
1926/ 27	15380	18702	34532	1893	11,96	366	1,96	2259	6,54
1927/ 28	16126	17388	33514	2018	12,51	389	2,24	2407	7,18
1928/ 29	15812	15719	31531	1975	12,49	33	0,21	2008	6,37
Коми АО									
1926/ 27	8057	11318,8	19375,8	468,3	5,81	136,5	1,21	604,8	3,12
1927/ 28	8186,6	14604,4	22791,0	720,5	8,80	207,2	1,42	927,7	4,07
1928/ 29	9010,7	14535,2	23545,9	832,4	9,24	332,4	2,29	1164,8	4,95

Составлено и подсчитано по: Итоги работы двух лет. Отчет Архангельского губисполкома XIII губернскому съезду Советов (с 1/Х – 1926 г. по 1/Х – 1928 г.). Архангельск, 1929. С. 54; Контрольные цифры народного хозяйства и социалистического строительства автономной области Коми на 1929–30 год. Сыктывкар, 1929. С. 15; Контрольные цифры народного хозяйства Архангельской губернии на 1928 – 29 г. Архангельск, 1928. С. 30, 32–33; Экономика и статистика Карелии. 1928. № 3. С. 30–31.

Так, в Архангельской губернии за период с 1925/26 г. по 1928/29 г. стоимость валовой сельскохозяйственной продукции увеличилась

лишь на 6,49 %, а стоимость ее товарной части несколько больше – на 9,00 %. Как видим, коэффициент товарности сельского хозяйства губернии в среднем не превышал 10 %, при этом зерновое хозяйство и выращивание технических культур носило абсолютно потребительский характер и не было связано с рынком. Объектом продажи служили картофель, овощи и грубые корма (солома и сено)²⁰. В итоге товарность растениеводства за период с 1925 по 1929 г. изменялась крайне незначительно и колебалась в пределах 1,74 % – 1,96 %. Достаточно четкой тенденции роста товарности не наблюдалось и в животноводческой отрасли. За все указанные годы примерно четверть животноводческой продукции носила товарный характер и служила предметом продажи.

Товарность одного крестьянского хозяйства, судя по усредненным данным по губернии, за период с 1926/27 по 1928/29 гг. снизилась с 10,43 % до 9,87 % (хотя в абсолютных показателях наблюдалось относительное увеличение товарной части сельскохозяйственной продукции двора с 48,3 до 52,2 руб.)²¹. Бюджетная статистика (данные по Шенкурскому уезду) подтверждает выявленную тенденцию падения товарности аграрного производства крестьянского двора. С 1924/25 г. по 1925/26 г. валовая продукция сельского хозяйства возросла с 459,52 руб. до 529,20 руб. (на 15,2 %), при этом товарная часть – на 19,3 % (с 60,42 до 72,08 руб.). Коэффициент товарности, таким образом, снизился с 23,86 % в 1923/24 до 13,15 % в 1924/25 г. и 13,62 % в 1925/26 г.²²

В Карелии за период с 1925 по 1929 г. объемы валовой продукции в стоимостных показателях снизились на 3,1 %, правда, стоимость товарной продукции возросла с 1659 тыс. руб. до 2008 тыс. руб. (на 21,0 %). Товарная часть продукции растениеводства республики, достигнув наивысших показателей в 1927/28 г. (коэффициент товарности равнялся 2,24 %), затем снизилась до ничтожных объемов в 1928/29 г. (коэффициент товарности составлял 0,21 %). Животноводческая отрасль была несколько больше втянута в рыночные отношения, но ее товарность, однако, не превышала 12,5 %. Уровень товарности сельского хозяйства республики не поднимался выше 7,18 % и явно снизился в 1928/29 г.²³

Наименее рыночным было сельское хозяйство АО Коми. Правда, в отличие от остальных регионов товарная часть продукции сельского хозяйства области неуклонно увеличивалась, составив в 1928/29 г. 9,24 % по отношению к валовой продукции. Как и повсеместно на Севере, основу рыночных отчуждений в коми деревне составляла продукция животноводства (уровень товарности животноводства увеличился с 3,12 % в 1926/27 г. до 4,95 % в 1928/29 г.)

В совокупных показателях, относящихся к Северному краю, валовая продукция растениеводства за период с 1927 по 1930 г. увеличилась со 144,5 млн. руб. до 162,0 млн. руб. (на 12,1 %), товарная ее часть – лишь на 0,1 млн. руб. (2,2 %) (см. таблицу 8).

Таблица 8

**ТОВАРНОСТЬ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА СЕВЕРНОГО КРАЯ
в 1927–1930 гг. (млн. руб. по ценам 1926/27 г.)**

Отрасли хозяйства	1927/28 г.		1928/29 г.		1929/30 г.	
	Валовая продукция	Товарная продукция	Валовая продукция	Товарная продукция	Валовая продукция	Товарная продукция
Растениеводство, в т.ч.:	144,5	4,5	146,2	5,8	162,0	4,6
зерновые	38,5	0,4	42,6	1,8	43,1	-
технические	6,8	2,9	7,7	2,8	7,9	3,4
прочие	99,2	1,2	95,9	1,2	111,0	1,2
Кэффициент товарности (%)		3,1		4,0		2,8
Животноводство, в т.ч.:	109,9	28,2	109,9	28,1	111,3	29,1
продукты питания	96,5	24,3	98,3	23,5	96,9	24,9
сырье	7,8	3,8	9,9	4,5	8,0	4,1
прочие	1,2	0,1	1,2	0,1	1,2	0,1
прирост скота	4,4	-	0,5	-	5,2	-
Кэффициент товарности (%)		25,7		25,6		26,1
Всего по сельскому хозяйству	254,4	32,7	256,1	33,9	273,3	33,7
Кэффициент товарности (%)		12,9		13,2		12,3

Составлено по: Контрольные цифры народного хозяйства и социально-культурного строительства РСФСР на 1929/30 год (Материалы ко II сессии ВЦИК XIV созыва). М., 1929. С 113, 116.

Кэффициент товарности растениеводства равнялся в 1927/28 г. – 3,1 %, в 1928/29 г. – 4,0 %, в 1929/30 г. – 2,8 %. Стоимость продукции животноводческой отрасли увеличилась со 109,9 млн. руб. до 111,3 млн. руб. (на 1,3 %), товарная часть – на 0,9 млн. руб. (на 3,2 %). Отношение товарной продукции к валовой животноводческой продукции за все три года составляло в среднем 25,6 – 26,1 %. Товарность всего сельского хозяйства региона в 1927/28 г. равнялась 12,9 %, в 1928/29 г. – 13,2 %, в 1929/30 г. – 12,3 %.

Как видим, к концу 1920-х гг. в регионе наблюдалось уменьшение темпов валового отчуждения и соответственно показателей общей товарности сельского хозяйства крестьянского двора.

При этом структура валового отчуждения фактически не менялась, то есть в составе отчуждаемых продуктов повсеместно основное место занимала продукция скотоводства и живой скот (хотя доля их в составе валовой продукции уступала продукции растениеводства). Исключением являлась Северо-Двинская губерния, в которой начиная с 1924/25 г. на одно из первых мест в составе продаж выдвигается лен (сырье, кудель, семена).

Таким образом, снижение коэффициентов товарности сельского хозяйства крестьянского двора во второй половине 1920-х годов служило важным симптомом определенной стагнации сельского хозяйства региона. Уровень товарности сельскохозяйственной отрасли на Европейском Севере к концу 1920-х годов оказался значительно ниже показателей начала XX века. Этот вывод представляется весьма важным, но при этом необходимо учитывать, что за средними показателями порой сложно разглядеть мозаику рыночного производства. Действительность была гораздо сложнее. Так, в 1927/28 г. в Архангельской губернии, по данным специального гнездового обследования, 2056 хозяйств около половины (49,6 %) крестьянских дворов вообще не имели товарной продукции, в 22,7 % дворов товарная продукция не превышала 100 руб. (см. таблицу 9).

Наименьшей товарностью отличалось сельское хозяйство приморских хозяйств Шеговарского (80 % дворов без товарной сельхозпродукции!), Пинежского и Поморского районов, наиболее товарными были дворы пригородного Холмогорского района.

Так или иначе доля сельскохозяйственной продукции, выбрасывавшаяся крестьянами во внешнехозяйственный оборот, после некоторого увеличения середины 1920-х гг. начинала снижаться. Это обстоятельство означало лишь то, что аграрное производство крестьянского двора на Севере в основном сохранялось на потребительском уровне, уровне присваивающего хозяйства.

Подтвердить или опровергнуть обоснованность данного вывода можно, если проанализировать уровень связи с рынком и сам рыночный оборот крестьянских хозяйств за эти годы. Воспользуемся для этой цели показателями чистого отчуждения продуктов сельского хозяйства.

**ТОВАРНОСТЬ КРЕСТЬЯНСКИХ ХОЗЯЙСТВ АРХАНГЕЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ
в 1927/28 г.**

Гнездо- район	Группировка хозяйств по объему товарной продукции (абс. и отн.)								Все- го
	Без про- дук- ции	С продукцией							
		до 50 руб.	50- 100 руб.	101- 150 руб.	151- 200 руб.	201- 300 руб.	301- 500 руб.	501 и бо- лее	
Холмогор- ский	73 14,6 %	50 10,0 %	67 13,5 %	60 12,0 %	66 13,3 %	75 15,0 %	71 14,2 %	37 7,4 %	499 100,0 %
Шеговар- ский	389 80,0 %	62 12,7 %	23 4,7 %	6 1,2 %	3 0,6 %	4 0,8 %	- -	- -	487 100,0 %
Пинежский	261 52,9 %	156 31,6 %	48 9,7 %	18 3,6 %	7 1,4 %	2 0,4 %	2 0,4 %	- -	494 100,0 %
Поморский	297 51,5 %	37 6,4 %	25 4,3 %	13 2,3 %	28 4,8 %	42 7,3 %	87 15,1 %	48 8,3 %	577 100,0 %
Всего	1020	305	163	97	104	123	160	85	2057
В среднем	49,6%	14,8%	7,9 %	4,7 %	5,1 %	6,0 %	7,8 %	4,1 %	100,0 %

Примечание: данные таблицы по не вполне ясной причине не совпадают с числом хозяйств, подвергшихся обследованию в 1927 г.

Источник: Северная деревня. Материалы обследования 2056 крестьянских хозяйств Архангельской губернии. Архангельск, 1928. С. 15.

Наиболее общий вывод, который можно сделать при сопоставлении показателей анализируемых выше двух бюджетных обследований 1922/23 и 1923/24 гг., состоит в том, что в 1923/24 году строение чистого отчуждения приобретало гораздо более закономерный вид. (см. таблицу 10).

**ЧИСТОЕ ОТЧУЖДЕНИЕ ПРОДУКТОВ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА
В КРЕСТЬЯНСКИХ ДВОРАХ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА В 1922/23 – 1923/24 гг.
(по материалам бюджетных обследований)**

Показатели отчуждения	Группы хозяйств по посеву в 1922/23 г.					Группы хозяйств по посеву в 1923/24 г.					
	До 2 дес.	От 2,1 до 4,0 дес.	От 4,1 до 6,0 дес.	От 6,1 до 8,0 дес.	По району	До 2 дес.	От 2,1 до 4,0 дес.	От 4,1 до 6,0 дес.	От 6,1 до 8,0 дес.	От 8,1 до 16,0 дес.	По району
На 1 хозяйство (в золотых руб.)											
Полесоводство	-13,18	-5,46	-36,52	-20,77	-12,16	-19,22	-11,49	+7,09	+14,44	+36,2	-14,09
Сенокос	-1,36	-2,46	-0,27	-	-1,67	-1,67	-0,73	-1,00	-	-	-1,20
Огородничество	+0,19	-0,07	+3,14	+17,50	+0,57	-0,09	+0,08	+2,10	-	-0,75	-1,20
Садоводство	+0,10	+0,04	-	-	+0,06	+0,42	-0,01	-0,58	-0,17	-	+0,18
Пчеловодство	+0,01	-	-	+32,50	+0,46	+0,06	-0,01	+6,47	-	-	+0,33
Скот	+1,85	+2,27	+11,00	+24,81	+3,04	+1,90	+6,30	+20,84	+20,38	-	+4,91
Продукты скотоводства	+10,86	+14,81	+13,05	+4,50	+12,43	+16,22	+24,03	+18,79	+7,50	+12,90	+19,76
Птицеводство	+0,21	+0,31	+0,45	-	+0,27	+0,31	+0,54	+0,42	+0,33	-	+0,42
Итого	-1,32	+9,44	-9,15	+58,54	+3,00	-2,07	+18,71	+54,13	+42,48	+48,35	+10,40
В т.ч. +	13,22	17,43	27,64	79,31	16,83	18,91	30,95	55,71	42,65	49,10	25,69
В т.ч. -	14,54	7,99	36,79	20,77	13,83	20,98	12,24	1,58	0,17	0,75	15,29
В % к итогу по знаку отчуждения											
Полесоводство	-90,65	-68,36	-99,26	-100,0	-87,90	-91,64	-93,89	+12,73	+33,84	+73,72	-92,15

Показатели отчуждения	Группы хозяйств по посеву в 1922/23 г.					Группы хозяйств по посеву в 1923/24 г.					
	До 2 дес.	От 2,1 до 4,0 дес.	От 4,1 до 6,0 дес.	От 6,1 до 8,0 дес.	По району	До 2 дес.	От 2,1 до 4,0 дес.	От 4,1 до 6,0 дес.	От 6,1 до 8,0 дес.	От 8,1 до 16,0 дес.	По району
Сенокос	-9,35	-30,80	-0,74	-	-12,10	-7,95	-5,98	-63,43	-	-	7,85
Огородничество	+1,47	-0,84	+11,35	+22,07	+3,37	-0,41	+0,28	+3,77	-	-100,0	+0,36
Садоводство	+0,73	+0,21	-	-	+0,38	+2,23	-0,08	-36,57	-100,0	+0,69	
Пчеловодство	+0,05	-	-	+40,99	+2,74	+0,33	-0,05	+11,61	-	-	+1,29
Скот	+14,01	+13,02	+39,80	+31,27	+18,07	+10,08	+20,36	+37,41	+47,79	-	+19,12
Продукты скотоводства	+82,14	+84,96	+47,24	+5,67	+73,86	+85,79	+77,61	+33,73	+17,59	+26,28	+76,92
Птицеводство	+1,60	+1,81	+1,61	-	+1,58	+1,62	+1,75	+0,75	+0,78	-	+1,62

Источник: Крестьянские бюджеты 1922/23 и 1923/24 гг. ... С. 407-409.

С известной долей уверенности можно сказать, что уже в 1924 г. только группы дворов с посевом менее 2,0 дес. давали отрицательный сельскохозяйственный баланс (то есть покупали больше, чем продавали), а все остальные группы имели перевес продаж над приобретениями. В среднем по региону чистая товарность сельского хозяйства Вологодской и Северо-Двинской губерний составляла в 1922/23 г. +3,0 руб., в 1923/24 г. - +10,4 руб. (с учетом оборота продуктов лесо-

водства и «прочих произведений своего хозяйства» в 1922/23 г. – + 3,5 руб., в 1923/24 г. – +8,8 руб.²⁴). Тем не менее следует подчеркнуть, что чистая товарность полеводства и луговодства за два бюджетных года в среднем по району имела отрицательное значение (исключение составляли дворы, засевавшие свыше 4,0 дес. пашни). В то же время баланс отчуждения и приобретения всех остальных продуктов, и в первую очередь животноводства, был положительным.

В 1923/24 г. в Северо-Двинской губернии бюджетный баланс продаж и покупок сельскохозяйственной продукции выглядел следующим образом: в хозяйствах с посевом до 2 дес. – 49,04:51,78 = (-2,74 руб.), для всех остальных – +14,85 руб., средний же по губернии баланс равнялся +2,04 руб. Это означало одно – в среднем из общей суммы отчужденных на рынок продуктов сельского хозяйства возвращалось обратно в хозяйство 95,9 %. В 1924/25 году чистая товарность крестьянского двора в губернии возросла и равнялась в среднем 25,0 руб.²⁵ В Вологодской губернии в 1923/24 г. в мелкпосевных дворах (до 2 дес.) на 16,16 руб. покупалось больше, чем продавалось, в среднпосевных (от 2,1 до 4,0 дес.) отчуждения превышали покупку на 9,09 руб., а во дворах, севших свыше 4 дес., – на 37,02 руб.²⁶ В данном случае можно вести речь о постепенном размыкании потребительских рамок сельскохозяйственного производства в этих дворах.

В неземледельческих районах Европейского Севера, как правило, крестьянское хозяйство выступало преимущественно в роли покупателя сельскохозяйственной продукции. В Архангельской губернии чистая товарность, то есть разница между продажей и отчуждением сельскохозяйственной продукции на протяжении 1923–1926 годов, имела минусовые показатели (см. таблицу 11).

Таблица 11

**ТОВАРНОСТЬ СЕЛЬСКОГО КРЕСТЬЯНСКОГО ХОЗЯЙСТВА
ШЕНКУРСКОГО УЕЗДА АРХАНГЕЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1923–1926 гг.
(по данным бюджетного обследования в руб.)**

Показатели	Валовая продукция			Отчуждение			Приобретение		
	1923/ 24 г.	1924/ 25 г.	1925/ 26 г.	1923/ 24 г.	1924/ 25 г.	1925/ 26 г.	1923/ 24 г.	1924/ 25 г.	1925/ 26 г.
Продукция полеводства	91,83	186,64	222,28	31,76	23,38	14,17	54,92	67,70	55,09
Продукция луговодства	48,05	94,02	115,80	3,04	3,99	6,69	4,56	11,01	16,14
Продукция огородничества	3,07	6,18	13,72	0,24	1,26	2,17	0,29	2,12	2,53
Продукция скотоводства	47,02	169,77	173,41	10,52	31,79	49,05	8,38	38,82	53,96

Показатели	Валовая продукция			Отчуждение			Приобретение		
	1923/ 24 г.	1924/ 25 г.	1925/ 26 г.	1923/ 24 г.	1924/ 25 г.	1925/ 26 г.	1923/ 24 г.	1924/ 25 г.	1925/ 26 г.
Продукция птицеводства	0,94	2,91	3,99	-	-	-	-	-	-
Итого	190,91	459,52	529,20	45,56	60,42	72,08	68,15	119,65	127,72
Валовая товарность				23,86	13,15	13,62			
Чистая товарность сельского хозяйства				-22,62	-59,23	-55,64			
Продукция рыболовства и охоты	1,23	-	-	0,27	0,19	1,62	0,05	16,58	1,71
Продукция лесоводства	19,88	37,83	37,86	0,59	1,84	0,97	0,25	1,74	2,71
Продукция промышленности и промыслов	84,38	186,02	522,48	4,86	26,83	26,63	17,47	82,80	152,77
Прочая продукция	2,30	32,68	11,39	-	-	-	-	-	-
Всего	298,70	716,05	1100,9	51,28	89,28	101,3	85,92	220,77	284,91
Валовая товарность двора				17,17	12,45	9,20			
Чистая товарность				-34,64	-131,4	-183,6			

Примечание: показатели за 1923/24 г. указаны в довоенных рублях, за 1924–1926 гг. – в червонных рублях. Таблица представляет обобщенные сведения по 75 крестьянским бюджетам за 1923/24 г., по 81 бюджету – за 1924/25 г. и по 45 бюджетам – за 1925/26 г.

Составлено и подсчитано по: Статистический сборник по Архангельской губернии за 1917–1924 гг. Архангельск, 1925. С. 494–496; Статистический сборник по Архангельской губернии за 1925 г. Архангельск, 1926. С. 184–187; Статистический сборник по Архангельской губернии за 1926 г. Архангельск, 1927. С. 186–190.

Как видим, даже в наиболее земледельческом районе губернии – Шенкурском уезде чистая товарность исчислялась в среднем на двор в 1923/24 г. в сумме (-22,62 руб.), в 1924/25 – (-59,23 руб.), в 1925/26 г. – (-55,64 руб.).

В Карелии в 1923/24 г. размер отчуждения продуктов сельского хозяйства равнялся 64,66 руб. в среднем на двор, в 1924/25 г. –66,90 руб. Обратные покупки в хозяйство составляли соответственно 92,29 руб. и 238,73 руб. Крестьянское хозяйство, таким образом, приобретало больше, чем продавало. Чистая товарность карельского двора в 1923/24 г. равнялась (-27,63 руб.), в 1924/25 г. соответственно – (-171,83 руб.)²⁷.

В Усть-Вымском уезде Коми АО, судя по бюджетным данным 1923/24 г. (см. таблицу 4), итоговое чистое отчуждение сельскохозяйственных продуктов также носило минусовые показатели и колебалось в пределах 12,87 руб. в зажиточных дворах и 2,39 руб. в бедняцких дворах. Любопытным исключением из общего правила (возможно из-за некорректной выборки дворов для анализа, произведенной областными статистиками) представлялся бюджет крестьянского двора Усть-Куломского уезда. В этом году устькуломский крестьянин имел перевес продаж сельхозпродукции над ее покупками примерно на 10,0 руб.

То, что это было отклонением от общей тенденции, подтверждают статистические материалы 1925/26 г., которые зафиксировали резкий перевес покупок над продажами сельхозпродуктов в крестьянских дворах АО Коми (см. таблицу 12).

Таблица 12

**РЫНОЧНЫЙ ОБОРОТ ПРОДУКТОВ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА КОМИ АО
В 1925/26 г. (руб.) (по суммарным данным 33 бюджетов)**

Показатели оборота	Продано	Куплено	Чистое отчуждение	
			по 33 дворам	на 1 хозяйство
Продукты полеводства	126,83	330,31	-203,48	-6,17
Продукты луговодства	149,10	391,62	-242,52	-7,34
Продукты огородничества	0,45	-	+0,45	+0,01
Продукты животноводства	457,30	630,30	-173	-5,24
Продукты птицеводства	91,55	2,78	+88,77	+2,69
Скот	1070,05	765,55	+304,4	+9,22
Продукты первичной переработки	8,25	1660,57	-1652,32	-50,07
Итого	1903,53	3781,13	-1877,6	-56,90

Источник: Национальный архив Республики Коми. Ф. 140. Оп. 1. Д. 1218. Л. 2-3.

Как видим, коми крестьянин выступал на рынке также преимущественно в роли покупателя продуктов сельского хозяйства. Чистая товарность двора составляла в среднем 56,90 руб. в пользу покупок. Между тем ряд отраслей крестьянского хозяйства, таких, как огородничество, птицеводство и выращивание скота, имели для крестьянина особое значение, так как продажа продукции этих отраслей приносила определенный доход.

Несложно определить, что к середине 1920-х гг. в целом по региону крестьянское хозяйство несколько увеличило товарность производства, но тем не менее на рынке выступало преимущественно в роли

покупателя сельскохозяйственной продукции. Основываясь на материалах бюджетных обследований крестьянских дворов, проанализированных Ю. П. Бокаревым, приходим к выводу, что в 1924/25 г. в среднем по Европейскому Северу (без АО Коми) в крестьянском хозяйстве продовольственных продуктов покупалось на 10,2 руб. больше, чем отчуждалось (см. таблицу 13).

Таблица 13

**РЫНОЧНЫЙ ОБОРОТ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ ПРОДУКТОВ
НА ЕВРОПЕЙСКОМ СЕВЕРЕ В 1924/25 г.
В СРЕДНЕМ НА ОДНО КРЕСТЬЯНСКОЕ ХОЗЯЙСТВО (руб.)**

Оборот	Архангельская губ.	Вологодская губ.	Карельская АССР	Северо-Двинская губ.	В среднем по региону
ПРОДАНО					
Продуктов полеводства	5,7	23,3	2,0	23,1	13,5
Продуктов огородничества	0,6	1,0	0,04	0,3	0,5
Продуктов садоводства	0,4	0,4	0,0	0,6	0,4
Продуктов скотоводства и птицеводства	6,4	47,3	15,1	14,6	20,8
Скота и птицы	9,3	32,2	12,5	23,1	19,3
Продуктов луговодства	1,7	2,1	5,6	2,5	3,0
Итого	24,1	106,3	35,24	64,2	57,5
КУПЛЕНО					
Продуктов полеводства	31,9	43,4	180,1	15,3	67,7
Продуктов скотоводства и птицеводства	7,1	7,2	10,1	4,0	7,1
Скота и птицы	15,5	16,4	12,3	17,3	15,4
Итого	54,5	67,0	202,5	36,6	90,2
Чистая товарность	-30,4	+39,3	-167,26	+48,9	-10,2

Подсчитано по: Бокарев Ю.П. Бюджетные обследования крестьянских хозяйств 20-х годов как исторический источник. М., 1981. С. 228.

Каким был показатель чистой товарности крестьянского двора во второй половине 1920-х гг.? Несложно предположить, что в условиях общего снижения валовой товарности производства крестьянин для восполнения потребительского баланса был вынужден расширять покупки сельхозпродукции. Имеющиеся в распоряжении исследователя

статистико-экономические материалы не в полной мере отражают специфику хозяйствования крестьянства в этот период, но тем не менее позволяют определить общую направленность рыночных связей крестьянского двора. Так, по данным управления статистики Карелии, в IV квартале 1927 г. в среднем на хозяйство доход от продажи сельхозпродуктов равнялся 30,34 руб. и составлял 12,7 % от общей суммы дохода крестьянского двора, в III квартале 1928 г. – 15,71 руб. (10,7 %), в IV квартале 1928 г. – 95,40 руб. (38,3 %). В структуре денежных расходов двора покупка сельхозпродуктов в IV квартале 1927 г. в среднем на хозяйство равнялась 56,49 руб. и составляла 23,6 % от общей суммы расхода крестьянского двора, в III квартале 1928 г. – 29,57 руб. (20,2 %), в IV квартале 1928 г. – 46,42 руб. (18,6 %). Чистое отчуждение продуктов сельского хозяйства в IV квартале 1927 г. составляло (-26,15 руб.), в III квартале 1928 г. (- 13,86 руб.) в IV квартале 1928 г. (+48,98 руб.)²⁸. Как видим, к началу 1929 г. карельский крестьянин резко увеличил продажу продуктов своего производства и расширил их покупку, что, видимо, помимо действия указанных общих факторов, объяснялось также и внешними по отношению ко двору обстоятельствами (массовый убой скота в преддверии коллективизации и др.)

В Архангельской губернии в 1927/28 г. в среднем на хозяйство доход от реализации сельхозпродуктов равнялся 142,75 руб. (25,62 % от всего совокупного дохода), обратные покупки оценивались в 145,97 руб. (26,27 % от всех расходов). Крестьянин покупал больше, чем продавал, на 3,22 руб. В 1-м полугодии 1928/29 г. сумма продаж сельхозпродукции равнялась 71,49 руб. (22,0 % от всего дохода), покупок – соответственно 81,55 руб. (24,84 % всех расходов). Чистая товарность сельскохозяйственной отрасли составила (-10,06 руб.)²⁹. Резкое повышение покупок продуктов сельского хозяйства служило прямым свидетельством неэффективности отрасли. По данным Коми облстатотдела, денежный баланс сельского хозяйства Сысольского, Усть-Вымского и Усть-Куломского уездов Коми АО за период с 1 октября 1926 г. по 1 июля 1927 г. состоял из 1 185 699 руб. дохода от продаж и 1 762 573 руб. расхода на приобретение продуктов³⁰. Чистая товарность сельского хозяйства имела ярко выраженный отрицательный показатель.

По данным о товарообороте зерна и фуража за 1928/29 г., исчисленного в центнерах на хозяйства, чистая товарность этой продукции на Европейском Севере имела минусовое значение (см. таблицу 14).

**ХЛЕБОФУРАЖНЫЙ БАЛАНС КРЕСТЬЯНСКИХ ХОЗЯЙСТВ
ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА в 1928/29 г.
(по социальным группам на 1 хозяйство в центнерах)**

Показатели баланса	Северный район				Карельская АССР			
	пролетарские дворы	полупролетарские дворы	Мелко-варные дворы	мелкокапиталистические дворы	пролетарские дворы	полупролетарские дворы	Мелко-варные дворы	мелкокапиталистические дворы
ПРИХОД								
Остаток к началу 1928 г.	2,03	3,18	9,48	9,88	0,2	1,83	6,13	4,21
Валовой сбор	6,34	10,31	18,62	18,75	-	3,29	9,78	7,37
Итого в приходе	8,37	13,49	28,10	28,63	0,2	5,12	15,91	11,58
РАСХОД								
Обсеменение	1,46	2,13	3,37	3,13	-	1,16	2,38	1,85
Продовольствие	6,80	8,31	11,96	13,13	10,38	9,53	14,01	14,47
Фураж (корма)	1,77	2,34	6,38	7,38	0,2	2,79	8,59	8,42
Потеря и порча	0,23	0,35	0,69	0,50	-	-	0,19	-
Итого расхода	10,26	13,13	22,40	24,14	10,58	13,48	25,17	24,74
Остаток за вычетом расхода	-1,89	+0,36	+5,70	+4,49	10,38	-8,36	-9,26	-13,16
Остаток к началу 1929 г.	2,62	3,61	7,83	8,49	0,4	1,64	4,75	4,74
ТОВАРООБОРОТ								
Отчуждено	0,26	0,72	2,68	9,00	-	-	0,19	0,26
Приобретено	4,77	9,97	4,81	7,00	10,78	10,00	14,20	16,16
Чистая товарность	-4,51	-9,27	-2,13	+2,00	10,78	-10,00	-14,01	-15,90

Составлено и подсчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 3. Д. 50. Л. 140-141.

Интересно, что если в Северном районе наибольшее превышение объемов приобретенных продуктов над проданными было характерно для маломощных дворов, то в Карельской АССР, наоборот, для зажиточных.

Заключая сказанное, необходимо подчеркнуть, что продажей и покупкой продуктов сельского хозяйства в рыночном обороте не исчерпывались все меновые связи крестьянского хозяйства с внешним миром. При определении степени товарности сельского хозяйства необходимо принимать во внимание фонд натурального накопления, немалый по своим размерам, натуральный оборот сельскохозяйственной продукции (в виде платы за работы и услуги), натуральный налог, имевший место до 1924 г., и др. Тем не менее анализ торгового оборота сельхозпродукции крестьянского хозяйства в 1920-е гг. дает основание судить о снижении валовой товарности сельского хозяйства региона. (При этом в разрезе посевных групп она была выше в мелких дворах, зато чистая товарность этих хозяйств оставалась более низкой, чем в относительно крупных хозяйствах.) Если учесть при этом, что со второй половины 1920-х годов в регионе начинают снижаться темпы роста сельскохозяйственной продукции, можно вести речь о нарастании кризисных явлений в аграрной сфере всего региона. На протяжении первой трети XX столетия сельское хозяйство крестьянского двора не выходило за рамки экстенсивного производства, в основном обслуживая потребительские запросы семьи.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Андреев В. А. Основные элементы крестьянского хозяйства в 1916, 1920 и 1924 гг. Кострома, 1924; Анучина М. В. Сельское хозяйство Вятской губернии на пороге нэпа // История и культура Волго-Вятского края. Киров, 1994. С. 234–235; Бокарев Ю. П. Бюджетные обследования крестьянских хозяйств 20-х годов как исторический источник. М., 1981; Вайнштейн А. Л. Обложение и платежи крестьянства в довоенное и революционное время (Опыт статистического исследования). М., 1924; Вишоградов С. В. Мелкотоварное крестьянское хозяйство Поволжья в 1920-е годы. М., 1998; Воронин А. В. Советская власть и кооперация: (Кооп. политика Сов. власти : центр и мест. власти Европ. Севера в 1917 – начале 30-х гг.) / Петрозав. гос. ун-т. – Петрозаводск, 1997; Данилов В. П. Советская доколхозная деревня: Население, землепользование, хозяйство. М., 1977; Он же. Советская доколхозная деревня: Социальная структура, социальные отношения. М., 1979; Деларов Д. И. Крестьянское хозяйство, его нужды и сельскохозяйственная работа кооперации. Вологда, 1924; Дербенев А. Г. Крестьянское хозяйство Северо-Двинской губернии в 1923-24 году на основе изучения его бюджета. Великий Устюг, 1925; Дианова Е. В. Кооперативное движение на Европейском Севере в 1917–1923 гг. : Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Петрозаводск, 1996; Доброноженко Г. Ф. Сельскохозяйственное производство в северной деревне в середине 20-х годов // Изучение аграрной истории Европейского Севера СССР на современном этапе. Сыктывкар, 1989. С. 139–143; Она же. Северная деревня в середине 20-х годов: сельскохозяйственное производство и материальное положение крестьянских хозяйств // Материальное положение, быт

и культура северного крестьянства (советский период). Межвузовский сборник научных трудов. Вологда, 1992. С. 16–24; *Иванов А. А.* Статистические публикации о социально-экономическом развитии деревни Марийской автономной области в 1920-е годы (состав и информативные возможности) // *Марийский археогр. вестн. Йошкар-Ола*, 1998. № 8. С. 136–149; *Кабанов В. В.* Крестьянское хозяйство в условиях «военного коммунизма». М., 1988; *Климин И. И.* Крестьянское хозяйство Ленинградской губернии в середине 20-х годов // *Северо-Запад в аграрной истории России*. – Калининград, 1994. С. 85–92; *Ковалев Д. В.* Динамика социально-экономической и политической жизни подмосковной деревни в период нэпа (1921–1927 гг.): Автореф. дис. канд. ... ист. наук. М., 1996; *Костров Н. И., Никитин Н. П., Эмме А. А.* Очерки организации крестьянского хозяйства по материалам бюджетных обследований начала XX века. М., 1925; *Лабузов В. А.* Деревня Южного Урала в период новой экономической политики (1921–1927 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Оренбург, 1995; *Льюис Э.* К вопросу о социальной базе новой экономической политики // *Вопросы истории*. 1994. № 3. С. 170–173; *Месяцев П. А.* Земельная и сельскохозяйственная политика в России. М., 1922; *Носова Н. П.* Управлять или командовать?: Государство и крестьянство Сов. России (1917–1929). М., 1993; *НЭП: завершающая стадия: соотношение экономики и политики*. М., 1998; *НЭП: приобретения и потери*. М., 1994; *Орлов И. Б.* Новая экономическая политика: История, опыт, проблемы. М., 1999; *Осколков Е. Н.* Альтернативы социальной реорганизации российской деревни в 20-е годы // *Изв. вузов. Сев.-Кавк. Регион. Обществ. науки*. Ростов н/Д., 1996. №4. С. 67–70; *Пащенко М. Я.* Государство и крестьянское хозяйство в период нэпа // *Актуальные проблемы социально-гуманитарных наук*. Воронеж, 1994. Вып. 11. С.28–33; *Пересторонина Л.И.* Историческая динамика крестьянских хозяйств на Урале в годы нэпа (к вопросу о методологии и итогах изучения) // *Уральское село в XX веке*. Екатеринбург, 1994. С. 25–34; *Рапопорт Ю. М.* Осуществление экономической политики Коммунистической партии в условиях Европейского Севера РСФСР (1917–1925 гг.). Л., 1984; *Саблин В. А.* Земельная политика партии в северной деревне 1917–1920 гг. // *Социально-экономическое развитие северной деревни (советский период)*. Межвузовский сборник научных трудов. Вологда, 1988. С. 119–130; *Он же.* Основные тенденции демографического развития деревни Европейского Севера России в 1917–1920-е годы // *Особенности российского земледелия и проблемы расселения IX–XX вв. XXVI сессия симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Тезисы докладов и сообщений*. Тамбов, 15–18 сентября 1998 г. М., 1998. С. 137–139. *Сидоров Л. А.* Сельскохозяйственная кооперация в Карелии в 1920-е годы // *Новое в изучении истории Карелии*. Петрозаводск, 1994. С. 43–51; *Скворцова Е. М.* Моделирование тенденций развития крестьянского хозяйства по материалам бюджетных обследований Московской области за 1925/1926 г. // *ЭВМ и математические методы в исторических исследованиях*. М., 1994. С. 129–158; *Студенский Г. А.* Очерки сельскохозяйственной экономики. М., 1925; *Третьяк Л.В.* Крестьянская поземельная община и сельские советы в Рязанской губернии: (Первая половина 20-х годов) // *Из прошлого и настоящего Рязанского края*. Рязань, 1995. С. 104–111; *Хрящева А. И.* Группы и классы в крестьянстве. М., 1924 и др.

² *Островский А. В.* Сельское хозяйство Европейского Севера России 1861–1914 гг. СПб., 1998. С. 146–151, 211.

³ Там же. С. 106, 211.

⁴ *Жилин Н.* Сельскохозяйственный промысел Северо-Двинской губернии // *За работу*. 1920. № 2-3. С.6.

⁵ *История северного крестьянства Т. 2. Период капитализма*. Архангельск, 1985. С. 223.

⁶ Термин широко использовался в те годы. Зачастую в него вкладывался двоякий смысл: а) продуктообмен – безденежный обмен продуктами; б) государственный товарообмен – товарные отношения (купля–продажа), в основу которых были положены ценовые эквиваленты.

⁷ См. подробнее: *Давыдов М. И.* Государственный товарообмен между городом и деревней в 1918–1921 гг. // Исторические записки. Т. 108. 1982. С. 33–55; *Дихтяр Г.* Советская торговля в период построения социализма. М., 1961. С. 86; *Дмитренко В. П.* Советская экономическая политика в первые годы пролетарской диктатуры. М., 1986. С. 116–122. *Кабанов В. В.* Указ. соч. С. 148–150 и др.

⁸ *Струмилин С. Г.* На плановом фронте, 1920–1930 гг. М., 1958. С. 33.

⁹ *Чубаков Г.* Указ. соч. С. 64.

¹⁰ См. подробнее: *Итоги разработки сельскохозяйственной переписи 1920 г. по типам и группам хозяйств. Северный район. Труды ЦСУ. Т. XIV. Вып. 1. М., 1924. С. XVI–XVII.*

¹¹ *Жилин Н.* Сельскохозяйственный промысел Северо-Двинской губернии // За работу. 1920. № 2-3. С. 6.

¹² Следует отдавать отчет в том, что данное сравнение все же условно. Оно основано на том, что довоенные бюджеты Вологодской губернии охватывали часть уездов будущей Северо-Двинской губернии.

¹³ Народное хозяйство в 1920 г. и первую половину 1921 г. М., 1921. С. 7, 46.

¹⁴ *Дмитренко В. П.* Советская экономическая политика в первые годы пролетарской диктатуры. Проблемы регулирования рыночных отношений. М., 1986. С. 168.

¹⁵ См. подробнее: *Саблин В. А.* Земледельческое производство на Европейском Севере в первой половине 1920-х гг. (характер восстановительных процессов в северной деревне) // Северная деревня в XX веке: Актуальные проблемы истории. Вологда, 2000. С. 3–22; Народное хозяйство Карелии 1926 – июнь 1941 г.: Документы и материалы. Петрозаводск, 1991. С. 138–140.

¹⁶ *Дербенев А. Г.* Крестьянское хозяйство Северо-Двинской губернии в 1924–25 году на основе изучения бюджета. Великий Устюг, 1925. С. 52.

¹⁷ Подсчитано по: Статистический сборник по Архангельской губернии за 1917–1924 годы. Архангельск, 1925. С. 494–496; Статистический сборник по Архангельской губернии за 1925 год. Архангельск, 1926. С. 184–187; Статистический сборник по Архангельской губернии за 1926 год. Архангельск, 1927. С. 186–190.

¹⁸ Подсчитано по: Рыночный оборот крестьянского хозяйства (по бюджетным исследованиям 1924 и 1925 гг.) // Экономика и статистика Карелии. 1925. № 1–3. С. 114–119.

¹⁹ Государственный архив Вологодской области (ГАВО). Ф. 129. Оп. 1. Д. 168. Л. 17–19.

²⁰ См. подробнее: *Итоги работы двух лет. Отчет Архангельского губисполкома XIII-му губернскому съезду Советов ...* С. 54; *Контрольные цифры народного хозяйства Архангельской губернии на 1928 – 29 г. ...* С. 30, 32–33.

²¹ Там же.

²² Обобщены сведения по 75 крестьянским бюджетам за 1923/24 г., по 81 бюджету за 1924/25 г. и по 45 бюджетам за 1925/26 г. См.: Статистический сборник по Архангельской губернии за 1917–1924 годы ... С. 494–496; Статистический сборник по Архангельской губернии за 1925 год ... С. 184–187; Статистический сборник по Архангельской губернии за 1926 год ... С. 186–190.

²³ По другим источникам валовая продукция Карельской АССР в 1927/28 г. оценивалась в 33581,7 тыс. руб. (17388,2 тыс. руб. – растениеводство, 16148,5 тыс. руб. – животноводство), товарная часть соответственно в 2400,0 тыс. руб., в том числе растениеводство – в 390,2 тыс. руб., животноводство – в 2009,8 тыс. руб. В 1928/29 г. валовая продукция оценивалась в 35518,7 тыс. руб. (18144,9 тыс. руб. – растениеводство, 17373,8 тыс. руб. – животноводство), товарная часть соответственно в 3029,0 тыс. руб., в том числе растениеводство в 178,3 тыс. руб., животноводство в 2850,7 тыс. руб. (см.: Карельский государственный архив новейшей истории. Ф. 3. Оп. 2. Д. 227. Л. 6 об).

²⁴ Народное хозяйство Союза ССР в цифрах с приложением данных по мировому хозяйству. Статистический справочник. Год 2-й. М., 1925. С. 344–345.

²⁵ Подсчитано по: Дербенев А. Г. Крестьянское хозяйство Северо-Двинской губернии в 1924-25 году на основе изучения его бюджета. Великий Устюг, 1925. С. 44-47; Он же. Рыночный оборот крестьянских хозяйств Северо-Двинской губернии в 1924-25 году // Бюллетень Северо-Двинского губернского статистического бюро. 1926. № 1. С. 9-11.

²⁶ Вологодский областной архив новейшей политической истории. Ф. 1853. Оп. 8. Д. 12а. Л. 40.

²⁷ Рыночный оборот крестьянского хозяйства (по бюджетным исследованиям 1924 и 1925 гг.) // Экономика и статистика Карелии. 1925. № 1-3. С. 114-119.

²⁸ Подсчитано по: Бюллетень статистического управления Карельской АССР. 1929. № 1. С. 11.

²⁹ Государственный архив общественно-политических движений и формирований Архангельской области. Ф. 290. Оп. 1. Д. 245. Л. 37-39.

³⁰ Национальный архив республики Коми. Ф. 139. Оп. 1. Д. 464. Л. 57-60.

С. И. Шубин

Крестьянский «самоход» нэпа (в оценках А. В. Чайнова, Н. Д. Кондратьева, Н. Л. Мещерякова, П. П. Маслова)

Работая в Российском государственном архиве социально-политической истории, я обнаружил дело¹, в котором оказались материалы с анализом развития сельского хозяйства Советской России за 1921-1927 гг., сделанным по просьбе В. М. Молотова накануне XV съезда ВКП(б) вышеназванными учеными. Содержание записок свидетельствовало о том, что авторы со всей серьезностью отнеслись к просьбе высокопоставленного партийного функционера и дали достаточно содержательный анализ состояния сельского хозяйства. Не случайно вскоре эти документы (за исключением записки Н. Л. Мещерякова) были опубликованы в журнале «Известия ЦК КПСС»².

В целом авторитетные экономисты-аграрники положительно оценивали характер и темпы развития сельского хозяйства страны в годы нэпа. Общий земельный надел российского крестьянства увеличился, по их расчетам, за это время на 50 млн. десятин, «землеобеспеченность удобной землей сельскохозяйственного пользования» увеличилась как из расчета на душу населения, так и на хозяйство³. Темп ежегодного прироста объема сельскохозяйственной продукции за 1921-1927 гг. составил более 10-15 %, в сравнении с американским за это же время (3-3,8 %) и довоенным в России (2,7 %)⁴.

Значение сельского хозяйства для экономики страны, подчеркивал Н. Д. Кондратьев, вытекает из самой структуры самодостаточного на-

селения. В СССР в 1926 г. «процент самодеятельного населения, занятого в сельском хозяйстве, составлял 81,6 % (в промышленности – 7,6%)», в то время как в США в сельском хозяйстве было занято 26,3%, в промышленности – 34,4 %, а в Англии соответственно – 7,8% и 51,5 %⁵. По расчетам Николая Дмитриевича, «народный доход на душу населения», несмотря на заметный рост, оставался ниже дореволюционного и значительно уступал заграничным показателям. В частности, душевой доход в Англии превышал советский в 5,6 раза, а американский – в 8,2 раза.

Народный доход на душу населения (в золотых руб.)⁶

СССР	(1925/26 г.)	– 75,7, в том числе от с/х – 60
Россия	(1913 г.)	– 101,4 «-----» ----- – 68
Великобритания	(1923 г.)	– 413 «-----»-----»----- – 180
США	(1923 г.)	– 625 «-----»-----»----- – 250

Определенный интерес представляет таблица «стоимости капиталов на одно крестьянское хозяйство» Советской России (в довоенных ценах).

Таблица 1

СТОИМОСТЬ КАПИТАЛОВ НА ОДНО КРЕСТЬЯНСКОЕ ХОЗЯЙСТВО ПО РСФСР⁷
(в оценке по довоенным ценам)

Виды капиталов	1913 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	1926/27 в % к 1913 г.
Постройки	462,6	396,1	406,2	87,8
Сельскохозяйственный инвентарь	67,4	42,5	45,4	67,4
Транспорт. Инвентарь	47,6	28,4	30,6	64,3
Весь инвентарь	115,0	70,9	76,0	66,1
Скот	285,6	232,7	237,0	83,0
Итого	863,2	699,7	719,2	83,3

Из таблицы видно, что наиболее быстрыми темпами восстанавливались крестьянские постройки и поголовье скота, это давало надежду на дальнейшее поступательное развитие аграрного сектора экономики страны.

Недостаток кредитования крестьян в сравнении с США и Германией компенсировался в определенной мере льготным налогообложением. Так, в 1925/26 хозяйственном году в СССР налог составил 9,2 % «от условно чистого дохода с/х или 5 довоенных рублей на душу сельского населения», в России до 1917 года налог составлял 9,5 % от дохода и 6 рублей 36 копеек на душу сельского населения. В США налог

составлял тогда 15,7 % дохода фермы. Причем основное бремя налогообложения в Советском Союзе было возложено на зажиточные слои крестьянства. Наряду с падением сельскохозяйственного экспорта возросло потребление сельхозпродуктов внутри страны⁸.

За 1921–1927 годы по сравнению с дореволюционным периодом выросло «машиноснабжение» сельского хозяйства, хотя 27,7 тыс. тракторов могли в 1927 году обработать лишь 3 % посевных площадей, электрифицировано было около 1,5 % крестьянских дворов⁹.

Подводя итог, Н. Кондратьев писал: «Эффект послереволюционных условий развития сельского хозяйства определенно выявился:

- 1) в высоком темпе роста c/x ,
- 2) в темпе роста c/x кооперации,
- 3) в задержке процессов расслоения деревни,
- 4) в относительном повышении уровня благосостояния низших групп деревни».

В перспективе «современные условия создают достаточную гарантию для предотвращения резких сдвигов в социальном расслоении деревни. Равным образом, эти условия обеспечивают дальнейший подъем беднейших слоев деревни. При этом условии задача поддержания достаточного темпа развития сельского хозяйства, повышения его товарности и развития сельскохозяйственного экспорта требует весьма осторожной и поощрительной политики в отношении трудовых развивающихся высокотоварных хозяйств.

Развитие коллективных хозяйств при современных условиях будет продолжаться. Однако при наличной технической базе сельского хозяйства оно будет идти замедленным темпом. И еще долгие годы коллективное сельскохозяйственное производство не приобретет заметного значения в общем составе нашей сельскохозяйственной продукции. Усиление темпа роста здорового коллективизированного земледелия требует неизмеримо более высокой технической базы сельского хозяйства и повышения культурного уровня населения.

На ближайшее обозримое время вопрос о развитии сельского хозяйства будет, как и раньше (с точки зрения удельного веса), прежде всего, вопросом развития индивидуальных крестьянских хозяйств, хотя бы объединенных в кооперативы»¹⁰.

В первой половине 1920-х гг. и на Севере происходил процесс достаточно эффективного хозяйственного и культурного «переваривания» социальных катаклизмов 1917–1920 гг. «У нас в волости имеется порядочно старых офицеров, человек до 10, все они заняты сельским хозяйством, есть человек около 10 комиссаров, которые теперь тоже не у дел, и попы теперь тоже влияния не имеют. Все вошли в свое хозяйство», – отмечал в отчете в губком партии секретарь Благовещен-

ского волкома Шенкурского уезда Архангельской губернии в 1925 г.¹¹ «Уход в свое хозяйство» давал положительные результаты. По моим подсчетам, темпы ежегодного прироста посевных площадей и поголовья крупного рогатого скота у крестьян на территории Северного края составляли в 1920-е гг. 15 %. Некоторые цифровые показатели развития сельского хозяйства иллюстрирует таблица:

Таблица 2

ПОКАЗАТЕЛИ РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА В СЕВЕРНОМ КРАЕ¹²

	1920	1922	1924	1927	1928	1929
Посевн. пл. (тыс. га)	425	563	797	989	983	1030
Поголов. лош. (тыс. голов)	-	-	389	449	478	481
Поголовье КРС	-	-	1059	1258	1330	1244
в том числе коров (тыс. гол.)	545	540	-	764	760	758
Овцы, козы (тыс. голов)	-	-	1013	1269	1428	1258
Свиньи (тыс. голов)	-	-	88	161	199	178

Н. Л. Мещеряков «в силу малого времени» остановился на проблемах развития сельскохозяйственной кооперации, отличиях ее от буржуазной. По его словам, кооперация в аграрном секторе будет «играть громадную роль»¹³.

Аналогичную точку зрения высказывал и А. В. Чаянов: «Подобно тому, как толпа вооруженных людей не представляет еще собой армию, сельское хозяйство не есть просто сумма крестьянских хозяйств. Сельское хозяйство, как и армия, получает свое лицо, становится активным аппаратом, когда получает организацию». И такую организацию А. Чаянов видел прежде всего в кооперации¹⁴.

Сравнивая развитие сельского хозяйства в 1920-е гг. с дореволюционным периодом, ученый обратил внимание еще на две особенности. Во-первых, на отход от натурально-феодалного характера крестьянского хозяйства, который был присущ ему «в течение ряда столетий», во-вторых, на то, что «к власти» в крестьянском хозяйстве более чем наполовину «пришли» бывшие солдаты мировой и Гражданской войн... «Люди с неизмеримо более широким кругозором, чем хозяева 1906–1915 годов. Этот новый «персонал» крестьянских хозяйств на две головы выше старого, более подвижен и восприимчив к агроулучшениям. Крестьянское хозяйство сдвинулось с мертвой точки и пошло

самоходом. Этот поток носил бы еще более массовый характер, если бы не крайнее ослабление стимулов к расширению хозяйства»¹⁵.

Профессор П. П. Маслов в записке «Развитие сельского хозяйства до и после революции» подчеркнул, что «почти по всем районам мы видим передвижку вверх, т.е. общее повышение благосостояния крестьян». Этот вывод ученый проиллюстрировал таблицей о динамике поголовья скота по районам страны:

Таблица 3

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ СКОТА ПО РАЙОНАМ В РАЗЛИЧНЫХ ГРУППАХ КРЕСТЬЯНСКИХ ХОЗЯЙСТВ ПО РСФСР В 1923/24 И 1925/26 ГОДАХ¹⁶

Районы	На 100 хозяйств							
	Без скота		До 2 голов		От 2 до 4 голов		Более 4 голов	
	1923/ 24 г.	1925/ 26 г.	1923/ 24 г.	1925/ 26 г.	1923/ 24 г.	1925/ 26 г.	1923/ 24 г.	1925/ 26 г.
Кр. Север	6,7	6,13	58,8	50,4	30,7	37,3	3,7	6,2
Северный	6,9	5,5	63,1	44,8	28	41	1,9	8,7
Централь- ный	25,7	22,9	65,5	66,6	8,3	9,7	0,5	0,84
Волжский	26	19,8	58,3	59,7	12	17	3,5	3,5
Сибирь	6	5,1	36,6	31	37	36,9	20,3	27

В середине 1920-х гг., судя по таблице, наблюдалась тенденция роста крестьянских хозяйств, владеющих двумя—четырьмя и более головами крупного рогатого скота, причем такой рост был особенно зримым на Севере и в Сибири, а уменьшение доли бескоровных крестьян было более заметно в центральных районах России, так как общий процент таковых на Севере был сравнительно невелик.

В целом оценка государственной аграрной политики за 1921—1927 гг. со стороны ученых была дана положительная. Содержание и форму записок можно охарактеризовать как лояльную власти, но в то же время в анализе чувствуется опасение за будущее России, стремление предупредить скатывание к политиканству в экономике.

П. П. Маслов в заключение своего письма отметил, что «развитие хозяйства определяется не голосованием, а экономическими условиями производства»¹⁷. Н. Д. Кондратьев обратил внимание на то, что «развитие коллективных форм хозяйства будет продолжаться, однако при наличной технической базе оно будет идти замедленным темпом, и еще долгие годы коллективное с/х производство не приобретет заметного значения в общем составе нашей сельскохозяйственной продукции»¹⁸.

Скорее всего, под впечатлением записок ученых В. Молотов заявил на XV съезде ВКП (б): «Развитие индивидуального хозяйства будет продолжаться еще годы и годы, потребуется немало лет для того, чтобы перейти от индивидуального к общественному (коллективному) хозяйству»¹⁹. Этот тезис нашел отражение и в резолюции съезда «О работе в деревне», в которой отмечалось, что «индивидуальное собственническое хозяйство еще значительное время будет базой всего сельского хозяйства»²⁰.

Переход к сплошной коллективизации коренным образом изменил ситуацию, первыми жертвами репрессий «великого» перелома стали ученые-аграрники. 6 августа 1930 г. Сталин с черноморской дачи дает указание Молотову: «Вячеслав!... Кондратьева, Громана и пару-другую мерзавцев нужно обязательно расстрелять»²¹. В ответ на предложение Молотова предать гласности процесс обвинения ученых Сталин с присущим ему иезуитством пишет: «Разъяснения в печати «дела» Кондратьева целесообразно лишь в том случае, если мы намерены передать это «дело» в суд. Готовы ли мы к этому? Считаем ли нужным передать «дело» в суд?.. Между прочим, не думают ли господа обвиняемые признать свои ошибки и порядочно оплевать себя политически, признав одновременно прочность Советской власти и правильность метода коллективизации? Было бы недурно». Две недели спустя, Сталин предупреждает: «Подождите с делом передачи в суд кондратьевского «дела». Это не совсем безопасно»²².

Таким образом, крестьянский «самоход» нэпа представлял серьезную опасность для Сталина и его окружения в качестве альтернативы сплошной коллективизации и «великому» перелому. «1929 год, – писал П. А. Колесников, – был действительно, годом «великого» перелома, но в ином плане, чем это понималось Сталиным, – началось разрушение хозяйства, его сердцевины – созидательной силы – двора и трудовой семьи»²³.

Видимо, с ее возрождения необходимо начинать и восстановление разрушенного.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 282.

² Известия ЦК КПСС. 1989. № 6, 7, 10.

³ Известия ЦК КПСС. 1989. № 7. С. 191.

⁴ Там же. С. 201.

⁵ Там же. С. 189.

⁶ Там же. С. 190.

⁷ Там же. С. 196.

⁸ Там же. С. 200, 203.

⁹ Там же. С. 204.

¹⁰ Там же. С. 208–210.

¹¹ Государственный архив общественно-политических движений и формирований Архангельской области (ГАОПДФ АО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 1232. Л. 97.

¹² Селезнев С. Очерки хозяйства Северного края. Основные отрасли хозяйства. Архангельск, 1931. С. 172; Справочник по Северному краю. Архангельск, 1936. С. 17; *Синельщиков С. М., Селезнев С. А., Евдокимов А. А.* Северный край. Архангельск, 1936. С. 58–61.

¹³ РГА СПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 282. Л. 51.

¹⁴ Известия ЦК КПСС. 1989. № 6. С. 216, 217.

¹⁵ Там же. С. 215, 216.

¹⁶ Известия ЦК КПСС. 1989. № 10. С. 197.

¹⁷ Там же. С. 206.

¹⁸ Известия ЦК КПСС. 1989. № 7. С. 210.

¹⁹ Пятнадцатый съезд ВКП (б). Стенографический отчет. М., 1961. С. 1185.

²⁰ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Том четвертый 1926–1929. М., 1984. С. 295.

²¹ Письма И. В. Сталина В. М. Молотову. 1925–1936. Сборник документов. М., 1996. С. 194.

²² Там же. С. 211, 224.

²³ *Колесников П. А.* Вклад Русского Севера в материальную и духовную культуру России // Холодный дом России: Документы, исследования, размышления о региональных приоритетах Европейского Севера / Ред.-составитель С. И. Шубин. Архангельск, 1996. С. 13.

В. С. Жукова

Взгляды Д. И. Деларова на крестьянское хозяйство Европейского Севера России

Первая четверть XX века – один из интереснейших периодов отечественной истории. В это время рождались новые концепции, теории, высказывались различные мнения об организации и ведении крестьянского хозяйства. Среди теоретиков и практиков этого этапа отечественной истории особое место занимает Дмитрий Иванович Деларов¹. В своих работах он поднимал ряд вопросов развития сельского хозяйства Европейского Севера России и указывал на возможные пути решения возникающих проблем. Основой взглядов Деларова стало обширное знание статистических материалов.

Внутренняя сущность крестьянского трудового хозяйства, по мнению Дмитрия Ивановича, не измерялась рублями и бухгалтерскими балансами, так как в «трудовом хозяйстве нет ни убытков, ни прибылей, измеряемых деньгами. В трудовом хозяйстве стремятся использовать труд семьи и получать известное количество продуктов, необходимых для ее питания. Пока производимые продукты идут на питание самих хозяев, они представляют эквивалент жизни, и потому

трудовое натурально-потребительное хозяйство производит их, но если эти продукты должны попасть в обмен, то это делается невозможным и хозяйство сокращается, его производительность уменьшается, а раз хозяйство сокращается, то естественным последствием этого является уменьшение продукта, поступающего в обмен для городов»².

Одна из главных проблем научного творчества Д. И. Деларова заключалась в определении оптимального направления развития сельского хозяйства Севера России. Он писал, что в условиях традиционного малоземелья крестьянства Европейского Севера наиболее рентабельной отраслью является скотоводство. Разведение крупного рогатого скота может иметь несколько направлений, обусловленных, прежде всего, внутривладельческими организационными условиями, зависящими от естественнo-исторических условий края. На севере оно может быть: 1) потребительно-молочно-хозяйственно-навозным, 2) навозно-мясным, 3) промышленно-молочным и 4) промышленно-мясо-молочным³. По мнению Деларова, с 1912 г. содержание коровы не окупалось продажей молока и поэтому крестьянское хозяйство держало корову в основном для навоза. Мясо же всегда оставалось в цене, и его проще было реализовать. В связи с этим начало меняться направление скотоводства, приближаясь к мясо-молочному. Деларов писал: «Скотоводство молочного или мясо-молочного направления является главной отраслью северного сельского хозяйства. Другие отрасли должны быть подчинены скотоводству. Отчуждение из хозяйства других продуктов не выгодно, так как это уменьшает трудоемкость хозяйства и продуктивность труда крестьянина»⁴. Несмотря на растущую после революции цену на масло, у хозяина не появился стимул пополнения стада. Получающаяся твердая цена за пуд молока не окупала труда и затрат. Молочное скотоводство оставалось маловыгодным⁵. Крестьянин не желал увеличивать число коров в хозяйстве даже тогда, когда он стал иметь в пользовании больше земли, несмотря на то, что укрепить хозяйство, сделать его более продуктивным на севере без скота и навоза нельзя.

Разведение мелкого скота, по мнению Деларова, играло не такую важную роль в хозяйстве района, хотя в отдельных местностях свиноводство было значительным подспорьем в организации крестьянского хозяйства⁶. Свиноводство в крае в послереволюционный период сократилось менее других отраслей, так как свинья реквизициям и конфискациям не подлежала. Кроме того, население, лишившись регулярного подвоза белой муки, чая, сахара, трески и тому подобных продуктов, дорожило свиньей, дающей и жир, и вкусное мясо. Свинью не опасались разводить⁷.

После Октября 1917 года рассмотрение Деларовым проблемы развития скотоводства тесно увязывалось с проблемой дифференциации крестьянства. В 1918 г. был издан ряд декретов и распоряжений, которые ставили уровень изъятия продукции из крестьянского хозяйства в прямую зависимость от числа коров в нем. Многокоровность хозяйства считалась главным признаком буржуазности и кулачества. Эти хозяйства облагались более высокими налогами, скот подвергался реквизициям. В 1918 г. Деларов указывал на сокращение числа крупного рогатого скота в деревне на 30%. Кроме того, наблюдалось снижение показателя живого веса скота⁸. Деларов высказывал мнение о неточности критериев дифференциации крестьянства. В частности, он считал, что трех- и четырехкоровные хозяйства нельзя считать кулацкими и что все распоряжения, не позволяющие оставлять корма для коров больше, чем в расчете на одну корову на пять душ семьи, разрушают крестьянское хозяйство. Также Деларов считал, что увеличение количества коров с учетом посева давало бы «и лишний урожай зерна с десятины, и лишних 2–3 пуда масла для города»⁹.

По мнению Деларова, действительную помощь крестьянству должна была оказать организация и развитие сельскохозяйственной кооперации¹⁰. Он отмечал, что население уже организовало сеть кооперативов для облегчения сбыта продуктов, и обращал внимание, в первую очередь, на организацию кредитной кооперации, задачей которой было снабжение капиталом крестьянского хозяйства.

В своих работах Дмитрий Иванович рассматривал возможности интенсификации и рационализации сельского хозяйства. Прежде всего, по его мнению, была необходима организация агрономической помощи населению – распространение сельскохозяйственных знаний, проведение крупных мелиоративных мероприятий, пропаганда новых форм хозяйствования, применения новой сельскохозяйственной техники, постановки опытного дела, связанного с местным хозяйством. Деларов рекомендовал переход от трехполья к многополью с обязательным посевом корне- клубнеплодов, трав. Он считал, что трехполье понижает продуктивность сельского хозяйства (производительность пашни и посева, производительность труда), а введение травосеяния рационализирует сельское хозяйство, повышает производительность труда и использование земельной площади, что позволит увеличить количество и качество скота. Это было невозможно без повышения продуктивности сенокосов, выгонов и рационализации кормления стада (концентрированными кормами с добавлением корне- клубнеплодов, посевных трав). Хотя переход к многополью был затруднен из-за малоземелья, Деларов обращал внимание на необходимость снабжения крестьянства капиталами, обслуживающими личные потребности и

хозяйственную деятельность, в том числе машинами, орудиями для сработки почвы, уборки урожая и ухода за растениями и скотом.

Деларов полагал, что роль сельского хозяйства в Северной области (под которой понимались территории Архангельской, Вологодской, Северо-Двинской губерний и область Коми) чрезвычайно велика, так как оно дает 51,4 % всего народного дохода края (доля Вологодской губернии – 53,4%; Северо-Двинской – 30,3%; Архангельской – 11%; Коми области – 5,4% в доходах региона в области сельского хозяйства)¹¹.

Общие выводы Деларова сводились к тому, что прежний взгляд на сельское хозяйство как натурально-потребительское должен отойти в область предания. Новые хозяйственные и политические условия в России, новая конъюнктура мирового хозяйства и мирового рынка изменяли сельскохозяйственное значение Севера. Европейский Север России с его лугами, влажным климатом, с молочным хозяйством и скотоводством должен был стать одним из наиболее интенсивных сельскохозяйственных районов. С развитием сельского хозяйства, считал Деларов, население Севера уплотнится, а это даст возможность более правильно использовать другие богатства Севера и в первую очередь – лес, что поднимет значение Севера в народном хозяйстве России. Север даст экономике России не только лес, но и масло, сыр, мясо крупного рогатого скота, свиное мясо для промышленных центров и для вывоза за границу. Кроме того, Север сможет дать отличное льняное волокно¹².

Многие предложения Деларова нашли свое отражение в дальнейшем развитии сельского хозяйства Северного края. В частности, идеи о соотношении промыслов и сельского хозяйства, об оптимальном сочетании растениеводства и скотоводства, об агрономической помощи населению, о развитии кооперации в разные годы использовались в выработке региональной аграрной политики.

Список печатных работ профессора Д. И. Деларова

1. Как нужно сеять траву? // Северный хозяин. 1912. № 7. С. 16 – 19.
2. К посеву ржи // Там же. № 11–12. С. 23–25.
3. Чем удобрять землю? // Там же. № 13. С. 10–14.
4. От чего гниет картофель? // Там же. № 14. С. 9–12.
5. Озимый червь и меры борьбы с ним // Там же. № 17. С. 13–16.
6. Беседы о содержании и кормлении коров // Там же. № 18. С. 16–19.
7. К вопросу о правильной постановке отчетности в кооперативах // Там же. 1912. № 21. С. 9 – 11.
8. Вологодская сельскохозяйственная и кустарно-промышленная выставка (14 сентября 1910 г.) // Северный хозяин (Сборник за 5 лет Вологодского общества сельского хозяйства). 1913. № 5–6. С. 27–31.

9. Ближайшие задачи агрономической деятельности общества // Там же. С. 51–54.
10. Что губит посевы клевера и льна // Северный хозяин. 1913. № 7. С. 18–21.
11. Не опаздывать с уборкой сена // Там же. № 9. С. 15–18.
12. Организация потребления и удешевления предметов потребления как основа кооперативного движения Северного Края. (Вологодское Общество сельского хозяйства, доклад II Кооперативному Всероссийскому Съезду в Киеве) // Там же. № 11–12 (приложение). С. 1–10.
13. Не бойтесь бескормицы – горю помочь можно // Там же. № 17–18. С. 14–18.
14. Что влияет на выручку за 1 пуд молока? // Там же. № 22. С. 17–21.
15. Доклад о неурожаях кормов в Вологодской губернии в 1913 г. общему собранию членов Вологодского общества сельского хозяйства (30 ноября) // Там же. № 23–24. С. 21–27.
16. Маслодельные артели и их влияние на крестьянское хозяйство Вологодской губернии // Там же. № 5. С. 2–6.
17. Воровский В., Богданов Б. Маслодельные артели Вологодской губернии: по данным анкеты Вологодского общества сельского хозяйства. Вологда, 1915. (Редактирование книги).
18. К вопросу о восстановлении скотоводства // Северный хозяин. 1916. № 13. С. 9–12.
19. К установлению твердых цен на масло и овес // Там же. № 18. С. 4–12.
20. Переворот и хлебная монополия // Там же. 1917. № 5–6. С. 15–17.
21. К установлению твердых цен на масло в Вологодском районе // Там же. 1918. № 19. С. 3–6.; № 20. С. 4–10.
22. Роль скота в крестьянском хозяйстве // Там же. № 22. С. 9–12.
23. Северная Центральная Вологодская область // Северный Край. 1922. Книга II (Март – апрель). С. 23–43.
24. Северная Область – центр молочного хозяйства // Материалы Вологодской областной опытной станции. Вып. I. Вологда, 1923. С. 1–16.
25. Крестьянское хозяйство северной области // Труды ВМХИ. Том II. Книга № 3. Вологда, 1923. С. 13–94.
26. Крестьянское хозяйство, его нужды и сельскохозяйственная работа кооперации // Кооперация Севера. 1924. № 3 – 4 (приложение). С. 1–9.
27. Развитие молочного хозяйства и скотоводства в Вологодской губернии (Фрагменты доклада и прения по нему) // Труды I-го Всероссийского совещания по молочному хозяйству. Вып. I (журналы заседаний и постановления). Вологда, 1924. С. 63, 77–80.
28. Из истории возникновения станции // Материалы Вологодской областной сельскохозяйственной опытной станции. Вып. II. Вологда, 1925. С. 3–6.
29. Состояние молочного хозяйства к 1924 году и возможности его развития. Труды ВМХИ. Бюллетень № 61. Вологда, 1926. С. 40–110.
30. Северная область и ее место в народном хозяйстве СССР // Труды Вологодской областной опытной станции. Вып. III. Вологда, 1928. С. 1–26.

Готовились к печати в 1925 г.

(по данным Вологодской областной сельскохозяйственной опытной станции)¹³

1. Состояние скотоводства и план развития молочного хозяйства в Вологодской губернии.
2. Кристин Л. И., Деларов Д. И. Экономическая характеристика Семенковской волости в связи с геоботаническим обследованием.
3. Деларов Д. И., Королева Е. Ф. Экономическая оценка работы контрольных союзов Вологодской губернии.

4 Деларов Д. И Крестьянские бюджеты Организация и учет скотоводства и молочного хозяйства по ним.

5. Хавесон Я. И., Сергеев В. П., Деларов Д. И Учет летнего и зимнего кормления скота в связи с его продуктивностью по данным «Марфина» и контрольных союзов.

Печатные труды (по сведениям Д. И. Деларова)¹⁴

1. Сельскохозяйственная зоология по лекциям К. Э Линдемана и под его редакцией (1888).

2. Двадцать лекций агрономической химии по лекциям и под редакцией проф. Густавсона (1890).

3. Предварительный план организации хозяйства «Вешки» Московского общества Сельского Хозяйства (1900).

4. Посреднические операции в кредитных кооперативах. Труды I Кооперативного съезда (1908).

5. О направлении агрономической деятельности Вологодского общества сельского хозяйства (1912).

6. О восстановлении животноводства Волынской губернии. Волынское Губернское Земство (1915).

7. О проведении в жизнь декретов об обязательной поставке населением мяса, масла и молока (1920).

8. Районирование с точки зрения сельского хозяйства и его задач (1922)

9. Хозяйственно-производственные районы Северной Области. Вологодская область (1923).

Рукописи, готовые к печати (по сведениям Д. И. Деларова)¹⁵

1. Развитие молочного хозяйства и скотоводства в Вологодской губернии.

2. Материалы по экономической характеристике Северной Области.

3. Маслодельная артель, ее стадо и хозяйство (опыт изучения молочного хозяйства по подворному обследованию 1925–26 года всех селений артели).

4. Влияние выгона на продуктивность коров и оплату ими кормов, производимых в своем хозяйстве.

5. Льноводство и его значение в Северной Области.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Дмитрий Иванович Деларов родился 26 августа (ст. ст.) 1864 г. в Полтавской губернии (Научные работники СССР без Москвы и Ленинграда. Л., 1928. С. 105) на хуторе Марьевка Константиноградского уезда Васильевской волости. Отец происходил из дворян, был военным артиллеристом до 1870 г. Мать имела землю в Полтавской губернии. Бабушка (урожденная Данилевская) принципиально не имела крепостных и сдавала землю под выпас скота (Архив Вологодской государственной молочно-хозяйственной академии им. Верещагина (АВГМХА). Оп. 1. Д. 30. «Автобиография». Л. 1.). Первоначальное образование Деларов получил в сельской школе. В 1880–1885 гг. учился в Харьковском земледельческом училище. В 1885–1886 гг. работал межевщиком в Симбирском удельном округе, был знаком с семьей Ульяновых (Деларов Д. И. Как я познакомился с семьей Ульяновых? // Север. 1924. №1 (5). С. 14 – 16). В 1886–1891 гг. учился в Петровской сельскохозяйственной академии (ныне им. Тимирязева), потом работал в ряде губерний статистиком, лесоводом, агрономом (Половинкин П. А. Дмитрий Иванович

Деларов // Имена вологжан в науке и технике. Вологда, 1968. С. 163–166). 4 ноября 1891 г. Женился на дочери артиста Императорского театра Елене Сергеевне Кокоркиной (род. 18 сентября 1867 г.). 18 сентября 1895 г. в семье Деларовых родился сын Ипполит. 11 июля 1895 г. Дмитрий Иванович был произведен в титулярные советники, 6 июня 1898 г. произведен за выслугу лет в коллежские ассессоры, 13 июля 1902 г. – в Надворные советники, 24 июня 1906 г. – в коллежские советники. 5 февраля 1907 г. был уволен со службы по собственному прошению (АВГМХА. Оп. 1. Д. 30. «Автобиография». «Атте-стат о службе») Политические взгляды Деларова складывались под влиянием народнических идей. К выборам во II Государственную думу он вступил в партию народных социалистов. Будучи членом II Государственной думы (20 февраля – 2 июня 1907 г.), Деларов отстаивал интересы крестьянства. В 1911 г. по приглашению Вологодского общества сельского хозяйства Дмитрий Иванович приехал в Вологду и занял должность агронома-секретаря. С этого времени, с небольшим перерывом, вся общественная и научная деятельность его связана с Европейским Севером России. В 1917 г. вышел из партии народных социалистов и присоединился к социалистам-революционерам. В своей автобиографии Деларов писал: «С октябрьским переворотом разошелся с тактикой народнических партий, но с идеологией нет, и она мне не только не мешает понимать революцию, особенно в настоящий организационно-созидательный период, а помогает, я знаю крестьянство, я знаю нужды его хозяйства, я понимаю текущий момент и поэтому могу быть полезным в этот период не только как спец, но и как общественно-политический деятель» (АВГМХА. Оп. 1. Д. 30. «Автобиография». Л. 1–16.). В 1919 г. совет Вологодского молочного института избрал Деларова на должность заведующего кабинетом обществоведения, а в 1921 г. – профессором экономики и экономической географии молочного хозяйства и скотоводства ВМХИ. Являлся директором областной опытной станции, председателем Вологодского общества сельского хозяйства (ВОСХ), избирался членом правления Вологодского общества изучения Северного края (ВОИСК) (Д. И. Деларов (к 35-летию его научной, педагогической и общественной деятельности) // Красный Север. 1926. 4 декабря; Участие ВОИСК в чествовании Академии Наук // Север. 1927. №2 (6). С. 165 – 166.). 1 сентября 1921 г. был арестован в Москве, но по ходатайству с места работы отпущен (АВГМХА. Оп. 1. Д. 30. «Автобиография». Л. 45). За время своей работы в Вологодском молочно-хозяйственном институте с 25 апреля 1919 г. Деларов занимал следующие должности: председателя общественно-экономической предметной комиссии с 1924 г.; члена совета института до 1928 г.; члена комиссии по производственной практике студентов с 1926 г.; председателя библиотечной комиссии в 1922–1926 гг.; члена комиссии по проведению разных курсов при институте с 1924 г.; члена квалификационной комиссии СНР [Совет научных работников. – В. Ж.] в 1925 – 1927 гг.; председателя научных работников в делегатском Институте при МК ВМХИ 1928 г.; члена производственной комиссии по уходу ВМХИ с 1927 г. (АВГМХА. Оп. 1. Д. 30. «Автобиография». Л. 80–82). Умер Дмитрий Иванович 6 июня 1928 г., похоронен в поселке Молочное. Могила Деларова до наших дней не сохранилась. До конца жизни Дмитрий Иванович оставался активным участником общественной жизни, участвовал во всех всероссийских съездах по опытному делу, много времени отдавал организации помощи крестьянам и изучению крестьянского хозяйства Севера.

² Деларов Д. И. Крестьянское хозяйство северной области // Труды ВМХИ. Т. II. № 3. Вологда, 1923. С. 76.

³ Там же. С. 48.

⁴ Там же. С. 30.

⁵ Деларов Д. И. Состояние молочного хозяйства к 1924 году и возможности его развития. // Труды ВМХИ. Бюллетень № 61. Вологда, 1926. С. 40–110.

⁶ Деларов Д. И. Крестьянское хозяйство северной... С. 83.

⁷ Там же. С. 88.

⁸ Там же. С. 81.

⁹ Там же. С. 63.

¹⁰ Токмачева А. Проблемы крестьянского хозяйства в трудах Д. И. Деларова // Сборник научных работ студентов и аспирантов ВГПИ. Вологда, 1993. С. 33–34.

¹¹ Деларов Д. И. Северная область и ее место в народном хозяйстве СССР // Труды Вологодской областной сельскохозяйственной опытной станции. Вып. III. Вологда, 1928. С. 3.

¹² Деларов Д. И. Северная область – центр молочного хозяйства // Материалы. Вып. I. Вологда, 1923. С. 15.

¹³ Материалы Вологодской областной сельскохозяйственной опытной станции. Вып. II. Вологда, 1925. С. 1.

¹⁴ Архив ВГМХА. Оп. 1. Д. 30. «Автобиография». Л. 1–16.

¹⁵ Там же.

М. Н. Глумная

К вопросу об оплате труда и распределении в коллективных хозяйствах Вологодской губернии в 1920-е гг.

В основе организации труда в 1920-е гг. во всех колхозах был положен принцип общего участия в физическом труде. Материалы исследований колхозов, проведенных работниками губернской рабоче-крестьянской инспекции (губРКИ) в конце 1920-х гг., практически не зафиксировали случаев освобождения руководящих работников колхозов от участия в коллективном физическом труде. Однако в некоторых колхозах существовало материальное поощрение колхозной верхушки. Например, в колхозе «Первый луч» Никифоровской волости Вельского уезда члены Совета колхоза при распределении дохода за 1928 г. получили дополнительно по 20 руб.¹ Специализации работ, как правило, тогда еще за некоторыми исключениями (кузнец, счетовод, тракторист и т. п.), не существовало.

При распределении доходов в колхозах предполагалось сначала из общего дохода выделять часть на нужды коллективного хозяйства, а затем оставшуюся часть распределять между членами коллектива. Однако это правило выполнялось далеко не во всех колхозах. Например, в большинстве коллективных объединений Вельского уезда весь урожай сразу же после его сбора распределялся между членами колхоза без отчисления необходимых средств в неделимый основной, запасной, специальный и другие капиталы. В таких колхозах не существовало даже обобщественного семенного фонда, поэтому весной семена приходилось собирать по дворам из расчета по едокам. Так, в коммуне «Новая жизнь» Морозовской волости Вельского уезда, где к

моменту обследования (1929 г.) не практиковалось предварительного отчисления части дохода на общие нужды, инспекторами губРКИ было рекомендовано **до распределения продуктов между членами колхоза** оставлять часть дохода: а) на оплату долгов; б) в семенной фонд, в) 10% – в капиталы; г) в фонды (6% – в основной, 1% – колхозсекции, и 1% – в культфонд). К концу 1920-х гг. еще не существовало четко установленных размеров отчислений на общественные нужды, поэтому по разным колхозам (например, Вельского уезда) доля таких отчислений составляла от 31% (товарищество «Вольный труд» Никифоровской волости) до 12,5% (товарищество «Красный пахарь» той же волости)².

Можно выделить несколько основных принципов распределения: а) по потребности; б) по едокам; в) по количеству и качеству труда, вложенного каждым хозяйством (членом); г) смешанный порядок.

В **коммунах**, особенно только что организовавшихся, господствовал принцип: **от каждого – по способности, каждому – по потребности**. Поскольку он не способствовал хозяйственному укреплению коллектива и, как правило, вызывал между колхозниками распри и «счеты, кто больше поработал», от него впоследствии отказывались, а коллектив переходил к оплате или по едокам, или по количеству и качеству труда. В **товариществах** по общественной обработке земли, которые преобладали среди колхозов, а также в **артелях** в основу распределения главным образом брались едоцкая или смешанная системы.

В том случае, когда нормой распределения считался **едок**, продукты поступали каждому хозяйству по количеству в нем едоков. Квалификация, объем и качество выполненных работ, количество затраченного времени в данном случае не принимались во внимание.

При едоцкой системе распределения существовали два основных подхода: с учетом соотношения «едоки–работники» и без него. В первом случае каждая семья, входившая в трудовой коллектив, была обязана предоставить рабочие руки пропорционально количеству едоков. Избыток нетрудоспособных в данном случае доли урожая не получал (например, в трех Боровинских товариществах по общественной обработке земли Вельского уезда)³. На этой почве часто возникали конфликты даже в коммунах. Нередкими были настроения, когда многоедоцким семьям, в которых было мало работников, отказывали в приеме в колхоз или в выдаче дополнительных продуктов. Например, жена председателя правления сельскохозяйственной коммуны им. Сталина (Пригородная волость Вологодского уезда) говорила одной из колхозниц в ответ на просьбу о выдаче дополнительно хлеба: «...твоих слепых котят [в данном случае – детей. – М. Г.] кормить не

будем, покупайте хлеб на рынке по 5 рублей за пуд». Сам председатель правления этой коммуны несколько раз выгонял ту же просительницу из своей квартиры, говоря, что «у меня не дом обеспечения»⁴.

Во втором случае распределение производилось по едокам, без учета трудового вклада членов коллектива. Например, в колхозе «Октябрьский луч» следовали правилу: «кому не хватает – добавляем», хотя определенные нормы распределения в коммуне все-таки существовали⁵. Такой принцип распределения был близок к принципу, характерному для коммун, – «от каждого – по способности, каждому – по потребности». Особенно показателен здесь пример Успенской женской сельскохозяйственной артели (г. Каргополь), возникшей на базе Успенского женского монастыря. Из 82 членов артели 40,2% были неспособны к физическому труду по причине преклонного (или юного) возраста. Так, в артели насчитывалось: женщин в возрасте свыше 60 лет – 14, свыше 65 лет – 10, свыше 70 лет – 5 человек, свыше 90 лет – 2 человека, итого – 31 человек (37,8%) и молодежи до 16 лет – 2 человека (2,4%). Продукты распределялись по числу едоков, без учета отработанных дней и квалификации работников. Оплата труда производилась поровну по едокам, исключительно в натуральной форме – обед, хлеб, молоко, квартира, отопление, освещение. Только в тех случаях, когда отдельные члены артели выполняли тяжелую физическую работу (пахота, «жнитво»), норма продуктов для них увеличивалась. Характерно, что учета выполненной работы никто не вел, однако и случаев невыполнения не отмечено⁶. Правление артели считало такое положение нормальным, рассматривая общественную роль артели «чем-то вроде собеса». Советские и партийные органы увидели в такой системе лишь «эксплоатацию», работу одних на других⁷. В результате в 1928 г. сельхозартель была ликвидирована. Подлинная причина ликвидации Успенской женской сельхозартели лежала в области идеологии – в ней сохранялись элементы монастырского уклада. При этом артель достаточно ревниво оберегала себя от вмешательства властей в свою внутреннюю жизнь, что не могло не раздражать местные власти.

Следует отметить, что в большинстве колхозов забота о нетрудоспособных, больных людях и беременных женщинах возлагалась на колхоз. Так, в сельхозартели «Опыт» за заболевшим членом коллектива в течение недели сохранялся полный заработок, а если болезнь продолжалась свыше недели, то выплачивалось 50% среднего заработка. В колхозах «Смена», «Опыт» оплачивалось время, используемое колхозником на двухнедельный отпуск. Беременные женщины освобождались от работы (правда, без оплаты)⁸.

Уравнительная (по едокам) система оплаты труда не всегда соответствовала «классовому подходу», господствовавшему в политике партии и государства. Например, в коллективах Тигинского кустового объединения колхозов (Кадниковский уезд) полученный в порядке снабжения бедноты хлеб распределили именно уравнительным порядком, а не по действительной нуждаемости отдельных семей. В результате хлеб получили хозяйства, имевшие его, а беднота осталась необеспеченной. Это было расценено как ошибка в колхозном строительстве⁹.

Следует отметить, что уже в конце 1920-х гг. в партийной печати раздавались призывы к замене едоцкой системы оплаты труда, как мало стимулирующей рост производительности труда и товарности, другими формами, в первую очередь учитывающими количество и качество труда¹⁰.

Этот принцип оплаты и распределения предполагал учет количества рабочих **дней** или **часов**, проведенных на работе каждой семьей или отдельным членом коллектива. При этом предполагалось учитывать качество и производительность труда. Однако на практике это положение редко выполнялось. Например, в коммуне им. Сталина Пригородной волости Вологодского уезда (апрель 1929 г.), по словам самих колхозников, «смотрели лишь на то, чтобы часы работы писали, а сколько за это время сделано, не задумывались». Как следует из материалов обследования, производительность труда в коммуне была низкой, сдельных работ не применялось, а предпочитали «лучше полегче поработать, пользуясь наемным трудом (дерганье льна, возка дров в город и т. п.)»¹¹.

Необходимо отметить, что **продолжительность рабочего дня** в колхозах в 1920-е гг. была различной. Предполагалось, что в среднем она составляет 8 часов в день, а в летнее время – до 10–12 часов. Но часто колхозники следовали правилам: «сколько поработается» (колхоз «Октябрьский луч» Кадниковского уезда), «работаем по возможности» (колхозы Тотемского уезда)¹².

Стоимость рабочего дня или часа обычно определялась принадлежностью работника к той или иной категории. По большинству колхозов наблюдалось от 3 до 5 категорий. Критерием отнесения к той или иной категории являлись пол, возраст, квалификационные навыки, интенсивность мускульного труда (трудового напряжения) (колхозы «Опыт», «Возрождение», им. Сталина, «Труженник», «Октябрьский луч» и др.).

Например, в Кадниковском уезде в 1929 г. 10-часовой рабочий день мужчины оценивался в один рубль, женщины – 75–80 коп., подраста – 40–50 коп.¹³

В среднем в колхозах Вологодского округа в 1929 г. работники *первой* категории, т. е. те, которые могли пахать и выполнять сельскохозяйственные работы любой тяжести и сложности, получали 10 коп. в час. Работники *второй* категории, производившие легкие сельскохозяйственные работы, получали 8 коп. в час. В *третью* категорию обычно попадали подростки, чей труд оценивался в 6 коп. в час.¹⁴

Почти во всех колхозах наблюдалось неравенство в оплате труда – даже за одинаковый труд с мужчинами женщины получали меньше. Еще ниже оценивался труд подростков. В связи с этим на районных женских конференциях, прошедших в сентябре 1929 г. в Вологодском округе, раздавались возмущенные голоса: «Правильно ли такое распределение труда и оценка его в колхозе, когда мужчины работают мало, а женщина беременная работает больше и труд ее оплачивается ниже?»¹⁵.

На протяжении десятилетия оплата труда в колхозах Вологодской губернии увеличивалась. Так, оплата труда мужчин с 1925 по 1927 г. возросла с 62 коп. до 82 коп. в день, женщин – с 46 до 76 коп., подростков – с 28 до 48 коп. Правда, при этом неравенство в оплате труда по половому и возрастному признаку сохранялось¹⁶.

В артели «Северное хозяйство», организованной 11 мая 1919 г., где оплата труда производилась по количеству и качеству труда, была введена 100-балльная оценка качества труда, где учитывались отношение к труду, имущество, квалификация, участие в общественной жизни, культурной работе и другие показатели.

Такая же система существовала в конце 1920-х годов и в колхозе «Смена» Тошне-Емской волости Вологодского уезда. Каждому члену колхоза для полной его оценки по 100-балльной системе предъявлялось 20 условий, которые устанавливались вне зависимости от квалификации и характера работы, основываясь на оценке интеллектуальных качеств каждого члена и его поведения – «любовь к хозяйству», «посещение общих собраний и бесед», «стремление к учебе», «читка газет, книг», «посещение Красного уголка», «соблюдение чистоты», «избегание сплетен», «активные выступления на собраниях» и даже «научные изобретения» и т. д. Если конкретный член коллектива при его оценке не удовлетворял каким-либо из указанных «условий», то ему убавляли от 100 несколько баллов¹⁷. Работников с полными 100 баллами в коммуне не было. Специально созданная оценочная комиссия, собиравшаяся один раз в квартал, оценивала каждого члена коммуны по каждой категории и устанавливала разряд по сумме оставшихся баллов¹⁸. Естественно, большое влияние при этом имел субъективный фактор – личное отношение членов комиссии к конкретному человеку. Как правило, комиссия находила массу недостатков,

позволявших произвести снижение баллов. Например, за «невыдержанность в быте» члену колхоза К. Богомазовой было снижено 15 баллов (она родила ребенка вне брака). Снижение категории могло быть произведено «за беспокойствие и нервность при разрешении вопросов», за «неэнергичное, нетрудолюбивое, невнимательное отношение к хозяйству и неисполнительность», за «нечистоплотность» и т. д.¹⁹ Таким образом, подобная система оценки труда воздействовала не только на производительность труда, но и на быт, мораль, этику членов коллектива.

Балльная оценка разделялась на 10 разрядов почасовой оплатой: 1 разряд (50 баллов) – 5 коп. в час; 2 разряд (55 баллов) – 5,5 коп.; 3 разряд (60 баллов) – 6 коп. и т. д.; 10 разряд (95 баллов) – 13 коп. в час.

В связи с тем, что в 1928 г. в колхозе сложилось тяжелое экономическое положение (неурожай озимых, картофеля), расценки часа были снижены в средних и высших разрядах до 8–9,5 коп.²⁰

Эта система была расценена «как штрафная, не стимулирующая повышения производительности труда». В материалах губРКИ отмечалось также, что при такой расценке создавались условия неограниченного снижения зарплаты, особенно в отношении батраков, одиночек и вообще «малоразвитых» членов коллектива, которых «штрафовали» на 40, 50 баллов с отнесением к самому низкому по оплате разряду (5,5 коп. в час). В результате некоторые члены коммуны имели заработок по 7 руб. 77 коп. в месяц (ноябрь–декабрь 1928 г.), что, естественно, не покрывало расходов даже на обед и хлеб²¹.

Подобная система способствовала также свертыванию демократических элементов в коллективном хозяйстве. Например, член коммуны Левинская на заседании бюро волостного комитета партии говорила, что «на наших собраниях нельзя горячо говорить», так как это сразу же отражалось на заработной плате. За «нетактичные выступления» члену коммуны Маркелову оценочная комиссия снизила 10 баллов²².

В некоторых колхозах оплата труда отдельных его членов определялась в твердых ставках. Например, труд полевого работника оценивался в месяц в 40 руб., скотника – 45, пастуха – 25, маслодела – 50 руб. Кроме того, в колхозах имелись наемные работники, как правило специалисты. Так, в сельскохозяйственной коммуне «Смена» имелось 5 наемных работников: 2 счетовода, мельник, слесарь и кузнец. Зарплата наемного персонала составляла 320 руб. в месяц. Как отмечалось в материалах обследования коммуны органами губРКИ, последние трое были заняты сборкой сельскохозяйственных машин и явно не торопились с ее завершением. Для сравнения: сред-

няя зарплата колхозника в этом хозяйстве составляла для семейных членов коллектива 60–70 руб., для одиноких – 20–25 руб. в месяц²³.

Характерно, что почти все крупные колхозы, несмотря на недогрузку собственных работников, применяли наемный труд, как правило, на самых тяжелых работах – раскорчевка новых площадей, перевозка дров, вывозка леса и т. д., причем в очень значительных размерах. Так, по колхозу «Опыт» за 1927/1928 г. было применено до 2065 человеко-дней наемного труда, или 28% к затраченному времени своего состава, а в колхозе «Смена» – наем составил 3000 человеко-дней, или 25% к работе членов своего хозяйства.

Наемная рабочая сила оплачивалась значительно выше труда членов колхозов. Так, колхозу «Опыт» за 1927/1928 г. наем рабочей силы обошелся в 3480 руб., что составило 40% к зарплате членов колхоза и их семей (8831 руб.), а в «Смене» наем составил 6570 руб., или 43,2% к заработку колхозников (15 223 руб.).

Кроме того, крупные работы по мелиорации в этих колхозах целиком прошли через наем крестьян окрестных деревень, на что было затрачено 3800 руб. в «Смене» и 2780 руб. – в «Опыте»²⁴.

Все это свидетельствовало о плохой организации труда в колхозах, непродуманном распределении наличной рабочей силы колхозников, что в значительной мере снижало доходность хозяйств. Так, Липин, заведующий отделом Севкрайкома ВКП(б) по работе в деревне, прямо признавал, что дело с организацией труда в колхозах обстоит «паршиво»²⁵. Сдельный способ оплаты труда применялся как исключение в отдельных колхозах для случайных работ. Нормы выработки для каждого вида работы ни в одном колхозе не были установлены.

Оплата труда в коллективных хозяйствах производилась как натурой (продуктами хозяйства), так и деньгами. В отдельных колхозах («Смена», «Опыт») внутри хозяйств оплата производилась «трудовыми знаками» («бонами») в денежной расценке (1 коп., 2 коп., 1 руб. и т. д.). Эти заменители денег вводились для того, чтобы сохранить настоящие деньги внутри хозяйства²⁶. В апреле 1930 г. специальным решением бюро Севкрайкома ВКП(б) было запрещено производить оплату труда колхозников исключительно в денежной форме. Рекомендовалась натуральная форма оплаты или смешанная – часть продуктами колхозного производства, часть – деньгами²⁷.

Размер зарплаты за трудочас в крупных колхозах, как видно из таблицы 1, был различным и колебался в пределах от 3,6 коп. до 17 коп.

**ОПЛАТА ТРУДА В КОЛЛЕКТИВНЫХ ХОЗЯЙСТВАХ ВОЛОГОДСКОЙ ГУБЕРНИИ
В 1927/1928 г. (в коп.)**

Категория	«Опыт»	«Возрождение»	«Труженик»	«Октябрьский луч»	«Смена»
I	17	12	10	6	5 (до 50 балл.)
II	16	11	8	4,8	5,5 (до 55 балл.)
III	15	10	6	3,6	6 (до 60 балл.)
IV	14	9	4	–	7 (до 65 балл.)
V	13	8	–	–	8 (до 70 балл.)
VI	10	–	–	–	9 (до 75 балл.)
VII	–	–	–	–	10 (до 80 балл.)
VIII	–	–	–	–	11 (до 85 балл.)
IX	–	–	–	–	12 (до 90 балл.)
X	–	–	–	–	13 (до 95 балл.)

Источник: ГАВО. Ф. 201. Оп. 1. Д. 1228. Л. 19.

Размеры заработка за 1927/1928 г. по отдельным колхозам при указанных расценках приведены в таблице 2.

Таблица 2

**ЗАРАБОТНАЯ ПЛАТА В КОЛЛЕКТИВНЫХ ХОЗЯЙСТВАХ ВОЛОГОДСКОЙ ГУБЕРНИИ
В 1927/1928 г. (в руб.)**

Колхозы	На семью (без одиночек)			На 1 едока	
	высший уровень	низший уровень	средний уровень	Трудоспособные с 16 лет	Средний
«Опыт»	1001	376	712	260	102
«Возрождение»	640	465	652	240	156
«Смена»	1285	550	–	257	128
Им. Сталина	1198	300	806	200	110

Источник: ГАВО. Ф. 201. Оп. 1. Д. 1228. Л. 19.

В отдельные месяцы высший заработок на семью в колхозе «Опыт» достигал 136 руб. Таким образом, среднегодовой заработок колхозников в этих колхозах на семью был довольно высоким и даже превышал средний заработок промышленных рабочих (по губернии за 1927/1928 г. – 644 руб.; 53 руб. 67 коп. в месяц)²⁸. Кроме того, при определении заработка на семью колхозника необходимо учесть: а) бесплатную квартиру; б) отпуск продуктов из хозяйства в счет заработка

по ценам, более низким против существовавших в районе («Возрождение», «Опыт», «Смена») рыночных цен; в) бесплатное отопление квартир и их освещение («Смена»); г) оплата дров по себестоимости («Возрождение», «Опыт») и т. д.

Цены на продукты, отпускавшиеся из хозяйства для членов колхозов, в сравнении с рыночными показаны в таблице 3.

Таблица 3

**ЦЕНЫ НА ПРОДУКТЫ ПИТАНИЯ В КОЛХОЗАХ И НА РЫНКЕ
В ВОЛОГОДСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1927/1928 г.**

Перечень продуктов	Колхозы			Рыночные цены
	«Опыт»	«Возрождение»	«Смена»	
Мука ржаная, 1 кг	10 коп.	—	—	30–40 коп.
Мука пшеничная, 1 кг	—	9,4 коп.	—	—
Масло сливочное, 1 кг	—	1 руб. 25 коп.	—	2 руб. 52 коп.
Молоко, 1 л	7,5 коп.	6 коп.	6,5 коп.	17–20 коп.
Мясо, 1 кг	65 коп.	—	—	50–70 коп.
Картофель, 1 кг	3,75 коп.	1,9 коп.	—	14 коп.
Капуста, 1 кг	5 коп.	—	—	11 коп.
Обед и ужин с хлебом, 800 г.	—	—	38 коп.	—

Источник: ГАВО. Ф. 201. Оп. 1. Д. 1228. Л. 19.

Здесь нельзя не остановиться на характеристике качества жилья и общественного питания в коллективных хозяйствах высшей степени обобществления – коммунах. Например, в коммуне «Смена» пища, предлагаемая в общественной столовой, по материалам обследования губРКИ, была «однообразная, на два блюда и по своему приготовлению – неудовлетворительная»²⁹. В других источниках отмечалось: «... на обед дают только очень плохой суп, да ложки по две пахты»³⁰. Жилищные условия в той же коммуне отличались большой теснотой и скученностью. Молодежь размещалась в общежитии. Как отмечали инспектора губРКИ, «грязь у них неимоверная, ночью располагаются спать на детских кроватках, оставшихся от детских яслей, спят на рваных матрасах, у большинства нет совсем подушек, не говоря уже об одеялах»³¹.

Несколько лучше была ситуация в колхозах Тотемского уезда. Здесь также наблюдалась большая скученность в жилых помещениях и их антисанитарное состояние. Однако нормы питания были несколь-

ко выше. Они устанавливались в зависимости от продовольственных запасов коллектива. Хлеб выдавался, как правило, в неограниченном количестве, мясо – 200 г на едока в день, сахара – 400 г на месяц³²

Наиболее распространенной была **смешанная форма** оплаты труда в колхозах. В случае применения этой формы часть доходов (от 30 до 50%) делилась по едокам, а остальная часть (от 50 до 70%) – по количеству и качеству вложенного отдельными хозяйствами труда. Каждый трудоспособный колхозник был обязан отработать за установленную плату определенное количество (минимум 25) дней в году, на что бронировалось до 50% урожая. Остальная доля урожая распределялась пропорционально количеству едоков в хозяйствах. Это гарантировало определенное обеспечение даже тех входивших в коллектив хозяйств, которые не имели ни одного работника (Первомайский трудовой кооператив Вельского уезда)³³.

Следует отметить, что заработки, полученные на стороне, также поступали в колхозную кассу. Так, в товариществах полученный на стороне доход поступал непосредственно к работнику. Однако товарищество могло иметь в нем участие, если отход на заработки происходил во время полевых работ. Размер отчислений в этом случае также оговаривался на общем собрании.

Для отдельных членов артели допускались заработки на стороне на основании условий, установленных общим собранием. Часть заработанного шла на удовлетворение личных потребностей, остальное поступало в распоряжение артели. В коммунах весь доход поступал в общее хозяйство, что часто вызывало конфликты между коммунарами.

В большинстве колхозов имели место ярко выраженные иждивенческие настроения, проявлявшиеся как в организации труда, так и при распределении продуктов хозяйства. Эти настроения выражались, например, в претензии со стороны многих колхозов на государственное снабжение хлебом, одеждой, обувью и т. п. (колхозы Тигинского района, «Сигнал» Тотемского уезда, «Пчела», «Гаревский луч» Вологодского уезда). Иждивенческие настроения поддерживались в отдельных районах и местными руководящими работниками, считавшими, что организация новых колхозов зависит от получения хлеба (Тигинское кустовое объединение колхозов)³⁴.

На прошедших в сентябре 1929 г. районных женских конференциях по Вологодскому округу звучал, например, такой вопрос: «Можно ли организовать такой колхоз, чтобы все излишки он сдал государству, а ему выдавали **вдоволь** (выделено автором. – М. Г.) пайки и одежду?»³⁵.

Характерно, что распространение иждивенческих настроений происходило при явно убыточном ведении хозяйства (им. Сталина,

«10 лет Октября», «Октябрьский луч») или при продовольственных затруднениях, когда съедался семенной материал (коммуна «Сигнал» Тотемского уезда). Например, когда в коммуне им. Сталина для преодоления внутривоспроизводственного кризиса в апреле 1929 г. новый председатель правления поставил на общем собрании вопрос о пересмотре расценок за труд в целях приведения оплаты труда в соответствие с возможностями хозяйства, его обсуждение было сорвано³⁶.

В целом нужно сказать, что оплата труда в колхозах и принципы распределения не способствовали повышению производительности труда колхозников и эффективности сельскохозяйственного производства. Иждивенческие и эгалитарные настроения, преобладавшие в первых коллективных хозяйствах, вряд ли могли стать основой для подъема аграрного сектора. Поэтому в начале 1930-х гг. государство начало строить новую модель коллективных хозяйств, жестко поставив их под свой контроль и заставив играть по своим правилам. Одним из принципов колхозного строя стала так называемая «первая заповедь колхозника» – «сначала сдай хлеб государству, а затем распределяй оставшийся на трудодни». В прошлое канул и коммунистический принцип распределения – «от каждого – по способности, каждому – по потребности». В основу оплаты труда в колхозах уже в начале 1930-х гг. начал активно вводиться принцип оплаты по количеству и качеству вложенного труда, выраженный в трудодне. Однако процесс его утверждения в колхозах затянулся на несколько лет.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ ГАВО. Ф. 201. Оп. 1. Д. 1228. Л. 264.

² Там же. Л. 253, 268.

³ Там же. Д. 1024. Л. 60, 66, 72, 163.

⁴ Там же. Д. 1228. Л. 118 об.

⁵ Там же. Л. 19 об.

⁶ Там же. Д. 1081. Л. 26

⁷ Там же. Л. 34.

⁸ Там же. Д. 1228. Л. 20.

⁹ Там же. Л. 19 об.

¹⁰ *Рехачев М.* Развертывать и укреплять колхозное движение // *Большевистская мысль*. Архангельск, 1929. № 8. С. 79.

¹¹ ГАВО. Ф. 201. Оп. 1. Д. 1228. Л. 124 об., 125 об.

¹² Там же. Л. 19 об.

¹³ *Боярский А., Корцик А.* Как организовать и оформить колхоз (коммуна, артель, товарищество). Кадников, 1929. С. 10.

¹⁴ *Волягин А. А., Тигино // Волягин А. А., Васильев В. В.* О колхозах Вологодского округа. Вологда, 1929. С. 14.

¹⁵ ГАОПДФАО. Ф. 290. Оп. 1. Д. 290. Л. 115 (Вологодская губерния вошла в состав новой административной единицы – Северный край с центром в г. Архангельске – в 1929 г.).

¹⁶ ГАВО. Ф. 201. Оп. 1. Д. 1024. Л. 4 об.

- ¹⁷ Там же. Д. 1228. Л. 19.
¹⁸ Там же. Л. 148 об.
¹⁹ Там же. Л. 148 об., 149 об., 150.
²⁰ Там же. Л. 149.
²¹ Там же.
²² Там же. Л. 140.
²³ Там же. Л. 148–149.
²⁴ Там же. Л. 18 об.
²⁵ ГАОПДФАО. Ф. 290. Оп. 1. Д. 265. Л. 28 об.
²⁶ ГАВО. Ф. 201. Оп. 1. Д. 1228. Л. 148 об.
²⁷ ГАОПДФАО. Ф. 290. Оп. 1. Д. 356. Л. 144.
²⁸ ГАВО. Ф. 201. Оп. 1. Д. 1228. Л. 19 об.
²⁹ Там же. Л. 150.
³⁰ ГАОПДФАО. Ф. 290. Оп. 1. Д. 290. Л. 116.
³¹ ГАВО. Ф. 201. Оп. 1. Д. 1228. Л. 150.
³² Там же. Л. 205.
³³ Там же. Д. 1024. Л. 163.
³⁴ Там же. Д. 1228. Л. 19 об.
³⁵ ГАОПДФАО. Ф. 290. Оп. 1. Д. 290. Л. 115.
³⁶ ГАВО. Ф. 201. Оп. 1. Д. 1228. Л. 125 об.

М. В. Четверикова

Борьба крестьянства Европейского Севера России за землю в 1930-х – первой половине 1940-х гг.

На протяжении 1930-х – первой половины 1940-х гг. исключительное значение для колхозного крестьянства имело личное приусадебное хозяйство. Повышенная роль личного приусадебного хозяйства в жизнедеятельности сельского населения определялась, прежде всего, его экономическими функциями, необходимостью удовлетворения нужд сельской семьи в продуктах питания, вкладом в формирование совокупных доходов. Значение приусадебного хозяйства не исчерпывалось только этим. Наличие его являлось одним из важных признаков сельского образа жизни, характеризующегося привязанностью к земле и земледельческому труду¹.

Государственная политика в 1930-х – первой половине 1940-х гг. была направлена на усиление контроля за использованием земельных ресурсов.

В первой половине 1930-х гг. появились документы, регламентирующие землепользование колхозников. 1 марта 1930 г. СНК СССР и Президиум ЦИК ВКП(б) утвердили Примерный устав сельскохозяйственной артели². В Уставе провозглашался приоритет общественного землепользования, а размеры приусадебного землепользования не

определялись. Колхозам предоставлялось право самостоятельно устанавливать размеры приусадебных участков для своих членов.

Примерный Устав сельскохозяйственной артели, принятый II Всесоюзным съездом колхозников-ударников и утвержденный постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 17 февраля 1935 г., устанавливал формы отношений между колхозным двором и колхозом по поводу приусадебного землепользования.

Согласно Уставу колхозники могли иметь в личном пользовании участок земли, размеры которого составляли от 0,25 до 0,5 га, в отдельных районах – до 1 га (не считая земли под постройками) в зависимости от областных и районных условий³. Решением бюро крайкома ВКП (б) и президиума крайисполкома для южных районов Северного края размер приусадебного участка был установлен от 0,25 до 0,40 га, для северных – 0,25 га⁴.

Землепользование крестьянского двора на Европейском Севере определялось природно-географическими условиями. Территория края на 80% была занята лесами, 32,7% земель находилось в полярной зоне, почти не доступной для сельскохозяйственных культур, и только 5% территории было занято сельскохозяйственными угодьями⁵.

Согласно уставным документам личное землепользование крестьян было ограничено приусадебным участком, который до середины 1930-х гг. был небольшим и, как правило, сохранял размеры, принятые при ведении единоличного хозяйства. После утверждения Примерного устава сельхозартели в 1935 г. местные власти были вынуждены увеличивать приусадебные участки колхозников, чтобы довести их размеры до установленной нормы.

Во многих районах Европейского Севера требовалось прирезать к приусадебным участкам колхозников почти столько же земли, сколько у них уже имелось. Например, в Черевковском районе Северного края до 1931 г. усадебные наделы колхозников в среднем составляли 0,05 га на двор, за период с 1931 по 1935 г. они увеличились и составили в среднем 0,10 га, что было значительно меньше нормы. На 1 января 1938 г. размеры приусадебных участков колхозников менее 0,25 га преобладали в 88% колхозов Коми республики, 70% – Архангельской области, в 28% колхозов Вологодской области и Карельской АССР. Участками, превышающими нормы, были обеспечены члены только 4,9% сельхозартелей Европейского Севера⁶.

Решить проблему малоземелья предполагалось за счет сокращения землепользования единоличных хозяйств и увеличения приусадебных фондов колхозов. Однако только в Вологодской области в 1938 г. для увеличения земельных участков колхозников требовалось 7,48 тыс. га земли, а усадьба и пашня единоличников составляли лишь

9,7 тыс. га. Таким образом, для обеспечения колхозников землей необходимо было почти на 80% сократить земельные владения единоличников⁷. К тому же в условиях Севера запас сельскохозяйственных угодий был ограничен, и многие колхозы имели небольшой общественный земельный фонд.

Отсутствие достаточного количества пригодных для использования земель значительно сужало возможность землеобеспечения крестьянского двора. Так, в Сокольском районе Вологодской области в 1939 г. при обследовании 5298 дворов было выявлено, что размеры приусадебных участков колхозников значительно различались: например, хозяйств, имеющих участок менее 0,10 га, было 28%, от 0,10 до 0,20 га – 47%, от 0,20 до 0,25 га – 22%, от 0,25 до 0,40 га – 2%⁸. Подобные различия имели устойчивый характер и в последующие годы.

Малоземелье крестьянских хозяйств во многом обусловило развитие борьбы за землю, так как приусадебный участок являлся одним из важнейших источников доходов крестьянской семьи в 1930-х – первой половине 1940-х гг.

С приусадебного участка колхозники обеспечивали себя овощами, зерном, картофелем и другими сельскохозяйственными продуктами. Согласно данным бюджетных обследований дворов колхозников Карельской АССР поступления от приусадебного хозяйства продуктов растениеводства на одну колхозную семью составляли в 1936 г. – 77,6%, а в 1937 г. – 79,5%. Животноводческая продукция поступала в семьи колхозников исключительно из приусадебного участка: так в Карельской АССР, например, в 1937, 1938 гг. – 100% потребляемых продуктов животноводства (мяса, молока, яиц) производилось на приусадебных участках⁹. Личное подсобное хозяйство также являлось источником денежных поступлений крестьянского двора. В 1940 г. колхозники Вологодской области от реализации продукции личного подсобного хозяйства получали свыше 40% денежных доходов, что значительно превышало доли поступлений денежных средств из других источников¹⁰.

Как известно, система оплаты труда колхозников в общественном хозяйстве определялась количеством выработанных трудодней и зависела от валового дохода колхоза. Размер валового дохода колхоза определялся той частью произведенной продукции, которая оставалась после выполнения государственных обязательств по заготовкам. В начале 1930-х гг. колхозникам Европейского Севера на распределение по трудодням оставалась только третья часть валового дохода колхозов: например, в 1932 г. около 30-35% валового дохода колхозов¹¹. На протяжении 1930-х – первой половины 1940-х гг. наблюдалось снижение поступлений в крестьянские семьи зерна и других ос-

новых продуктов питания из общественного хозяйства. Выдача зерна на один трудодень в 1937 г. в Вологодской области составляла 4,4 кг, в 1940 г. – 1,51 кг, в Коми АССР – соответственно 2,47 и 0,96 кг зерна на трудодень¹². В военные годы и без того небольшая выдача зерновых на трудодни резко уменьшилась. В Архангельской области средняя выдача зерна на трудодень в 1941 г. составляла 0,89 кг против 1,2 кг в 1940 г. Если в 1940 г. доля колхозов с выдачей на трудодень до 0,5 кг зерна составляла только 9,7% от всех колхозов Архангельской области, то в 1941 г. – 22,2%, а в 1942 г. до 0,5 кг зерна на трудодень выдавал уже 71% колхозов¹³. Во многих районах Северного края снабжение хлебом от колхоза было вообще прекращено. Например, в 1941 г. в Харовском районе Вологодской области в 40 колхозах из 135 на трудодни хлеба не выдавали. В Грязовецком районе из 128 колхозов не выдавали зерна в 50 колхозах. Аналогичное положение сложилось в Междуреченском и Кубино-Озерском районах¹⁴. Распределение других сельскохозяйственных продуктов (картофеля, овощей, яиц, молока, мяса) из колхозов в конце 1930-х – первой половине 1940-х гг. производилось в еще более незначительных количествах.

Денежный доход колхозников также был невелик. Например, в 1937 г. уровень денежных доходов колхозников Карельской АССР составлял 195 руб. на двор, в Вологодской области – 86 руб. на двор¹⁵. Этих поступлений из общественного хозяйства было явно не достаточно для обеспечения прожиточного минимума.

Низкий уровень доходов от колхозов стимулировал стремление крестьян расширять личные приусадебные участки. Однако по существу законодательству личные земельные участки крестьян не подлежали покупке, продаже, дарению или аренде. Поэтому зачастую расширение приусадебных участков происходило незаконным путем. В документах 1930-х – первой половины 1940-х гг. земельные участки, превышающие установленные нормы, именовались «захватами» или «прирезками».

Стремление крестьян увеличить свои земельные участки государственные и партийные органы рассматривали как развитие «вредных частнособственнических, рваческих тенденций». Увеличение размеров личного подсобного хозяйства, по мнению власти, приводило к падению трудовой дисциплины в колхозах, тормозило укрепление колхозного строя.

Государственная политика регламентации землепользования получила свое выражение в Постановлении Пленума ЦК ВКП (б) и СНК СССР от 27 мая 1939 г. «О мерах охраны общественных земель колхозов от разбазаривания». Согласно постановлению было необходимо «провести обмер всех приусадебных земель, находящихся в личном

пользовании колхозников, в том числе земель колхозников вне усадеб, находящихся в полях общественных земель колхозов, и хуторских усадеб колхозников.... При этом: в соответствии с результатами обмера изъять из приусадебных земель колхозников и прирезать к общественным колхозным землям все излишки...»¹⁶.

Проведенный обмер обнаружил, что во многих крестьянских хозяйствах фактические границы приусадебных участков превышали предельный уровень, предусмотренный Уставом сельскохозяйственной артели.

В Вологодской области в августе 1939 г. при проверке примерно 260 тыс. хозяйств колхозников и 12 тыс. хозяйств единоличников были выявлены «излишки» в размере 9330 тыс. га у хозяйств колхозников и 2366 тыс. га у хозяйств единоличников¹⁷. Большое количество нарушений землепользования также было выявлено и в других областях и республиках Северного Края. Так, на 1 января 1940 г. в Архангельской области был проведен обмер 141 345 тыс. дворов колхозников и 5063 тыс. дворов единоличников, общая площадь выявленных «захватов» хозяйствами колхозников составила 1054,02 тыс. га, единоличников – 1148,30 тыс. га¹⁸. В среднем площадь одного захвата, совершенного колхозным двором в Вологодской области за период с 1939 по 1941 г., составляла 0,16 га, а единоличным – 0,7 га¹⁹.

Определенный стимул крестьянской борьбе за землю давала ликвидация хуторских хозяйств. Согласно майскому Постановлению Пленума ЦК ВКП(б) 1939 г. до 1 сентября 1940 г. было необходимо ликвидировать хуторские хозяйства колхозников и сселить их, наделив приусадебными участками в местах сселения по установленным нормам²⁰. Для государства выгоды компактного расселения колхозников заключались в повышении степени участия переселенных хозяйств в общественном производстве. Согласно официальным документам того времени трудовая дисциплина хуторян была особенно низкой. Живя на отшибе, хуторяне выпадали из-под пристального контроля местного начальства, что позволяло им затрачивать больше времени на работу в личном хозяйстве. Вот это послужило едва ли не главной причиной партийного решения о сселении хуторян в более крупные населенные пункты. Вместо переселения в села многие хуторяне бросали дома и уезжали в город, другие прямо отказывались от переезда, объясняя отказ от переселения отсутствием предусмотренной законом материальной помощи и халатностью местных властей при сборке и перевозке жилых построек. В действительности главной причиной нежелания крестьян переселяться была потеря относительно большого приусадебного участка. В ряде районов и колхозов Европейского Севера размеры приусадебных участков хуторян превышали

предусмотренные Уставом сельхозартели нормы в несколько раз. Например, в 1938 г. члены колхоза «Маяк» Бойловского сельсовета Вологодской области крестьяне Петухов и Хохлов, проживая на хуторе, имели приусадебные участки по 3 га²¹. Нередко после переселения на новые места многие хуторяне продолжали обрабатывать старые приусадебные участки, как правило, не скрывая этого от колхозного начальства. В целом сселение хуторов, подобно сплошной коллективизации начала 1930-х гг., проводилось как форсированная кампания. Так, в начале 1939 г. в Вологодской области насчитывалось 11 415 хуторских хозяйств. К началу 1940 г. было сселено 10 907 хозяйств, что составляло 95,7% сселения к числу всех хуторов области, к марту 1941 г. исчезли 10 972 хозяйства, или 96,1%, имевшихся в 1939 г.²²

Таким образом, в конце 1930-х гг. власти довольно активно приступили к «наведению порядка» в приусадебном землепользовании крестьянских хозяйств. Именно в этот период борьба северного крестьянства за землю была наиболее ярко выражена.

С началом Великой Отечественной войны государство было вынуждено ослабить контроль за порядком землепользования, так как проблема сохранения жизни крестьянской семьи и выполнения государственных поставок в период войны объективно требовала поиска резервов ее решения в личном подсобном хозяйстве²³. В 1942–1945 гг. местные власти старались приложить максимум усилий по дорезке приусадебных участков колхозников. В 1943 г. Вологодским облисполкомом было принято постановление о порядке наделения всех колхозников приусадебными участками размером 0,15–0,25 га²⁴. В основном дорезка приусадебных участков шла за счёт общественных земель колхозов.

Проводимые в дальнейшем обмеры вновь обнаружили значительное количество нарушений землепользования. Так, в 1945 г. в нескольких районах Вологодской области был проведен обмер, который показал, что количество «захватов» не сократилось. В результате обмера в Грязовецком районе в колхозе им. XVII партийного съезда у 90 дворов из 100 было обнаружено превышение размеров приусадебных участков в размере от 0,01 до 0,24 га, в колхозе «Ударник» из 58 хозяйств в 42 – от 0,02 до 0,12 га²⁵.

После окончания войны Постановлением Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б) от 19 октября 1946 г. «О мерах по ликвидации нарушений Устава сельхозартели в колхозах» государство вновь усилило контроль за крестьянским землепользованием²⁶. В этом же году обмер был проведен во всех районах Вологодской области, на 1 ноября 1946 г. здесь был выявлен 44 891 случай нарушения приусадебного землепользования. Только в Великоустюгском районе в 108 колхозах

«несанкционированные увеличения» земельных наделов были выявлены у 658 хозяйств на площади 37,39 га²⁷. По данным О. В. Артемовой, в 1946 г. число захватов оставалось примерно на том же уровне, что и в конце 1930-х гг., но средняя площадь захватов уменьшилась в 1,5 раза²⁸. Вероятно, причиной сокращения площади «захватов» было усиление контроля за землепользованием крестьянских хозяйств в рамках кампании, начавшейся в 1939 г. и направленной против «разбазаривания общественных земель колхозов».

Попытки крестьян увеличить свои приусадебные участки не всегда носили несанкционированный характер. Архивные источники свидетельствуют, что, как правило, «захваты» происходили с «молчаливого согласия» председателей и членов правления колхозов, за счет неиспользуемых общественных и приусадебных фондов колхозов. Руководители колхозов объясняли незаконное использование общественных земель хозяйственной необходимостью, и желанием более рационально использовать общественные земли²⁹.

«Захваты» земель были не единственным способом расширения приусадебных участков деревенскими жителями. Среди видов нарушений землепользования отмечалась купля-продажа земельных наделов. Обычно такого рода незаконные сделки с землей крестьяне старались тщательно скрывать от местных властей. Возможно, поэтому описание и статистика случаев, связанных с таким видом нарушений землепользования, не часто встречаются в документах органов власти. Проведенный анализ имеющихся данных позволяет заключить, что большинство среди выявленных нарушений землепользования, связанных с куплей-продажей приусадебных участков, было совершено единоличниками. Например, в Петриневском районе Вологодской области в 1940 г. было зафиксировано 4 случая продажи приусадебных участков и колхозных сенокосов: 1 – со стороны колхозника и 3 – единоличников³⁰. Вероятно, это можно объяснить более жестким контролем со стороны властей за нарушениями землепользования единоличными хозяйствами. А также тем, что в 1930-х – первой половине 1940-х гг. единоличное хозяйство могло обеспечить свое существование, лишь нарушая закон.

За попытки крестьян увеличить прирост площадей земельных угодий предусматривались различные меры наказания, такие, как: конфискация земельных участков, исключение из членов колхоза, штрафы, тюремное заключение. Самой распространенной мерой наказания нарушителей землепользования была конфискация незаконно занятой земли вместе с посевом или уже собранным урожаем. Практиковалось также изъятие сена, скошенного на незаконно используемых участках земли и колхозных полях. Менее распространенной мерой наказания

нарушителей порядка землепользования было привлечение к уголовной ответственности. Так, за период с 1 октября 1939 г. по 1 января 1940 г. было привлечено к уголовной ответственности в Архангельской области 25 человек, в Карельской АССР – 11 человек³¹.

Что касается социального состава осужденных, то основное число крестьян, привлеченных к уголовной ответственности, составляли колхозники. Так, в Архангельской области в 1939 г. от общего числа осужденных колхозники составляли 85%, единоличники – 10%, рабочие – 5%, в Карельской АССР – 44%, 33%, 11% соответственно³².

Еще одним способом крестьянской борьбы за землю были письма, направляемые в различные инстанции. Обычным сюжетом писем были жалобы на «незаконные», по мнению крестьян, изъятия приусадебных участков. Как правило, такие жалобы поступали от крестьян, причисленных к категории «мнимых колхозников», лишенных приусадебного участка. Многие крестьяне, лишенные приусадебных участков, действительно много лет не проживали в колхозе или занимались отхожим промыслом, но среди жалобщиков, было немало инвалидов, престарелых людей, многодетных матерей. Так, в своем заявлении, направленном в управление землеустройства Архангельской области 27 апреля 1940 года, крестьянка А. А. Седельникова из деревни Славинской Котласского района Архангельской области писала: «Котласским райисполкомом, а также Вондакурским исполкомом вынесено решение об отобрании у меня приусадебного участка, мотивируя это решение тем, что я не работаю ни в колхозе, ни на предприятии. Между тем обстоятельства моей жизни не позволяют мне отлучаться от дому. У меня трое детей, все школьного возраста, требующие за собой ухода, кроме того, в настоящее время я больна, и не в состоянии работать в колхозе...»³³.

Распространенным сюжетом крестьянских писем были заявления и жалобы единоличников об отказе от земельных участков. Согласно инструкции НКЗ СССР от 7 июля 1935 г. единоличники могли получать приусадебные участки только за окружными границами земель колхоза, без учета качества земель³⁴. Плохое качество почв и удаленность участков от места жительства стали одной из главных причин многочисленных обращений крестьян в земельные органы всех уровней с просьбой их обезземелить.

Еще одним распространенным сюжетом крестьянских писем были заявления и жалобы на неправильные действия представителей местной администрации при нарезке приусадебной земли.

Итак, борьба за землю в 1930-х – первой половине 1940-х гг., несомненно, являлась важной формой социального протеста северного крестьянства. Попытки государства регламентировать землепользова-

ние встречали отпор со стороны крестьянства Европейского Севера. Крестьянский протест выражался в «захватах» земли, как правило, из неиспользуемых общественных и приусадебных фондов колхозов, выкашивании сена и посевах на общественных землях колхозов, купле-продаже земельных наделов колхозниками и единоличниками. Количество «захватов» во многом зависело от внутрорегиональной обеспеченности крестьянских хозяйств землей, а также экономической стимуляции труда крестьянской семьи в колхозе. Активизация протеста усиливалась по мере усиления вмешательства государства в механизм функционирования личного хозяйства путем ограничения землепользования.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Климентьев Е. И., Кожанов А. А. Сельская среда и население Карелии 1945–1960 гг.: Историко-социологические исследования. Л., 1988. С. 181–182.

² Сборник документов по земельному законодательству СССР и РСФСР; 1917–1954 гг. М., 1954. С. 125

³ Примерный устав сельскохозяйственной артели. М., 1935. С. 8.

⁴ Некрасов К. В. Борьба Коммунистической партии за победу колхозного строя в Северном Крае (1929–1937 гг.). Вологда, 1973. С. 128.

⁵ Доброноженко Г. Ф. Коллективизация на Севере: 1929–1932 гг. Сыктывкар, 1994. С. 25.

⁶ Артемова О. В. Крестьянский двор на Европейском Севере (вторая половина 1930-х – 1940-е годы): Дис. ... канд. ист. наук. Вологда, 1997. С. 92–93.

⁷ Там же. С. 94.

⁸ ВОАНПИ. Ф. 2522. Оп. 2. Д. 181. Л. 44.

⁹ Статистический сборник по бюджетам рабочих и колхозников РСФСР. М., 1955. С. 115.

¹⁰ Артемова О. В. Указ. соч. С. 161.

¹¹ Доброноженко Г. Ф. Указ. соч. С. 141.

¹² ВОАНПИ ф. 2445. Оп. 2. Д. 155. Л. 1; Димони Т. М. Землепользование крестьянского двора в Вологодской области во второй половине 1930-х – 1940-х гг. // Вологда: Краеведческий альманах. Вып. 2. Вологда, 1997. С. 399; Сметанин А. Ф. Источники и уровень доходов колхозной семьи в Коми АССР в предвоенные годы (1937–1940) // Материальное положение, быт и культура северного крестьянства (советский период). Вологда, 1992. С. 48.

¹³ Гостинцев В. А. Материальное положение и быт северного крестьянства в годы Великой Отечественной войны // Материальное положение, быт и культура северного крестьянства (советский период). Вологда, 1992. С. 57.

¹⁴ Артемова О. В. Указ. соч. С. 153.

¹⁵ Там же. С. 154.

¹⁶ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК. Т. 7. М., 1971. С. 111.

¹⁷ ВОАНПИ Ф. 2522. Оп. 2. Д. 108. Л. 52.

¹⁸ ГААО. Ф. 3474. Оп. 5. Д. 185. Л. 67.

¹⁹ Артемова О. В. Указ. соч. С. 106.

²⁰ КПСС в резолюциях... Т. 7. С. 111.

²¹ ВОАНПИ. Ф. 2522. Оп. 1. Д. 241. Л. 82.

²² Там же. Оп. 2. Д. 469. Л. 117.

- ²³ Там же. Д. 10. Л. 90.
²⁴ Димони Т. М. Указ. соч. С. 395.
²⁵ Там же. С. 401.
²⁶ ГАВО Ф. 1705. Оп. 11. Д. 14. Л. 89.
²⁷ Димони Т. М. Указ. соч. С. 401.
²⁸ КПСС в резолюциях... Т. 7. С. 279.
²⁹ Артемова О. В. Указ. соч. С. 108.
³⁰ ВОАНПИ Ф. 3474. Оп. 5. Д. 87. Л. 54.
³¹ ГАРФ Ф. 9492. Оп. 1. Д. 367. Л. 2, 84.
³² Там же. Л. 84.
³³ Там же. Ф. 94. Оп. 1. Д. 367. Л. 86.
³⁴ ГААО. Ф. 3474. Оп. 5. Д. 87. Л. 54.

Н. М. Игнатова

Социальный протест крестьянства в спецпоселках в 1930-е–1950-е гг. (на материалах Республики Коми)

На современном этапе развития исторической науки представления о пассивных формах социального протеста крестьянства в рамках организационно-производственной школы А. В. Чайнова и концепции «моральной экономики как этики выживания» разработаны на достаточно высоком уровне. Одной из наиболее актуальных проблем, обсуждаемых на сегодняшний день в русле данных исследований в отечественной историографии, является проблема социальной психологии крестьянства, в том числе мотивация протеста. В этой связи в рамках антропологического подхода одним из наиболее интересных аспектов является анализ социальной психологии крестьянства через проявления протеста в экстремальных условиях, в частности в условиях ссылки на спецпоселения в период массовых насильственных переселений в 1930-е–1950-е гг.

Наиболее ценной источниковой базой по теме протеста спецпереселенцев являются отчеты НКВД–МВД «О настроениях спецпереселенцев», составившиеся по доносам агентурной сети, а также отчеты по проверке социально-бытовых условий в спецпоселках, которые, как правило, назывались «акты обследования», где обязательным был пункт о «политико-моральном состоянии спецпоселка».

В 1930–1950-е гг. в СССР в рамках репрессивной политики государства производились массовые насильственные перемещения различных групп населения с мест постоянного проживания в отдаленные районы страны, то есть происходил процесс спецпереселения. Освое-

ние малозаселенных, но важных в плане промышленного развития страны регионов с использованием подневольной рабочей силы, стало главной целью политики спецпереселения. В частности, в Коми автономную область (с 1936 г. – Коми АССР, с 1992 г. – Республика Коми) спецпереселенцы направлялись, прежде всего, для освоения богатых лесных запасов региона.

Начало насильственных переселений было связано с государственной политикой коллективизации сельского хозяйства. Спецпереселение считалось не карательной акцией, а особой формой воспитания раскулаченных с применением для них ряда правовых ограничений. Принудительная высылка крестьян с осени 1930 г. получила наименование «спецпереселение», а высланные с мест постоянного проживания стали именоваться «спецпереселенцами». В дальнейшем к высылке на спецпоселения определялись представители депортированных народов, репатриированные, военнопленные и др. В целом в Республику Коми в 1930-е – 1950-е гг. были высланы следующие категории спецпереселенцев: 1930–1931 гг. – 40 325 раскулаченных; в начале 1940-х гг. – 18 842 «польских осадника и беженца» (выселенные из Западной Украины и Западной Белоруссии поляки и евреи), 8141 немец (повторно переселенные из прифронтовых областей раскулаченные в 1930-е гг. немцы Поволжья), в 1944 г. – 4670 членов семей ОУНовцев («Организация украинских националистов»), 1945 г. – 3655 граждан Молдавии и Литвы, 1945–1946 гг. – 12 942 немца (переселенные в ходе репатриации), 1946–1947 гг. – 9847 «власовцев» (граждане СССР, побывавшие в плену, и коллаборационисты).

Из насильственно переселенных в Коми край крестьянство было представлено «бывшими кулаками». Крестьяне составляли большинство среди немцев и поляков, несмотря на то, что среди «польских беженцев» (в основном евреев) было много представителей интеллигенции и ремесленников. Социальную принадлежность остальных спецпоселенцев точно установить достаточно сложно.

Государственная политика спецпереселения подразумевала создание системы спецпоселений как структур, способных обеспечить жизнедеятельность и высокую производительность труда. Однако условия жизни в спецпоселках сложились крайне неблагоприятные. Причинами протеста спецпереселенцев были, прежде всего, отсутствие нормальных жилищно-бытовых условий, недостаток продуктов питания, одежды и обуви.

Протест как осознанное (явное или опосредованное) действие спецпереселенцев, выражавших недовольство существующим советским режимом, порядками и условиями в спецпоселках, проявлялся через жалобы, побеги с мест поселений, стихийные собрания, отказы

от работы, а также через множество «контрреволюционных» высказываний.

Единственной легальной формой протеста спецпереселенцев в рамках существующего в то время закона была подача различного рода **жалоб**, прошений, заявлений, в том числе в самые высшие инстанции. Эти действия были, пожалуй, характерны для тех, кто сохранял веру в справедливость социалистического закона и считал свою высылку случайной ошибкой.

Если в 1930-е гг. основная масса заявлений содержала жалобы на неправильное выселение, то в 1940-е гг., как отмечали органы НКВД, помимо аналогичных жалоб спецпереселенцы протестовали против распространения принудительного режима на детей, прибывших с родителями в поселки в малолетнем возрасте, и неправильного изъятия паспортов у спецпереселенцев, ранее восстановленных в избирательных правах¹.

Спецпереселенцы высказывали свое недовольство и в письмах родственникам. Вероятно, именно такие письма стали поводом для инспирирования в 1933 г. и 1935 г. нескольких дел о контрреволюционных организациях («кулацких группировках») в спецпоселках, участники которых якобы отправляли письма «провокационного характера» за границу и получали материальную помощь в виде посылок.

Массовой формой протеста в первые годы насильственных переселений были **побеги** спецпереселенцев. Спецпереселенцы наделись, что после побега их жизнь наладится и считали, что лучше быть осужденным за побег или другую провинность, так как появлялся шанс остаться в живых: «Пусть посадят, там хоть кормить будут»².

С 1930 по 1947 г. как указывалось в документах, в Коми АССР побег с мест поселения совершили 1959 человек, 1113 из которых были задержаны. На начало 1947 г. «в бегах» числилось 846 спецпереселенцев³. В справке МВД СССР (на 1 октября 1948 г.) о борьбе с побегами спецпереселенцев указывалось, что из 2 104 751 спецпереселенца, находившегося на спецпоселении в целом по стране, бежали – 77 541, из них не были задержаны 20 955⁴. Большое количество побегов, как групповых, так и индивидуальных, ярко демонстрировало, что спецпереселенцы не согласны мириться со своим положением. Эта форма протеста была нелегальной, в уголовном кодексе появилось наказание за побеги с мест принудительного поселения.

Одной из самых распространенных форм протеста спецпереселенцев были **отказы от работы**. В ходе обследования спецпоселков в 1933 г. было отмечено, что «политико-моральное» состояние спецпереселенцев в Коми области «скверное», и только в одном районе (Сыктывдинском) «удовлетворительное, без явных выступлений про-

тив советской власти». В целом в 1930-е гг., как указывалось в документах, спецпереселенцы были настроены «антисоветски», что выразилось в стремлении избежать сельскохозяйственных, лесозаготовительных и сплавных работ⁵.

Первые случаи саботажа были уже в 1930 г., когда спецпереселенцы отказывались идти в лес на строительство спецпоселков, так как считали свою высылку несправедливой и временной. «Мы не идем в лес на строительство колоний, требуем возвращения на родину, так как высланы неправильно...»⁶.

В 1930-е гг. отказы от работ в совокупности с другими действиями (побеги, жалобы и др.) стали основанием для «выявления контрреволюционных организаций» среди спецпереселенцев в Коми крае. В 1936–1937 гг. были «раскрыты» три «контрреволюционные организации», в составе 6, 10 и 11 человек. Основными обвинениями были: «антисоветская агитация против вступления в сельхозартель; против выхода на лесозаготовки и поселковые работы; организация саботажа на работах; подготовка организованного побега»⁷.

Нередко проблемы со снабжением продуктами питания, а также задержки в выдаче зарплаты были непосредственным поводом к отказам от работы. Типичный пример: 14–15 мая 1940 г. в спецпоселке Лопью Прилузского района «совершенно не отпускался хлеб, другие продукты питания отсутствовали», в результате чего 15 мая 157 человек отказались выйти на работу в лес⁸.

Как отмечается в делопроизводственных документах различных предприятий, использовавших труд спецпереселенцев, наиболее активно саботировали работы в лесу поляки и немцы, особенно в начале 1940-х гг. Но нередко ситуация усугублялась искусственно. Например, на лесоучастке Седшор 4–6 декабря 1941 г. не вышли на работу 39 человек⁹. Многочисленные отказы немцев от работы в это время по большей части были продиктованы не ожиданием победы Германии, а жестокими морозами в 38–40 градусов. Но в декабре 1941 г., когда шли упорные бои за Москву, на местах проводились особые проверки морально-идеологического состояния немцев, в том числе их трудовой деятельности.

Следует отметить, что саботаж и прогулы были характерны для всех категорий рабочих, как спецпереселенцев, так и вольнонаемных, а причиной прогулов во многом была плохая организация труда. Большое количество отказов от работы сохранилось и в послевоенное время. В 1947 г. по-прежнему отмечалось, что среди спецконтингента есть «систематически симулирующие, не желающие работать на производстве»¹⁰.

Стихийные собрания и митинги были более характерны для 1940-х гг., когда в Коми АССР были высланы поляки и евреи, отличавшиеся свободомыслием и «самой низкой благонадежностью». Например, 17 апреля 1940 г. все поляки-спецпереселенцы из поселка Старая База Прилузского района, где весной 1940 г. снабжение спецпереселенцев практически отсутствовало, собрались возле комендатуры и потребовали: «Или кормите нас, или убивайте». То же самое произошло в поселке Якшордин, где спецпереселенцы заявили: «Если не будет продуктов, то будем резать на мясо коней лесопункта»¹¹.

«Бывшие кулаки» отличались гораздо большим терпением, стихийные собрания и митинги в 1930-е гг. среди высланных крестьян были крайним проявлением протеста. Срыв плана лесозаготовок в Сараюльском лесопункте, массовый невыход на работу и стихийный митинг с требованием увеличения продовольственного пайка, прошедший в спецпоселке Рабог в мае 1932 г., стали поводом для инспирирования самого крупного дела о контрреволюционной организации «Союз возрождения крестьянства» в Визингском (ныне Сысольском) районе Коми автономной области¹². Всего было арестовано 119 человек спецпереселенцев и местных жителей¹³.

В доступных источниках можно обнаружить несколько фактов **распространения листовок** агитационного характера. В 1931 г. на территории Усть-Куломского района была «выявлена» организация «Союз крестьян», которая насчитывала около 60 человек местных жителей и спецпереселенцев. Их главной контрреволюционной деятельностью были, исходя из следственных дел, распространение листовок, а также антисоветская агитация против коллективизации сельского хозяйства и лесозаготовок¹⁴.

Исходя из информации Коми областного отдела ОГПУ 5 апреля 1933 г. в селе Нившера Storожевского района была обнаружена листовка следующего содержания: «Сигнал на забастовку. Голодающие русские [спецпереселенцы. – Н. И.] уже организованы, все 200 человек. Соединяйтесь, местные граждане, когда не жалко нам головы и помирать надо. Исакову, Карманову и Ветошкину свинцовая награда будет» (Исаков – председатель сельсовета, Карманов – председатель сельпо, Ветошкин – секретарь партийной ячейки)¹⁵. Судя по данной листовке, несмотря на усилия органов НКВД, одной из задач которого было изолировать спецпереселенцев от местного населения, контакты все-таки существовали. В состав некоторых «выявленных» организаций входили и спецпереселенцы, и местные жители.

Настроения спецпереселенцев, их ценностные ориентации, степень принятия своего статуса и положения, а также уровень толерантности к советскому режиму наиболее полно можно проследить по вы-

сказываниям спецпереселенцев, зафиксированным в агентурных сводках НКВД (МВД) и охарактеризованным как «**контрреволюционные разговоры**».

Следует сказать, что чаще всего спецпереселенцы, выселенные в разные годы, на протяжении 1930-х – 1950-х гг. испытывали чувство отчаяния: «Здесь не жизнь, а каторга, нет возможности по-человечески жить, одевают и кормят как бродяг, и спрашивают с нас непосильную работу»¹⁶. Наиболее ярко негативное отношение спецпереселенцев к мероприятиям органов власти проявлялось во время предвыборных кампаний: «Вы как хотите, а я голосовать не буду. Они из нас вытягивают последние жилы, пьют нашу кровь, а я еще буду увеличивать их состав, отдавать свой голос за них»¹⁷. – «Да, мы все не выбирали бы, нам это не нужно, если не пойдешь на выборы, сейчас же в лес и засудят, поэтому нужно идти выбирать»¹⁸.

Указанные выше формы протеста крестьянства в спецпоселках целесообразно, на наш взгляд, проанализировать с нескольких позиций. *Во-первых*, если рассматривать проявления протеста в спецпоселках в рамках опыта, переживаемого субъектом, то среди спецпереселенцев выделяются две группы лиц. Первая – те, кто был недоволен своим положением и желал изменить его, и вторая – те, кто принимал свое положение и покорялся ситуации.

В 1930-е гг. самое активное сопротивление оказывали казаки, высланные в Сибирь. Буквально с первых дней высылки они устраивали стихийные митинги, оказывали физическое сопротивление и устраивали забастовки. В данном случае, на наш взгляд, большую роль играл социальный капитал¹⁹ спецпереселенцев. Казаки в рамках развития своей социальной группы обладали самым большим опытом социальных конфликтов, более высокой мобильностью и способностью к организации, несмотря на то, что их протесты были стихийными проявлениями.

В 1940 г. самый низкий показатель «благонадежности» и самый высокий показатель «антисоветскости» из спецпереселенцев имели поляки, выселенные из восточных районов Польши. Они не боялись открыто выступать против советской власти как на словах, так и на деле. Именно поляки в 1940-х гг. подняли крупнейшие восстания спецпереселенцев в Сибири.

Крестьяне, высланные в ходе массовой коллективизации, сопротивлявшейся раскулачиванием, отличались достаточно высоким уровнем терпения и смирения. Они понимали, что власти по отношению к ним совершили акт несправедливости, однако далеко не все считали, что причины несправедливости лежат в особенностях советского строя. Многие полагали, что по отношению к ним допущена слу-

чайная ошибка, их протест в основном был направлен против ситуации в местах спецпоселений. В первое время они выдвигали два требования: либо отправить их обратно домой, либо улучшить ситуацию в спецпоселках, и тогда они согласны остаться.

«Правильно» определенная «бывшими кулаками» стратегия выживания привела к тому, что они прочнее всех закрепились на местах поселений. Наибольшее количество спецпереселенцев, продолжавших жить после отмены режима спецпоселений в местах ссылки, составляли те, кого выслали в начале 1930-х гг., то есть раскулаченные в ходе коллективизации крестьяне.

Следует отметить, что со стороны власти к «бывшим кулакам» было особое отношение, и не в последнюю очередь благодаря высокому уровню смирения и лояльности к государству самих спецпереселенцев. Именно с «бывших кулаков» началось поэтапное освобождение спецпереселенцев от режима спецпоселения. Кроме того, из спецпереселенцев только «бывшие кулаки» были призваны в действующую армию в 1942 г., что, безусловно, повысило их социальный статус в рамках существующей системы.

Во-вторых, в условиях ссылки крестьяне лишились главной черты: они уже не были «мелкими сельскохозяйственными производителями, которые, используя простой инвентарь и труд членов своей семьи, работают – прямо или косвенно – на удовлетворение своих собственных потребительских нужд...»²⁰. Крестьяне насильно были переведены в другой социальный класс – рабочие, вследствие чего методы, применявшиеся ими в рамках традиционного крестьянского существования, деформировались в условиях спецпоселений.

Видоизменилась традиционная взаимопомощь, существовавшая в крестьянской общине как протест против внешнего насилия со стороны носителей власти. Одним из наиболее ярких проявлений пассивного протеста крестьянства стали взаимоотношения спецпереселенцев с местным населением – крестьянами, проживавшими в соседних со спецпоселками селах и нередко работавшими вместе со спецпереселенцами на лесозаготовках. В отчетах контрольных органов неоднократно отмечалось, что местное население занимается «укрывательством» спецпереселенцев. Несмотря на «противопологовую» агитацию, колхозники указывали лучший путь, предоставляли приют и т. д. В документах отмечены случаи, когда даже председатели колхозов давали согласие принять на работу сбжавших спецпереселенцев. Нередко спецпереселенцы уходили в соседние села и работали за пропитание («нянчили детей» и т. д.). Учитывая низкий уровень жизни местного населения (среди коми сельского населения наблюдалось попрошайничество со стороны детей, истощение населения), можно

говорить об определенной солидарности местного населения и спецпереселенцев.

С другой стороны, во взаимоотношениях спецпереселенцев между собой проявлений взаимопомощи и солидарности было гораздо меньше. Например, в 1940 г., когда начали прибывать поляки, «бывшие кулаки», сумевшие выжить, уже имели определенную устоявшуюся систему жизни, и новые партии спецпереселенцев воспринимались ими как угроза существованию. Например, в 1940 г. в документах по тресту «Комилес» отмечалось: «... имеются факты проявления антисемитизма со стороны старого кадра [спецпереселенцев, «бывших кулаков», высланных в начале 1930-х гг. – Н. И.] и колхозников»²¹.

Нетипичным фактором стратегии выживания крестьянства было стремление сделать карьеру. В спецпоселках в условиях несвободы и ограничения гражданских прав спецпереселенцы после высылки достаточно быстро стали занимать ответственные должности. Административно-хозяйственный аппарат спецпоселков включал большое количество спецпереселенцев. Это были те, кто имел наибольшие ограничения и наименьшие шансы получить быстрое освобождение, в основном насильственно переселенные лица немецкой национальности (граждане СССР). Объяснить это, пожалуй, можно тем, что люди, приговоренные к «вечному поселению», старались восстановить утраченный в ходе репрессий социальный статус, не дожидаясь возможности получить освобождение. Данное явление можно считать высшей степенью приспособленности к ситуации.

Безусловно, основной целью крестьян было выжить, сохранить себя физически, но нельзя утверждать, что мотивом протеста в рамках поведенческих норм были только «типичные тенденции»²², то есть во многом неосознанное, традиционное поведение. Анализ форм протеста крестьянства в условиях спецпоселений позволяет говорить о том, что многие осознанно шли на ненормативное поведение ради сохранения своей духовности, осознавая при этом, что данные действия могут привести к физическому уничтожению. К таким действиям можно отнести отправление религиозных обрядов, что по идеологическим параметрам не вписывалось в картину советской реальности. В определенном смысле личностный протест при полном осознании политической ситуации в стране, направленный на духовное «сохранение себя», что обычно характеризует интеллигенцию в отличие от крестьянства, не вписывается в моральную экономику выживания.

Если говорить о степени осознанности действий, целесообразно рассмотреть формы протеста как девиантное поведение в рамках существующей системы. Отклонение от образцов должного, нормативно-го поведения является демонстрацией тех степеней свободы, которы-

ми обладают элементы социальной системы в ее пределах²³. То есть отклонение от нормативного поведения спецпереселенцев в рамках спецпоселков можно трактовать как понимание спецпереселенцами степени их свободы. Так как типологизировать различные виды отклонений от общепринятых образцов можно по источникам мотивации (разум, рассудок, здравый смысл, интуиция, чувства, эмоции, страсти, аффекты, инстинкты), то это в перспективе дает основание для широкого понимания субъективно-личностных истоков форм протеста.

В итоге необходимо отметить прежде всего, что одни типичные черты социального протеста, свойственные крестьянству, в рамках спецпоселков сохранились и даже обострились, а другие были утрачены или размыты. Высланные на спецпоселения крестьяне проявляли недовольство советским режимом в целом и условиями в спецпоселениях на протяжении всего периода спецпереселения в 1930–1950-е гг. Протест был вызван, прежде всего, неблагоприятными условиями жизни в спецпоселках Коми АССР и стал отражением двойственной политики государства в отношении спецпереселенцев. Официально декларировалось, что спецпереселенцы имеют равные права с остальными гражданами государства, кроме свободы передвижения, с другой стороны, на практике к спецпереселенцам относились как к виновным, «врагам народа». Протест проявлялся в разных формах: жалобы, побег, стихийные собрания, «контрреволюционные разговоры», отказы от работ и т.д. Особенность протеста в Республике Коми в 1930–1950-е гг. состояла в том, что в спецпоселках республики не было массовых восстаний и забастовок спецпереселенцев, хотя существовали забастовочные настроения.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1938–45 гг. Сборник документов. Новосибирск, 1996. С. 63.

² Коми республиканский государственный архив общественно-политических движений и формирований (КРГАОПДФ). Ф. 1. Оп. 2. Д. 808. Л. 38.

³ Там же. Оп. 4. Д. 180. Л. 142.

⁴ Бугай Н. Ф., Гонов А. М. Кавказ: народы в зшелонах (20–60-е годы). М., 1998. С. 241.

⁵ Спецпоселки в Коми области. Сборник документов. Сыктывкар, 1998. С. 228.

⁶ КРГАОПДФ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 808. Л. 38.

⁷ Там же. Оп. 3. Д. 236. Л. 9.

⁸ Там же. Д. 878. Л. 68.

⁹ Кызьюров Л. А. Немцы-спецпереселенцы в годы Великой Отечественной войны (по документам фонда Коми обкома ВКП(б) за 1941–44 гг.) // Немцы в Коми: история, современность, перспективы. Сыктывкар, 2001. С. 34.

¹⁰ КРГАОПДФ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 258. Л. 14–16.

¹¹ Там же. Оп. 3. Д. 669. Л. 146–149.

¹² Безносова Н. П. Дело о «контрреволюционной» организации «Союз возрождения крестьянства» // Политические репрессии в России. XX век. Сыктывкар, 2001. С. 71–74.

¹³ Захаров В. Д. При отсутствии состава преступления // Покаяние: Мартиролог. Т. 2. Сыктывкар, 1999. С. 586.

¹⁴ Полещиков В. Дело о «Союзе крестьян» // Покаяние... С. 603–613.

¹⁵ Национальный архив Республики Коми. Ф. 3. Оп. 1. Д. 2398. Л. 38.

¹⁶ КРГАОПДФ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 178. Л. 18; Д. 181. Л. 61.

¹⁷ Там же. Д. 729. Л. 99.

¹⁸ Там же. Оп. 4. Д. 178. Л. 16.

¹⁹ Имеется в виду концепция социального капитала, существующего во взаимоотношениях индивидов. См.: Коулман Дж. Капитал социальный и человеческий // Общественные науки и современность. 2001. № 3.

²⁰ Шанин Теодор. Понятие крестьянства // Великий незнакомец: крестьяне и фермеры в современном мире. М, 1999. С. 11.

²¹ КРГАОПДФ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 721. Л. 24.

²² Шанин Теодор. Указ соч. С. 13.

²³ Бачинин В. А. Антропосоциология аномативного поведения // Общественные науки и современность. 2001. № 3. С. 62–67.

О. В. Ильина

К вопросу об изменении численности сельского населения Вологодской области в период Великой Отечественной войны

Различные процессы, происходящие в обществе, находятся в тесной взаимосвязи друг с другом. Эта взаимосвязь предполагает, что изменения в одной общественной сфере неизменно приведут к изменениям в другой.

Политические и социально-экономические перемены, происходившие после революции 1917 г., оказали сильное воздействие на деревню. Аграрная политика государства была направлена на коллективизацию сельского хозяйства и ликвидацию наиболее зажиточной части сельского населения. Проведение этих мероприятий исключительно жесткими и форсированными методами нарушило вековой уклад жизни крестьянства, изменило социальный состав деревни. Создание мощной индустрии в городах также происходило за счет деревни – путем изъятия финансовых, материальных и людских ресурсов из аграрного сектора.

Резкое изменение демографических показателей произошло и в период Великой Отечественной войны, которая потребовала полной мобилизации сил и средств для победы. Вклад крестьянства в решение этой задачи был велик.

Перед войной доля жителей села в общем населении РСФСР составляла 66%, что привело к преобладанию среди личного состава Вооруженных Сил СССР призванных из сельской местности¹. По расчетам В. Т. Анискова, в начале войны Красная Армия состояла на 80% из жителей села, так как в отличие от города, где часть мужчин получала бронь от призыва, работая на оборонных предприятиях, деревня направляла на фронт всех без ограничения: председателей сельхозартелей, бригадиров, механизаторов, рядовых колхозников². Например, в Кадуйском районе Вологодской области за 1941 г. сменилось 102 председателя колхоза, 81 из которых был мобилизован в армию. Всего за период мобилизации 1941–1943 гг. в области на должности председателя колхоза сменилось более 6000 человек, из них 80% – по причине призыва в действующую армию³.

По данным составителей Книги Памяти Вологодской области, на фронт в годы Великой Отечественной войны было мобилизовано 20% от общей численности сельского населения области. Мобилизация коснулась прежде всего мужчин трудоспособного возраста от 18 до 50 лет, что ухудшило положение с рабочей силой в деревне.

Сокращение количества трудоспособного населения, равно как и прекращение поступлений новой сельскохозяйственной техники в деревню, износ имеющегося тракторного парка, нехватка горючего и смазочных материалов вели к возрастанию доли тяжелого ручного труда. Дефицит рабочей силы возмещался путем увеличения нагрузки на каждого занятого в сельском хозяйстве и продолжительности рабочего времени.

Так, проверка трудовой дисциплины в колхозе «Трудовик» Кубено-Озерского района Вологодской области в 1942 г. выявила следующий распорядок рабочего времени в период сенокоса. Работа начиналась в 2 часа ночи и заканчивалась в 21 час. Перерывы в работе составили один час утром и два часа вечером. Таким образом, общая продолжительность рабочего времени составляла 15 часов в сутки⁴.

По мнению Т. М. Димони, вологодский крестьянин в 1941–1945 гг. до 80% времени, затрачиваемого на производственную деятельность, отдавал фактически без оплаты колхозному производству⁵. В апреле 1942 г. Совнарком СССР и ЦК ВКП(б) принял Постановление «О мобилизации на сельскохозяйственные работы в колхозы, совхозы и МТС трудоспособного населения городов и сельских местностей». Однако реализация Постановления не могла восполнить количества рабочих рук, необходимых деревне, во многом из-за того, что восполнять было нечем.

В справке Череповецкого райисполкома от 13 мая 1943 г. сообщалось, что для работы в период весеннего сева в районе не хватает

2448 человек, для работы на прополке и сенокосе – 10 699 человек, для уборочных работ – 12 690 человек⁶. Анализ делопроизводственной документации райисполкомов показывает, что в помощь деревне привлекались в основном учащиеся и эвакуированные и в меньшей степени рабочие и служащие близлежащих поселков и городов.

Сокращение численности сельского населения происходило также в связи с мобилизацией жителей села в другие отрасли народного хозяйства и на оборонные работы.

Мобилизационные работы носили разноплановый характер и были связаны с восстановлением, расчисткой и строительством различных объектов, с участием в торфозаготовках и в сборе смолы, с заготовкой дров для железных дорог и предприятий как внутри области, так и за ее пределами. Часто свои родные места жители села покидали довольно на длительное время, которое совпадало с важными сельскохозяйственными работами в деревне. Например, в августе 1943 г. из Вологодской области планировалось отправить для работы в промышленность Мурманской области 1550 человек сельского населения, из них 1000 – незамедлительно. В разгаре была уборка⁷.

Экстремальные условия военного времени не сказаться на показателях рождаемости и смертности сельского населения Вологодской области.

Таблица 1

**РОЖДАЕМОСТЬ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ
в 1940 – 1945 гг.
(в абсолютных показателях)**

Годы	1940	1941	1942	1943	1944	1945
Всего родилось детей	42 773	49 709	25 523	9600	10 947	13 578

Составлено по: ГАРФ. Ф. 374. Оп. 11. Д. 39. Л. 23; Д. 74. Л. 3; Д. 176. Л. 14, Д. 225. Л. 15; Д. 263. Л. 89; Д. 380. Л. 26.

По данным табл. 1 отчетливо прослеживаются кризисные черты в развитии процессов рождаемости в годы войны. Ее показатели понижаются, а кульминация падения приходится на 1943 г., когда только по сравнению с предшествующим годом рождаемость снизилась более чем в 2 раза. Одной из главных причин снижения показателей рождаемости является деформация возрастного-полового состава населения вологодской деревни в условиях полномасштабной мобилизации

лиц мужского пола на войну. И, конечно, само состояние войны с ее лишениями и невзгодами влияло на показатели рождаемости.

Уже летом 1941 г. ряд областей РСФСР подвергся непосредственным военным действиям и районы, находившиеся вне зоны фронта, стали принимать потоки беженцев и эвакуированных, что осложнило санитарно-эпидемическую обстановку и вело к быстрому распространению инфекционных заболеваний.

Таблица 2

**ДИНАМИКА РЯДА ЭПИДЕМИЧЕСКИХ ЗАБОЛЕВАНИЙ В ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ
В 1940–1945 гг. (на 10 тыс. чел.)**

Годы	1940	1941	1942	1943	1944	1945
Сыпной тиф	2,9	2,4	77,1	4,4	4,5	7,5
Брюшной тиф	3,7	3,2	9,6	4,2	2,5	7,5
Дизентерия	54,7	37,1	41,2	15,2	6,5	6,3

Составлено по: ГАВО. Ф. 1637. Оп. 14. Д. 1. Л. 94.

Данные табл. 2 показывают, что уже на второй год войны в Вологодской области вспыхнула эпидемия сыпного тифа, в 3 раза выросли показатели заболеваемости брюшным тифом. Резкий рост заболеваемости этими и другими острозаразными инфекциями связан с массовой эвакуацией жителей Ленинграда, расселение их и в без того переполненных жилищах, нехваткой лекарств, медикаментов и порой с несоблюдением правил гигиены в условиях военного времени.

На увеличение показателей заболеваемости влияло и общее ухудшение качества жизни, в первую очередь связанное с бедным рационом питания. В 1942–1943 гг. участились случаи смерти от истощения.

Таблица 3

**СМЕРТНОСТЬ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ
В 1940–1945 гг. (в абсолютных показателях)**

Годы	1940	1941	1942	1943	1944	1945
Число умерших	35 056	35 313	53 963	31 668	19 363	15 394

Составлено по: ГАРФ. Ф. 374. Оп. 11. Д. 39. Л. 23. Д. 74. Л. 3. Д. 176. Л. 14. Д. 225. Л. 15. Д. 263. Л. 89. Д. 380. Л. 26.

Из табл. 3 видно, что показатели смертности сельского населения Вологодской области были высокими и в мирном 1940 г., поэтому особого роста смертности в 1941 г. не произошло. Лишь в 1942 г. смертность дала кратковременный подъем, однако уже с 1943 г. начала снижаться. Снижение смертности к концу войны можно объяснить, вероятно, определенной адаптацией людей к суровой военной ситуации. Кроме того, медицина достигла определенных успехов: с 1942 г. в СССР стали применять сульфаниламидные препараты, с 1944 г. – пенициллин.

В годы войны произошло изменение и в структуре смертности, что связано с уменьшением в общей численности населения доли детей в возрасте до 1 года, т. е. той возрастной группы, которая в наибольшей степени подвержена риску смерти.

Таблица 4

**ДЕТСКАЯ СМЕРТНОСТЬ В СЕЛЬСКОМ НАСЕЛЕНИИ ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ
в 1940 – 1945 гг.**

Годы	1940	1941	1942	1943	1944	1945
Доля детей (в возрасте до одного года) в общей смертности сельского населения	34,4%	28,3%	21,3%	7,9%	6,5%	10,2%

Рассчитано по: ГАРФ. Ф. 374. Оп. 11. Д.39. Л. 23; Д. 74. Л. 3; Д. 225. Л. 15; Д. 263. Л. 89; Д. 380. Л. 26.

Из табл. 4 видно, что доля младенческой смертности понижается к концу войны. Если сравнивать показатели за каждый год, то пик младенческой смертности приходится на 1942 г., после чего наблюдается ее спад. Основными причинами гибели малышей были детские болезни и инфекции, которых невозможно было избежать из-за резкого ухудшения качества и количества пищи, снабжения лекарствами и общего содержания детей во время войны.

Важнейшим показателем, характеризующим демографическое состояние, является естественный прирост, который равен разнице чисел родившихся и умерших.

**ЕСТЕСТВЕННЫЙ ПРИРОСТ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ
в 1940 – 1945 гг.**

Годы	1940	1941	1942	1943	1944	1945
Родилось	42 773	49 709	25 523	9600	10 947	13 578
Умерло	35 056	35 315	53 963	31 668	19 363	15 394
Естест прирост	7717	14396	-28 440	-22 068	-8416	-1816

Составлено по: ГАРФ. Ф. 374. Оп. 11. Д. 39. Л. 23, д.74. Л. 3; Д. 176. Л. 14; Д. 225. Л. 15; Д. 263. Л. 89; Д. 380. Л. 26.

Из табл. 5 видно, что на отсутствие положительного естественного прироста сельского населения Вологодской области в 1942–1945 гг. большее влияние оказало падение рождаемости, а не рост смертности, который имел место лишь в 1942 г.

В целом демографические последствия войны для населения вологодской деревни оказались очень тяжелы. Воспроизводству был нанесен непоправимый урон. Более 50% от мобилизованного сельского населения Вологодской области погибло на войне или умерло от ран. Список погибших, по мнению составителей Книги Памяти Вологодской области, нельзя считать законченным. Цифра в 178 711 погибших в Великой Отечественной войне вологжан (80% приходится на жителей села) не является на данный момент официальной и постоянно уточняется⁸. Из-за демографических потерь, произошедших за время войны, значительно сократилось количество бракоспособного населения в репродуктивном возрасте, что привело к потерям в общей численности населения, рождении низкого числа детей в течение не одного последующего десятилетия.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Вербицкая О. М.* Население российской деревни в 1939–1959 гг. Проблемы демографического развития. М., 2002. С. 43.

² *Анисков В. Т.* О бедной деревне замолвите слово. 1941–1945 гг. Вологда; Ярославль, 1996. С. 10.

³ *ВОАНПИ. Ф. 2522. Оп. 3. Д. 426. Л. 30, 36.*

⁴ Там же. Л. 3.

⁵ Вологодская область в годы войны: уроки прошлого и опыт настоящего. Сборник материалов научно-практического семинара 21 июня 2002 года. Вологда, 2002. С. 25.

⁶ *Акинхов Г. А.* Вологда прифронтовая. Архангельск, 1990. С. 142.

⁷ Там же. С. 154.

⁸ Книга Памяти Вологодской области. Заключительный том / Под ред. В. В. Судакова и др. Вологда, 1999. С. 5.

Социально-экономическое положение в колхозах Коми АССР в послевоенный период (1946–1953 гг.)*

Рассматриваемая тема является составной частью общей проблематики аграрной истории российского общества, разработка которой имеет большое научное и практическое значение. Исследование взаимосвязи характера проводимой государством внутренней политики и социально-экономических реалий жизни населения традиционно является актуальным для отечественной исторической науки.

Однако следует заметить, что проблема социально-экономических последствий от проводимой в 1930-е – 1940-е гг. форсированной модернизации социалистической экономики для аграрной сферы общества советской историографией рассматривалась лишь в контексте сугубо положительного влияния политики партии и правительства на все сферы жизни общества. Большой вклад в изучение вопросов социального и экономического развития послевоенной колхозной деревни внесли исследователи И. М. Волков¹, М. А. Вылцан², И. Е. Зеленин³, В. Б. Островский⁴ и др.

С начала 1990-х гг. резкое ослабление политической цензуры, доступность закрытых ранее архивных материалов позволили наметить новые подходы в изучении прошлого советской деревни. На сегодняшний день наиболее актуальные вопросы социальной истории послевоенного села рассмотрены в работах отечественных исследователей О. М. Вербицкой⁵, М. А. Безнина⁶, Т. М. Димони⁷.

Цель данной работы состоит в том, чтобы попытаться выявить зависимость эволюции социально-экономических условий в колхозной деревне от приоритетов послевоенной аграрной политики советского государства на примере Коми АССР. Для ее достижения следует оценить характер послевоенной государственной политики в аграрном секторе советской экономики, дать анализ материально-экономического положения сельхозартелей и колхозного крестьянства Коми АССР в рассматриваемые годы. Исходя из этого можно будет определить степень вынужденности и адекватности мер прямой государственной поддержки колхозной системы, принятых в августе – сентябре 1953 г.

* Работа подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 02-01-00470а/С).

В работе использован комплекс документов партийных и государственных органов власти, принятых в период с 1932 по 1958 г. и в той или иной степени регламентировавших деятельность коллективных хозяйств. Также привлекались материалы статистического характера (прежде всего сводные годовые отчеты колхозов и МТС), ранее секретные докладные записки органов госбезопасности – НКВД, МГБ – о ситуации в деревне во второй половине 40-х – начале 50-х гг. XX века.

Необходимо отметить, что к 1946 г. чрезвычайные условия хозяйствования в период Великой Отечественной войны негативно сказались на производительных силах колхозной системы Коми АССР. К началу восстановительного периода большое число колхозов республики оставалось мелкими и экономически слабыми хозяйствами. Из 673 сельхозартелей Коми АССР в 1946 г. 21,2 % состояли менее чем из 30 дворов, 46 % располагали посевной площадью до 100 га, 75,9 % имели денежные поступления до 100 тыс. руб.⁸ За годы войны в колхозах Коми АССР сократилось поголовье общественного скота, снижались его продуктивность и общий выпуск животноводческой продукции. Так, в период с 1940 по 1946 г. общественное стадо крупного рогатого скота сократилось на 13,7 %, или на 11,5 тыс. голов⁹. Производство мяса всех видов с 1940 по 1946 г. сократилось на 0,6 тыс. т, или на 30 %, сливочного масла – на 422 ц, или на 21 %, молока – на 1,4 млн. л, или на 6 %. Среднегодовой удой молока на одну фуражную корову в 1946 г. был равен 751 л, против 850 л в 1940 г.¹⁰

Снизилась культура земледелия. Резко сократились урожайность и валовые сборы полевых культур. Средний сбор зерновых с одного гектара посева в колхозах республики уменьшился с 1940 по 1946 г. почти в два раза – с 10,2 ц до 5,3 ц. Урожайность картофеля за те же годы снизилась в 2,7 раза – с 81,7 ц до 30,2 ц с га, а других овощей – в 3,7 раза – со 103,4 ц до 28 ц на га посева¹¹.

Большинство МТС Коми АССР заканчивали хозяйственный год с убытками. За годы войны новая сельскохозяйственная техника в республику не поступала, а большая часть имевшейся выработала свой ресурс и была значительно изношена. В силу этого значительно ухудшились основные показатели деятельности машинно-тракторных станций. Так, среднегодовая выработка на один условный 15-сильный трактор в переводе на мягкую пахоту сократилась в два раза: с 237 га в 1940 г. до 118 га в 1946 г., на один условный 15-футовый комбайн – на 48 %, с 98 га до 51,1 га. При этом себестоимость работ МТС для колхозов составила в 1946 г. 83,47 руб. на 1 га мягкой пахоты против 44,02 руб. в 1940 г., увеличившись почти в два раза. Общий объем работ, выполненных силами МТС Коми АССР, также значительно сни-

зился – до 91 тыс. га мягкой пахоты в 1946 г. против 154 тыс. га в 1940 г.¹²

Особенно тяжело последствия военного периода сказались на демографии коми колхозной деревни. С 1940 по 1946 г. наличное население колхозов Коми АССР сократилось со 179,7 тыс. чел. до 126,6 тыс., или почти на 30 %. Наибольший ущерб понесла категория трудоспособных мужчин и женщин. Например, число трудоспособных мужчин в возрасте от 16 до 60 лет, принимавших участие в колхозном производстве, сократилось к концу 1946 г. до 7,9 тыс. чел. против 26,3 тыс. в 1940 г., то есть в 3,3 раза. Их удельный вес по отношению к количеству всех работавших в колхозах в 1946 г. не превышал 10 %, тогда как до войны составлял 23,1%¹³. Сокращение общей численности колхозного населения и ухудшение его качественного состава обусловило то, что валовая выработка трудоней в колхозах Коми АССР снизилась с 19 632 тыс. в 1940 г. до 14 896 тыс. в 1946 г., или на 24,1 %¹⁴.

Налицо были явные признаки того, что за годы войны колхозы республики исчерпали свои мобилизационные ресурсные возможности и остро нуждались в некоем реабилитационном периоде, восстановления своего хозяйства на основе необходимой и, по всей видимости, потенциально возможной помощи со стороны государства, которая заключалась бы в изменении разрушительной системы заготовок колхозной продукции, ослаблении налогового бремени, значительных финансовых инвестициях и других мероприятиях по восстановлению и дальнейшему развитию экономики коллективных хозяйств.

Однако суровая аграрная политика Советского правительства второй половины 1940-х гг. – начала 1950-х гг. не оставляла колхозной деревне шансов на быстрое восстановление довоенного уровня и дальнейшее перспективное развитие. Известно, что во второй половине 1940-х вновь, как и до войны, советским правительством был взят курс на приоритетное развитие тяжелой индустрии. При этом именно в колхозной деревне государство видело безотказный источник пополнения необходимых ресурсов: людских, материальных, финансовых. Таким образом, до 1953 г. советской деревне пришлось существовать в условиях жесткого режима реставрации довоенной модели колхозной системы, системы специфически сталинского типа. Она основывалась на сверхнеэквивалентном обмене стоимостями между городом и деревней при особом административном режиме в сельской местности. Государство изымало из коллективных хозяйств не только весь прибавочный продукт, но и часть необходимого. Данный принцип реализовывался прежде всего через особую систему ценообразования на продукцию колхозов, к которой сами хозяйства не имели никакого отношения. Принудительная продажа продуктов по чрезвычайно низким

ценам, установленным государством, не возмещала колхозам производственных затрат.

Указанная политика, во многом объективно продиктованная напряженной международной обстановкой и грандиозными задачами послевоенного развития Советской страны, тем не менее значительно усугубила неблагоприятное положение колхозного села и обусловила развитие глубокого социально-экономического кризиса аграрной подсистемы в конце 1940-х – начале 1950-х гг., в том числе и в коми деревне. Меры по стимулированию колхозной экономики, принимаемые в этот период, целиком основывались на усилении административного воздействия на деревню и были малорезультативны, ибо не касались основных причин сложившегося положения, коренившихся в таких отношениях между колхозами и государством, при которых учитывались исключительно интересы последнего.

В силу этого до 1953 г. в хозяйственной деятельности сельхозартелей Коми АССР доминировали застойные и деструктивные явления, все более усиливались черты кризисного развития. Денежные и натуральные доходы артелей оставались чрезвычайно низкими, сокращаясь из года в год. Так, общий объем финансовых поступлений в 1952 г. составил 45,2 млн. руб. против 59,7 млн. в 1947 г.¹⁵ Довоенный уровень урожайности полевых культур и продуктивности скота достигнут не был. Валовые сборы зерновых и овощей снижались. Так, в 1952 г. зерновых было собрано 176,5 тыс. ц против 318,9 тыс. в 1946 г.¹⁶ Численность общественного стада росла крайне медленно, хронически ощущался острый недостаток кормов. Структура колхозного стада крупного рогатого скота была некачественной. Удельный вес коров в нем, будучи весьма низким, за первые послевоенные годы значительно сократился, с 37,6 % в 1946 г. до 32,4 % в 1950 г. Поголовье породного крупного рогатого скота в колхозах уменьшилось в 1953 г. до 55,4 тыс. против 64,5 тыс. в 1950 г., коров – до 23,5 тыс. против 24,1 тыс., овец – до 25,9 тыс. против 28,2 тыс.¹⁷

Свидетельством все более углубляющегося кризиса колхозной системы Коми АССР служит рост удельного веса продукции, отчуждаемой государством посредством госпоставок, госзакупок и натуроплаты услуг МТС. Так, если в 1940 г. колхозы отдали государству 46,6% произведенного молока, то в 1953 г. – 56 %, овечьей шерсти – 48,1% и 95,2%, соответственно¹⁸.

Это сказывалось и на материальном положении колхозников. Общая сумма денежных средств в колхозах Коми АССР, распределенная на трудодни в период с 1946 по 1952 г., снизилась с 19,2 млн. руб. (или 35,7 % от всей суммы дохода) до 7,8 млн. руб. (или 16,5 % от всей суммы дохода), сократившись, таким образом, номинально и относи-

тельно почти в 2,5 раза. Представляется, что это происходило в связи с необходимостью жесткой экономии «фонда заработной платы» с тем, чтобы иметь возможность совершать различные обязательные платежи в полном объеме, а также направлять часть средств на собственное развитие.

С 1946 по 1949 г.¹⁹ число колхозов Коми АССР без выдачи денег по трудодням возросло с 53 до 94 хозяйств, а с выдачей до 60 коп. – с 258 до 395 хозяйств. Таким образом, удельный вес артелей без выдачи денег и с выдачей до 60 коп. был в 1949 г. равен 71,8 % от их общего числа против 38,3 % в 1946 г. При этом число «благополучных» артелей, выдававших свыше 2,5 руб. на выработанный трудодень, сократилось с 98 (14,6 % всех хозяйств) в 1946 г. до 53 (7,8 % всех хозяйств) в 1949 г.

Средняя денежная оценка трудодня в сельхозартелях Коми АССР в 1952 г. была равна лишь 63 коп.²⁰ против 1 руб. 39 коп. в 1947 г.²¹ (самого высокого показателя оплаты за весь период с 1946 по 1953 г.). Средний денежный годовой доход от общественного хозяйства, полученный одним трудоспособным колхозником Коми АССР (без учета пола) в 1948 г. составлял всего 322 руб. 14 коп. Подобный уровень денежного довольствия не мог обеспечить воспроизводство рабочей силы даже на биологическом уровне, т. е. в плане полноценного, здорового питания.

Недостаток денежных средств на покупку питания колхозникам могли бы восполнить натуральные выдачи на трудодень. Однако их реальные структура и размер не позволяли справиться с этой задачей. Из всех производимых колхозами продуктов на трудодни в основной массе сельхозартелей Коми АССР распределялись лишь зерно, сено и солома. Несмотря на то, что средняя выдача зерновых на один трудодень несколько возросла (с 420 г в 1946 г.²² до 523 г в 1952 г.²³), она оставалась значительно более низкой, чем в довоенный период. В 1940 г. в среднем по колхозам республики зерна было выдано 960 г на трудодень²⁴. Такие необходимые и полезные для человека продукты питания, как мясо, сало, молоко, яйца, масло, сыр, сметана, фактически не выдавались.

Таким образом, колхозник не мог рассчитывать на доходы от своего труда в общественном хозяйстве, крестьянский труд в колхозах Коми АССР, как и в большинстве колхозов РСФСР и СССР, в период с 1946 по 1952 г. был фактически бесплатным. Налоги и сборы отнимали почти все полученное за работу в сельхозартели, а также весомую часть продуктов из личного приусадебного хозяйства. В колхозах господствовала система административного принуждения к труду. Уровень жизни колхозников Коми АССР, будучи непосредственно после

войны крайне невысоким, продолжал неуклонно снижаться в период с 1946 по 1952 г.

Основным источником жизнеобеспечения служило индивидуальное приусадебное хозяйство. Однако в силу прогрессивного характера налогообложения и чрезвычайно высоких ставок денежных и натуральных выплат, оно не имело возможности эффективно развиваться. Достаточно отметить, что в 1948 г. 42,6 % всех колхозных дворов Коми АССР, то есть немногим менее половины, было без коров, а 21,8 % – вообще без всякого скота²⁵. В результате в колхозах росло социальное напряжение²⁶.

Бегство крестьян из колхозов приобретало катастрофические масштабы. Послевоенный демографический кризис не оставлял надежды на восполнение рабочей силы. Несмотря на рост механизации аграрного производства, экономический ущерб от убыли колхозного населения компенсировать не удалось. В сельхозартелях снижалось валовое производство аграрной продукции, падала урожайность и продуктивность. Необходимо было предпринимать срочные меры, способные устранить острейший социальный кризис колхозной деревни конца 1940-х–начала 1950-х гг.

Таким образом, можно сделать вывод, что к началу реформ 1953 г. социальное положение в коми колхозной деревне было крайне неблагоприятным: экономика и социальная сфера были значительно подорваны предыдущими годами чрезвычайных условий хозяйствования, а также характером проводимой в первые послевоенные годы аграрной политики. В данном контексте меры, принятые новым советским правительством в августе–сентябре 1953 г. по оказанию прямой финансовой поддержки колхозам и приусадебным хозяйствам колхозников, выглядят тесно обусловленными неблагоприятной социально-экономической ситуацией в колхозной деревне и носящими вынужденный характер.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Волков И. М. Колхозная деревня в первый послевоенный год, 1946–1947 гг. // Вопросы истории. 1966. № 1.; Волков И. М. Трудовой подвиг советского крестьянства в послевоенные годы. Колхозы СССР в 1946–1950 гг. М., 1972.; Волков И. М. Колхозы СССР в годы четвертой пятилетки (1946–1950 гг.) // Развитие сельского хозяйства СССР в послевоенные годы (1946–1970). М., 1972.

² Вылцан М. А. Численность и состав сельского населения за 50 лет // История СССР. 1967. № 6.; он же. Историческая роль МТС в создании и развитии колхозного строя // История СССР. 1978. № 2.; он же. Восстановление и развитие материально-технической базы сельского хозяйства в 1946–1958 гг. // Развитие сельского хозяйства СССР в послевоенные годы ...; он же. Материально-техническая база сельского хозяйства СССР в 1950–1970 гг. // Проблемы истории современной советской деревни 1946–

1973 г. М., 1975; он же. Восстановление и развитие материально-технической базы колхозного строя (1945–1958). М., 1976.

³ *Зеленин И. Е.* Общественно-политическая жизнь советской деревни в первые послевоенные годы // История СССР. 1974. № 2; он же. Общественно-политическая жизнь советской деревни, 1946–1958. М., 1978.

⁴ *Островский В. Б.* Колхозное крестьянство СССР. Саратов, 1967; он же. Новый этап в развитии колхозного строя. М., 1977.

⁵ *Вербицкая О. М.* Российское крестьянство: от Сталина к Хрущеву. Середина 40-х – начало 60-х годов. М., 1992.

⁶ *Безнин М. А.* Крестьянское хозяйство в Российском Нечерноземье. 1950–1965 гг. М.; Вологда, 1990; *Безнин М. А., Димони Т. М.* Крестьянство и власть в России в конце 1930-х – 1950-е годы // Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.). М., 1996; *Безнин М. А., Димони Т. М.* Социальный протест колхозного крестьянства (вторая половина 1940-х – 1960-е гг.) // Отечественная история. 1999. № 3.

⁷ *Димони Т. М.* Социальный протест в колхозной деревне 1945–1960 гг. (На материалах Европейского Севера России). Автореф. дисс. на соиск. уч. степ. канд. ист. наук. Вологда, 1996; Северное крестьянство и власть: формы противостояния в общественно-политическом конфликте (1945–1960 гг.) // Северная деревня в XX веке: актуальные проблемы истории. Вып. 2. Вологда, 2001.

⁸ Национальный архив Республики Коми (НАРК). Ф. 408. Оп. 1. Д. 113. Л. 36, 57.

⁹ РГАЭ. Ф. 9476. Оп. 1. Д. 1219. Л. 72.

¹⁰ Подсчитано по: *Сметанин А. Ф.* Колхозы и колхозное крестьянство Коми АССР в предвоенные годы (1938 – июнь 1941). Дисс. на соиск. уч. степ. канд. ист. наук. Сыктывкар, 1985. Научный архив Коми НЦ УрО РАН. Ф. 5. Оп. 2. Д. 359. Л. 85, 86; НАРК. Ф. 408. Оп. 1. Д. 113. Л. 2, 10, 17, 42, 69, 81.

¹¹ Подсчитано по: НАРК. Ф. 408. Оп. 1. Д. 42. Л. 62, 73, 98, 169; Д. 113. Л. 2 об., 3, 7 об., 26 об., 27.

¹² Народное хозяйство Коми АССР. Статистический сборник. Сыктывкар, 1957. С. 95–96; НАРК. Ф. 140. Оп. 2. Д. 1443. Л. 2–12.

¹³ *Александров А. Н., Габов Л. А., Калянова Т. Г., Сметанин А. Ф.* и др. Советское крестьянство и сельское хозяйство Коми АССР в период завершения строительства социалистического общества и постепенного перехода к коммунизму (1938–1975). Сыктывкар, 1980; Научный архив Коми НЦ УрО РАН. Ф. 5. Оп. 2. Д. 254. Л. 36.

¹⁴ НАРК. Ф. 140. Оп. 2. Д. 1441. Л. 38; Д. 2679. Л. 6.

¹⁵ Там же. Д. 113. Л. 11 об.; Д. 3852. Л. 9.

¹⁶ Там же. Д. 113. Л. 2 об.; Д. 3852. Л. 4 об.

¹⁷ Народное хозяйство Коми АССР. Сыктывкар, 1957. С. 60–61; Коми АССР за 40 лет. Статистический сборник. Сыктывкар, 1961. С. 75, 78.

¹⁸ НАРК. Ф. 140. Оп. 2. Д. 1441. Л. 24 об.

¹⁹ С 1950 г. данные несопоставимы из-за постоянного изменения численности колхозов, связанного с их укрупнением.

²⁰ НАРК. Ф. 140. Оп. 2. Д. 3852. Л. 10.

²¹ Там же. Ф. 408. Оп. 1. Д. 113. Л. 10 об.

²² Там же. Д. 113. Л. 5 об.

²³ Там же. Ф. 140. Оп. 2. Д. 3852. Л. 10.

²⁴ *Сметанин А. Ф.* Колхозы и колхозное крестьянство Коми АССР в предвоенные годы (1938 – июнь 1941). Дисс. на соиск. уч. степ. канд. ист. наук. Сыктывкар, 1985; Научный архив Коми НЦ УрО РАН. Ф. 5. Оп. 2. Д. 359. Л. 157, 158.

²⁵ НАРК. Ф. 140. Оп. 2. Д. 2649. Л. 79.

²⁶ Подробнее см.: *Милохин Д. В.* Основные формы социального протеста колхозного крестьянства Коми АССР в 1946–1953 гг. // Материалы докладов XIV Коми Республиканской молодежной научной конференции. Сыктывкар, 2000. С. 83–99.

Стимулирование общественного производства в колхозах Вологодской области в 1960-е–1980-е гг.

Начало 1960-х гг. было отмечено серьезными трудностями в развитии сельского хозяйства страны. Снижение качественных показателей работы этой отрасли и обострение продовольственной проблемы побудили руководство страны искать пути модернизации аграрного сектора экономики. Мартовский (1965 г.) Пленум ЦК КПСС разработал программу подъема сельского хозяйства, которая получила развитие в последующие годы. Она была нацелена на повышение эффективности общественного производства и включала в себя комплекс экономических, социальных и организационных мероприятий. Не все положения программы были выполнены полностью. Импульс, приданный аграрному сектору в середине 1960-х гг., вскоре иссяк и сменился нарастанием кризисных явлений в конце 1980-х гг. В данной статье сделана попытка рассмотреть особенности и результаты стимулирования общественного производства в колхозах в 1960-е–1980-е гг. на примере Вологодской области.

В апреле 1965 г. ЦК КПСС и Совет Министров СССР приняли постановления «О капитальных вложениях на развитие сельского хозяйства в 1966–1970 годах» и «Об оказании финансовой помощи колхозам»¹. В соответствии с этими постановлениями за последующие 20 лет (1966–1985 гг.) на развитие сельского хозяйства по всему комплексу работ за счет средств государства и колхозов было направлено 656,5 млрд. руб. капитальных вложений². Крупные капитальные вложения направлялись и на развитие аграрного комплекса Вологодской области, о чем свидетельствуют данные таблицы 1.

Таблица 1

РАЗМЕРЫ КАПИТАЛЬНЫХ ВЛОЖЕНИЙ В СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ ПО ВСЕМУ КОМПЛЕКСУ РАБОТ (млн. руб.)*

Область	1966– 1970 гг.	1971– 1975 гг.	1976– 1980 гг.	1981– 1985 гг.	1981–1985 гг. к 1966–1970 гг.
Вологод- ская об- ласть	45	87	116	200	444

* Таблица воспроизводится по: Попов Л. А. Сметанин А. Ф. Советская деревня в 60 е – первой половине 80-х гг. Сыктывкар. 1995. С. 52

Согласно решению мартовского (1965 г.) Пленума ЦК КПСС были повышены заготовительные цены на зерно, введены надбавки за реализуемые колхозами сверх плана молоко, скот, птицу, яйцо и шерсть³. Стимулирующее влияние этих мер можно видеть из показателей средних цен реализации продукции колхозов области. Если в 1965 г. 1 ц молока, произведенного в колхозах, давал выручку в 17 руб., то в начале 1980-х гг. – более 20 руб., 1 ц мяса крупного рогатого скота – соответственно 118,8 и 156,6 руб.⁴.

В целом по стране в 1966 г. доходы колхозов благодаря поощрительным условиям заготовок и ряду других экономических мер выросли на 4,5 млрд. руб., а совхозов – на 3,1 млрд. руб. по сравнению с уровнем 1964 г. В 1967 г. по сравнению с 1960 г. продажа колхозами зерна возросла на 16 %, а денежный доход за проданное зерно увеличился на 82 %. Соотношение роста продажи зерна и денежной выручки за него составило 1:5⁵.

По мнению исследователя Л. Н. Денисовой, экономическая поддержка государства сельхозпроизводителей принесла заметные позитивные результаты. Не только требовать с колхозов и совхозов, но и поддерживать их экономически – это был новый взгляд государства на аграрный мир своей страны⁶.

Среди мер, благоприятствующих укреплению экономики колхозов, немаловажное значение имело изменение порядка обложения колхозов подоходным налогом. Исчисление подоходного налога по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 10 апреля 1965 г. «О подоходном налоге с колхозов» производилось с чистого дохода, полученного от сельскохозяйственного производства, оказания услуг и от подсобных предприятий и промыслов, за вычетом части доходов соответствующей рентабельности в 15 %, а также платежей в централизованный фонд социального обеспечения колхозников⁷. Это способствовало умножению накоплений в слабых колхозах, выравниванию экономических условий хозяйствования. Кроме этого, произошла либерализация политики в отношении личного подсобного хозяйства. Если раньше размер налога с ЛПХ определялся доходом от продажи продукции, полученной в приусадебном хозяйстве, то теперь сельхозналог стал исчисляться только с площади земельного участка, которым пользовался гражданин. Бывший председатель колхоза «Завет Ильича» Тарногского района М. П. Зыков отмечал: «С принятием нового налога колхознику стало легче жить»⁸.

Прямое влияние на личную заинтересованность каждого колхозника, а следовательно на развитие творческой инициативы и повышение производительности труда, оказывает оплата труда. Оплата труда колхозников в среднем по России в 1964 г. составляла 45 руб. в месяц,

в 1965 г. увеличилась до 52 руб., в 1970 г. – до 74,9 руб. в месяц. Работники совхозов в эти же годы получали больше: в 1965 г. – в среднем – 79,6 руб. в месяц, в 1970 г. – 101,1 руб.⁹. Работа в совхозе имела преимущества в денежном отношении. Среднемесячная оплата труда различных категорий колхозников Вологодской области представлена таблицей 2.

Таблица 2

**СРЕДНЕМЕСЯЧНАЯ ОПЛАТА ТРУДА ПО КАТЕГОРИЯМ КОЛХОЗНИКОВ
ВОЛОГДСКОЙ ОБЛАСТИ (руб.)***

Категории колхозников	Годы			
	1964 г.	1965 г.	1966 г.	1967 г.
Председатели	162,3	176	188	207
Главные, старшие специалисты	96,8	109	135	156
Главный старший бухгалтер	89,2	102	117	133
Учетчики, заправщики	32	39	49	58
Агрономы всех направлений, кроме главного	75	86	98	109
Зоотехники всех направлений, кроме главного	79	84	95	81
Скотники – пастухи	50	58	74	74
Трактористы	51	55	69	80
Доярки	71	71	86	98

* Составлено по: ВОАНПИ. Ф. 9746. Оп. 2. Д. 61. Л. 32–52.

Несмотря на некоторое увеличение оплаты труда, во многих колхозах Вологодской области в конце 1960-х гг. заработная плата у колхозников продолжала оставаться низкой. Об этом свидетельствует адресованное Генеральному секретарю ЦК КПСС Л. И. Брежневу письмо (1967 г.) бывшего председателя колхоза «Родина» Череповецкого района Вологодской области Трошанова. Он сообщает: «В нашем колхозе очень бы хорошо можно жить и можно добиться еще лучше, и колхозники жили бы зажиточно, только обесценен труд колхозника. Очень низкие заработки у колхозника. В среднем не более 15 руб. в месяц. А управленческий аппарат – у всех месячный оклад. Вот, например: председатель получает 200 руб., заместитель – 125 руб., агроном – 120 руб., бухгалтер – 90 руб., бригадир – 75 руб., а сколько

еще счетоводов, заместителей разных. Всех мне просто и не перечить в письме, их еще много, много...»¹⁰.

С середины 1970-х гг. до начала 1980-х гг. темпы роста оплаты труда колхозников замедлились по причине сокращения доходов колхозов. Так, с 1975 по 1982 г. уровень валового дохода в расчете на один колхоз снизился в Вологодской области с 449 тыс. руб. до 359 тыс. руб. Это было обусловлено общим уровнем снижения темпов развития сельского хозяйства¹¹.

Новый импульс повышению заинтересованности колхозников в развитии общественного хозяйства пытался дать майский (1982 г.) Пленум ЦК КПСС, в решениях которого был намечен комплекс мероприятий по социально-экономическому развитию села. В качестве конкретных задач ставилось повышение престижности труда в сельском хозяйстве, рост оплаты труда занятых в нем работников, сближение ее с уровнем заработной платы в промышленности¹². В свете этих решений важное значение для повышения оплаты труда колхозников имело Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по усилению материальной заинтересованности работников сельского хозяйства и увеличению производства продукции и повышению ее качества», утвержденное майским (1982 г.) Пленумом ЦК КПСС¹³.

Результатом реализации этого постановления явился существенный рост оплаты труда колхозников на Европейском Севере в первой половине 1980-х гг. В колхозах Вологодской области оплата труда одного человека-дня выросла с 5,49 руб. в 1981 г. до 6,80 руб. в 1983 г., т. е. на 24 %. В целом в рамках исследуемого периода оплата труда колхозников в регионе существенно увеличилась. Среднемесячная оплата труда в колхозах Вологодской области возросла в 4,1 раза – с 40 руб. в 1965 г. до 162 руб. в 1985 г.¹⁴

В отечественной историографии имеются различные точки зрения по данному вопросу. Большинство исследователей высоко оценивает введение с 1 июля 1966 г. гарантированной оплаты труда¹⁵. В частности, отмечается, что введение гарантированной оплаты труда усилило материальную заинтересованность колхозников, создало основу для роста их благосостояния, сближения уровня и структуры их доходов с доходами работников совхозов и городского населения. Вместе с тем, гарантированная заработная плата привела к росту иждивенческих настроений у части колхозников. По мнению М. А. Безнина, именно с введением гарантированной оплаты труда произошло превращение крестьянина-собственника в наемного сельскохозяйственного рабочего, а это является свидетельством процесса раскрестьянивания¹⁶.

Среди мер по повышению жизненного уровня колхозников важное значение имело введение с 1 января 1965 г. в СССР единой гаранти-

рованной системы обеспечения пенсиями и пособиями членов колхозов¹⁷. Необходимо отметить, что после вступления этого закона в силу возросло количество колхозников, получающих пенсии. Если в 1960 г. число колхозников-пенсионеров, получавших государственные пенсии в Вологодской области, составляло 117 096 человек, то в 1967 г. их число возросло до 168 630 человек¹⁸. Минимальный размер пенсий колхозников в СССР в 1960-е гг. составлял 12 руб., максимальный 102 руб. в месяц. На Европейском Севере в середине 1960-х гг. средний размер пенсий колхозников равнялся 12–15 руб. в месяц, в первой половине 1980-х гг. увеличился до 50 руб. в месяц¹⁹.

Для дальнейшего стимулирования колхозников Правительство СССР приняло еще одно важное решение: с 1 января 1968 г. пенсионный возраст колхозников был приравнен к пенсионному возрасту рабочих и служащих. С 1 июня 1971 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР был принят закон «О мерах по дальнейшему улучшению пенсионного обеспечения колхозников»²⁰. Правительство повысило минимальный размер пенсий по старости до 20 руб., в 1980 г. – до 28 руб. в месяц. По мнению исследователя Л. Н. Денисовой, назначение, а затем увеличение пенсий колхозникам позволило многим семьям строить достаточно благополучную жизнь и улучшить свой быт²¹. Рост жизненного уровня колхозников являлся стимулом для развития их трудовой активности и развития общественного производства.

Наряду с материальными, в исследуемый период довольно широко использовались моральные стимулы, которые отличались значительным разнообразием. Среди них можно выделить награждения орденами и медалями, присвоение звания Героя Социалистического Труда с вручением ордена Ленина, вручение грамот, Красных знамен, вымпелов, занесение имен отличившихся в Книги почета, помещение фотографий передовиков на Досках почета и в Галереях славы, распорядительные поощрения (объявление благодарности в приказе). Все эти виды морального стимулирования применялись в отношении колхозников Вологодской области.

На протяжении 1960–1980-х гг. наиболее почетным званием было звание «Герой Социалистического Труда». К 1969 г. 6 человек в Вологодской области являлись Героями Социалистического Труда: М. Г. Лобытов – председатель колхоза «Родина» Вологодского района, Н. В. Нежданов – председатель колхоза «Строитель коммунизма» Великоустюгского района, А. Г. Иванова – доярка колхоза «Родина» Грязовецкого района, Г. А. Кадыков – бригадир колхоза «Шексна» Шекснинского района, Т. Г. Надсадный – председатель колхоза «Заветы Ильича» Междуреченского района, О. В. Зязина – ветеран колхозного движения²².

В конце 1960-х – 1970-е гг. широко применялось награждение передовиков орденами и медалями. Так, например, за достигнутые успехи в развитии животноводства Президиум Верховного Совета СССР 22 марта 1966 г. наградил орденами и медалями большую группу колхозников из Тарногского района. Орденом Трудового Красного Знамени были награждены Н. С. Курбатов – председатель колхоза «Озерки»; А. И. Рыжова, А. П. Силинская – доярки из колхоза им. Ленина; В. Г. Ульяновская – свиновод колхоза им. Ленина и т. д. Всего было награждено 13 человек. Кроме того, 10 человек награждены медалью «За трудовую доблесть» и 4 человека – медалью «За трудовое отличие»²³.

В 1960-е гг. довольно широко применялось представление к различным почетным званиям. Наиболее распространенными в тот период были: «Почетный колхозник», «Отличник сельскохозяйственного производства», «Ударник коммунистического труда». Эти звания присуждались тем людям, кто своим трудом достиг высоких показателей в основных отраслях сельскохозяйственного производства. Так, например, в 1962 г. в Тарногском районе Вологодской области за получение высоких урожаев сельхозкультур и высокопроизводительное использование техники бюро обкома КПСС и облисполком постановили присвоить почетное звание «Отличник сельскохозяйственного производства» с занесением на областную Доску почета следующих колхозников: В. Г. Лисицына – механизатора колхоза им. Тимирязева, выработавшего на тракторе ДТ-54 1100 га мягкой пахоты; А. Я. Пешкова – тракториста колхоза «Красные Шевденицы», выработавшего на тракторе ДТ-54 1187 га мягкой пахоты; Д. Е. Погожева – тракториста колхоза «Россия», выработавшего на тракторе Т-75 1100 га мягкой пахоты; М. К. Попова – комбайнера из колхоза «Восход», убравшего комбайном С-4 327 га зерновых; Е. А. Истомину – звеньевую колхоза им. Тимирязева, получившую доход по 800 руб. с каждого гектара посевов льна, и др.²⁴ Всего было представлено к награждению 9 человек. Из них – 3 механизатора, 3 комбайнера, 2 звеньевых и 1 агроном.

Во Всесоюзный день работников сельского хозяйства, 9 октября 1966 г., в СССР было учреждено звание «Почетный колхозник». Необходимо отметить, что это звание стало одной из самых дорогих наград для колхозников. М. П. Зыков в своих воспоминаниях отмечал: «9 октября 1966 г. в Тарногском районе был отмечен Всесоюзный день работников сельского хозяйства... Лучших колхозников награждали званием «Почетный колхозник». Это звание присваивалось один раз в год, в день работников сельского хозяйства, на общем колхозном собрании за безупречную работу в колхозе не менее 25 лет, при образцовом поведении в быту. Данная акция имела большое моральное и со-

циальное значение. Таких людей уважали, гордились ими, дети писали их портреты, о них сочиняли стихи»²⁵. К 1969 г. звание «Почетный колхозник» в нашей области уже имели 1185 тружеников села²⁶.

В 1960-е гг. широко применялось вручение ценных подарков. Например, в начале марта 1966 г. в г. Вологде был проведен второй районный слет передовиков сельского хозяйства Вологодского района по итогам 1965 г. Право участия в нем завоевали более 250 человек. Среди них были механизаторы, комбайнеры, председатели колхозов и совхозов, работники животноводства. Участникам слета были вручены ценные подарки: радиоприемники, радиолы, швейные и стиральные машины²⁷. В примерном Уставе колхоза 1969 г. впервые были закреплены уже сложившиеся на практике меры поощрения за добросовестный труд: объявление благодарности, выдача премий и т.д.²⁸

В СССР сложилась традиция посвящать соревнование коллективов и их трудовые победы важным политическим событиям. В частности, с особым размахом отмечались такие события, как 50-летие Советской власти в 1967 г. и 100-летие со дня рождения В. И. Ленина в 1970 г. К этим датам были приурочены многочисленные награды, которыми отмечались передовики производства. Так, в 1970 г. по итогам социалистического соревнования трем фермам Белозерского района колхоза им. Ленина было присвоено звание «Коллектив коммунистического труда», 43 доярки удостоены звания «Отличник сельскохозяйственного производства», из них 12 человек занесено в Книгу почета²⁹.

Однако следует отметить, что в организации социалистического соревнования и движения за коммунистический труд имелись существенные недостатки, главными из которых были формализм и администрирование. Коллективы и отдельные работники включались в движение за коммунистический труд без должной подготовки, их обязательства ничем не отличались от обязательств других участников соревнования. В большинстве хозяйств активность социалистического соревнования была лишь видимой³⁰.

В качестве одной из самых важных наград для передовых работников сельского хозяйства являлось выдвижение их делегатами очередных съездов КПСС. Так, например, в работе XXII съезда КПСС приняли участие три вологодских делегата: Д. Ф. Величутин, первый секретарь Кичменгско-Городецкого райкома партии; В. И. Другов, первый секретарь Вологодского райкома партии и М. В. Одинцов, председатель колхоза им. Ленина³¹. Для многих колхозников почетное звание «делегат съезда профсоюзов СССР» или «делегат съезда КПСС» давало возможность побывать в Москве. Доярка Г. И. Савинская из колхоза «Озерки» Тарногского района, делаясь своими впечатлениями о проходившем 16–20 марта 1982 г. в г. Москве XVII съезде профсоюзов

СССР, на страницах газеты «Ленинец» подчеркнула: «Быть делегатом XVII съезда профсоюзов СССР рядовой доярке из глубинного района Вологодской области – великая честь...»³².

В 1980-е гг. стало чаще практиковаться вручение денежных премий и ценных подарков. В качестве ценных подарков вручались автомобили, мотоциклы, телевизоры, путевки в Дома отдыха и в туристические поездки.

Таким образом, в 1960–1980-е гг. государство, стремясь повысить эффективность сельскохозяйственного производства, стало шире использовать методы материального и морального стимулирования. Крупные капиталовложения в аграрный сектор экономики позволили укрепить материально-техническую базу колхозов и совхозов, обеспечить хозяйства более совершенной техникой, механизировать часть трудоемких производственных процессов, сделать труд крестьян более производительным. Важное значение для стимулирования трудовой активности колхозников имело введение гарантированной оплаты труда, улучшение их социального обеспечения, применение разнообразных мер материального и морального поощрения. Все эти меры дали определенный импульс для ускорения темпов развития сельского хозяйства страны, улучшения качественных показателей его работы. Однако к началу 1980-х гг. резервы планово-распределительного хозяйственного механизма были исчерпаны. Требовались более глубокие преобразования. Отдельные мероприятия государства, направленные на повышение эффективности общественного производства, уже не давали желаемых результатов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК. Изд. 8-е доп. и испр. В 14-ти тт. Т. 8. С. 508–510.

² *Вашуков Л. И.* Развитие сельского хозяйства СССР. М., 1986. С. 3.

³ Пленум ЦК КПСС 24–26 марта 1965 г. М., 1965. С. 9–12.

⁴ ВОАНПИ. Ф. 2522. Оп. 78. Д. 45. Л. 9–11.

⁵ *Игнатовский П. А.* Крестьянство и экономическая политика партии в деревне. М., 1971. С. 93.

⁶ *Денисова Л. Н.* Исчезающая деревня России: Нечерноземье в 1960–1980-е годы. М., 1996. С. 86.

⁷ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Сб. документов М., 1968. Т. 5. С. 622.

⁸ Зыков М.П. Кокшеньга – Тарнога в 20 веке. Вологда 2001. С. 173.

⁹ *Вашуков Л. И.* Указ. соч. С. 72.

¹⁰ ГАВО. Ф. 1300. Оп. 21. Д. 173. Л. 51.

¹¹ ВОАНПИ. Ф. 9746. Оп. 2. Д. 40. Л. 68–79.

¹² КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК. Изд. 8-е доп. и испр. В 14-ти тт. Т. 14. М., 1987.

- ¹³ Там же С 324.
- ¹⁴ Гулин К. А. Материальное положение колхозного крестьянства на Европейском Севере России в 1965–1985 гг. Дис. канд. исторических наук Вологда, 1999 С 43
- ¹⁵ Сдобнов С. И. Советская деревня на пути социального прогресса. М., 1976; Кузнецов Г. Я. Социально-экономические проблемы советской деревни. М., 1978; Котов Г. Г., Мельников В. Ф. Экономические и социальные проблемы села на современном этапе. М., 1979
- ¹⁶ Безнин М. А. Колхозный двор в российском Нечерноземье. 1950–1965 гг. М., 1991 С. 25.
- ¹⁷ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Сб. документов. М., 1968. Т. 5. С. 478.
- ¹⁸ Народное хозяйство Вологодской области за годы советской власти. Статистический сборник. Вологда. 1967. С. 145.
- ¹⁹ Карпов С. Г. Факторы зажиточности колхозного крестьянства Европейского Севера России в 1960–1980-е гг. // Зажиточное крестьянство в исторической ретроспективе. Вологда, 2001. С. 388
- ²⁰ Решения партии и правительства по сельскому хозяйству (1960–1974 гг.). М., 1975. С. 662.
- ²¹ Денисова Л. Н. Указ. соч. С. 192–193.
- ²² ВОАНПИ. Ф. 9746. Оп. 2. Д. 52. Л. 34.
- ²³ Зыков М. П. Указ. соч. С. 116.
- ²⁴ ВОАНПИ. Ф. 2522. Оп. 23. Д. 45. Л. 9.
- ²⁵ Зыков М. П. Указ. соч. С. 118.
- ²⁶ ВОАНПИ. Ф. 9746. Оп. 89. Д. 34. Л. 76.
- ²⁷ Там же. Оп. 90. Д. 6. Л. 8.
- ²⁸ Решения партии и правительства по сельскому хозяйству (1965–1974 гг.). М., 1975. С. 387–388; Безнин М. А., Димони Т. М. Повинности российских колхозников в 1930–1960-е годы // Отечественная история. 2002. № 2. С. 106.
- ²⁹ ВОАНПИ. Ф. 2522. Оп. 73. Д. 13. Л. 29.
- ³⁰ Крестьянство и сельское хозяйство Сибири 1960–1980-е годы. Новосибирск, 1991. С. 137–143.
- ³¹ ВОАНПИ. Ф. 2522. Оп. 78. Д. 43. Л. 6.
- ³² Савинская Г. И. Быть делегатом – великая честь // Ленинец – 1982. 10 апреля.

С. Г. Карпов

Бюджет и потребление колхозной семьи на Европейском Севере России в период с 1960 по 1990 г.*

В начале 1950-х гг. российская колхозная деревня находилась в крайне тяжелом положении. Надежды крестьян на облегчение своего положения после войны не оправдались. Значительная часть дохода, созданная в аграрном секторе, перераспределялась в другие отрасли

* Статья выполнена при финансовой поддержке РФФИ. Проект № 02 – 06 – 80355

экономики, а крестьянство подвергалось жесточайшей эксплуатации со стороны государства. Оплата труда в общественных хозяйствах не обеспечивала крестьянским семьям необходимого прожиточного минимума, и многие из них существовали только за счет натурального приусадебного хозяйства.

В середине 1950-х гг. руководство страны осознало, что без подъема сельского хозяйства экономика не сможет успешно развиваться. Деревня и крестьянство перестали рассматриваться только как источник средств и трудовых ресурсов для города. Снижение уровня эксплуатации крестьянства, увеличение оплаты труда в общественном производстве, либерализация политики в отношении личного хозяйства колхозников уже к концу 1950-х гг. обеспечили заметный рост сельскохозяйственного производства. С 1965 г. стала осуществляться аграрная политика, нацеленная на укрепление материально-технической базы сельского хозяйства и интенсификацию отрасли. Она была дополнена комплексом мер по повышению оплаты труда колхозников, улучшению их социального обеспечения, развитию культурной сферы и социальной инфраструктуры села. Процессы реформирования деревни шли непросто, сопровождаясь столкновением различных точек зрения и интересов разных социальных групп, и имели противоречивый характер. В отечественной историографии аграрная политика государства 1960-х – 1980-х гг. получила достаточно полное освещение, что избавляет автора от необходимости ее дополнительного анализа¹. Отметим лишь, что эта политика обусловила серьезные сдвиги в материальном положении колхозного крестьянства, в формировании бюджета, в структуре его доходной и расходной частей, а также в потреблении крестьянских семей. В данной статье сделана попытка на основе анализа бюджетных обследований и ряда других источников рассмотреть условия и особенности изменения материального положения крестьянских семей на Европейском Севере России на завершающем этапе существования колхозного строя в нашей стране.

Рассмотрим динамику и структуру совокупного дохода колхозной семьи с 1960 по 1990 г. на примере Вологодской области, как типичной для региона Европейского Севера России (см. табл. 1).

**ДИНАМИКА И СТРУКТУРА СОВОКУПНОГО ДОХОДА
КОЛХОЗНОЙ СЕМЬИ ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ
с 1960 по 1990 г.**

Источники поступлений		Годы						
		1960	1965	1970	1975	1980	1985	1990
Совокупный доход, всего	Руб.	1441	1638	2250	3068	3580	4566	7558
	%	100	100	100	100	100	100	100
в том числе: от колхоза	Руб.	470	706	1112	1620	1980	2910	4341
	%	32,6	43,1	49,5	52,8	55,3	63,7	57,4
от ЛПХ (чистая продук- ция)	Руб.	651	587	670	726	738	677	1298
	%	45,2	35,8	29,8	23,7	20,6	14,8	17,2
от государства	Руб.	277	326	448	706	819	957	1675
	%	19,2	19,9	19,9	23,0	22,9	21,0	22,2
из других источников	Руб.	43	19	19	16	43	22	244
	%	3,0	1,2	0,8	0,5	1,2	0,5	3,2

Источник: ГАВО. Ф. 1703. Оп. 18. Д. 36. Л. 82; Оп. 17. Д. 2834. Л. 2; Оп. 18. Д. 138. Л. 12; Оп. 20. Д. 4263. Л. 32; Д. 9412. Л. 33; Текущий архив Вологдаоблкомстата. Динамика показателей по бюджетам колхозных семей Вологодской области с 1979 г. Л. 86; Бюджеты семей рабочих, служащих и колхозников за 1986, 1989–1990 гг. Стат. сб. Вологда, 1991. С. 7.

Данные таблицы 1 свидетельствуют, что с 1960 по 1990 г. совокупный годовой доход колхозной семьи Вологодской области увеличился в среднем с 1441 руб. до 7558 руб., или в 5,2 раза. Однако динамика его роста была неравномерной. Наиболее существенное увеличение доходов колхозных семей наблюдалось в следующие пятилетия: 1965–1970 гг. (на 37,3%), в 1970–1975 гг. (на 36,2%) и в 1985–1990 гг. (на 65,5%). В 1960–1965 гг. их рост составил всего лишь 13,7%, в 1975–1980 гг. – 16,7%. Увеличение объема совокупного дохода колхозных семей во второй половине 1960-х – первой половине 1970-х гг. было обусловлено как крупными мероприятиями государства по повышению уровня жизни колхозников, так и реальными успехами в развитии сельскохозяйственного производства. С 1 июля 1966 г. Постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О повышении материальной заинтересованности колхозников в развитии общественного производства» все колхозы переводились на новую систему оплаты труда, в основу которой были положены нормы выработки и ставки заработной платы работников совхозов. Колхозники стали получать гарантированный минимум оплаты труда независимо от результатов

производственной деятельности общественного хозяйства. Вводилось также дополнительное материальное поощрение за получение сверхплановой продукции, ее высокое качество.

Эти меры позитивно сказались на росте доходов колхозников и стимулировали рост сельскохозяйственной продукции. С 1960 по 1980 г. в колхозах и совхозах Российской Федерации производство мяса в убойном весе увеличилось с 2,6 млн. т до 5,2 млн. т, молока – с 18,0 млн. т до 34,2 млн. т, шерсти – со 127 тыс. т до 172 тыс. т в год². За этот же период выросла урожайность зерновых культур: пшеницы озимой – с 10,7 до 13,9 ц с га, пшеницы яровой – с 10,2 до 13,5 ц с га, ржи озимой – с 10,3 до 16,0 ц с га, овса – с 8,9 до 15,5 ц с га³. В 1980-е гг. общественные хозяйства продолжали наращивать объемы производства продукции. В 1989 г. производство мяса увеличилось до 7,7 млн. т, молока – до 42,8 млн. т, шерсти – до 179 тыс. т⁴. Однако качественные показатели работы хозяйств оставляли желать лучшего. Так, в колхозах Вологодской области с 1960 по 1980 г. себестоимость производства 1 ц картофеля выросла в 5,5 раза, а с 1980 по 1985 г. – еще на 48,0%. Себестоимость производства 1 ц молока с 1960 по 1980 г. увеличилась в 3,5 раза, за следующее пятилетие – еще на 17,9%⁵. Урожайность сельскохозяйственных культур росла нестабильно, а в отдельные периоды даже снижалась. В хозяйствах Вологодской области урожайность картофеля в 1961 – 1965 гг. равнялась 98 ц с га, в 1971 – 1975 гг. она выросла до 167 ц с га, но в 1981 – 1985 гг. снова снизилась до 152 ц с га⁶.

Между тем заработная плата колхозников постоянно росла. С 1965 по 1985 г. оплата труда за один отработанный человеко-день в колхозах Архангельской области возросла с 2 руб. 31 коп. до 10 руб. 63 коп., в колхозах Вологодской области – с 1 руб. 95 коп. до 6 руб. 97 коп., т. е. увеличилась соответственно в 4,4 и 3,6 раза⁷. Государственная поддержка общественного сектора выражалась и в том, что отстающим хозяйствам выдавались долгосрочные ссуды, списывались старые задолженности, в 1982 г. для низкорентабельных и убыточных хозяйств были введены надбавки к закупочным ценам, которые могли достигать 75% к уровню закупочных цен. Таким образом, оплата труда колхозников все меньше увязывалась с количеством и качеством труда и стала восприниматься большинством как определенный прожиточный минимум, выдаваемый государством. Рост иждивенческих настроений негативно влиял на производственные показатели. В результате рост реальных доходов колхозников в 1980-е гг. значительно снизился.

Уровень доходов колхозных семей определял их материальное положение и возможность удовлетворения различных потребностей.

Динамику и структуру расходов семей колхозников проиллюстрируем на примере Вологодской области.

Таблица 2

**РАСХОДЫ КОЛХОЗНОЙ СЕМЬИ ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ
с 1960 по 1990 г.**

Статьи расходов		Годы						
		1960	1965	1970	1975	1980	1985	1990
Весь распределенный доход	Руб.	1441	1638	2250	3068	3580	4566	7558
	%	100	100	100	100	100	100	100
в том числе расходы на питание	Руб.	863	969	1097	1338	1428	1599	2257
	%	59,9	59,1	48,8	43,6	39,9	35,0	29,9
непродовольственные товары	Руб.	275	328	491	711	889	1242	1965
	%	19,1	20,0	21,8	23,2	24,8	27,2	26,0
табак и спиртные напитки	Руб.	87	128	222	299	396	441	613
	%	6,0	7,8	9,9	9,7	11,1	9,7	8,1
культурно-бытовые нужды и услуги	Руб.	36	49	74	115	195	301	512
	%	2,5	3,0	3,3	3,8	5,5	6,6	6,8
накопления	Руб.	50	95	231	347	358	583	1657
	%	3,5	5,8	10,3	11,3	10,0	12,7	21,9
налоги, сборы, платежи	Руб.	32	22	31	44	62	94	170
	%	2,2	1,4	1,3	1,4	1,7	2,1	2,2
потери и прочие расходы	Руб.	98	47	104	214	252	306	384
	%	6,8	2,9	4,6	7,0	7,0	6,7	5,1

Источник. ГАВО. Ф. 1703. Оп. 18. Д. 36. Л. 44, 46, 85; Д. 500. Л. 18, 20, 37; Оп. 17. Д. 8236. Л. 30; Оп. 20. Д. 21. Л. 5; Д. 9412. Л. 34; Текущий архив Вологдаоблкомстата. Динамика показателей по бюджетам колхозных семей Вологодской области с 1979 г. Л. 87; Бюджеты семей рабочих, служащих и колхозников за 1986, 1989 – 1990 гг. Стат. сб. Вологда. 1998. С. 5, 7.

Среди всех расходов колхозной семьи Вологодской области приоритетной являлась статья расходов на питание. В абсолютных цифрах расходы на питание росли на протяжении всего исследуемого периода. Если в 1960 г. они составляли 863 руб. в среднем на одну семью, то в 1990 г. увеличились до 2257 руб., т. е. в 2,6 раза. При этом доля расходов на питание в бюджете семей колхозников Вологодской области сократилась с 59,9% до 29,9%. Также существенно изменились в исследуемый период объем и структура потребления продуктов питания⁸. В первую очередь отметим процесс денатурализации продо-

вольственного потребления колхозников. Переход на денежную оплату труда в колхозах и снижение роли приусадебного хозяйства в обеспечении семей колхозников продовольствием привели к росту денежных и сокращению натуральных затрат крестьян на продукты питания. В 1965 г. у колхозников Вологодской области доля денежных затрат на продовольствие составляла 48,2%, а натуральных – 51,7%. К 1984 г. доля денежных затрат на продукты питания увеличилась до 61,1%, а доля натуральных сократилась до 38,9%⁹. Однако для части колхозных семей приусадебное хозяйство по-прежнему являлось важным подспорьем в обеспечении продовольствием. В 1986 – 1990 гг. в хозяйствах населения Архангельской области производилось 12,9% молока, 51,6% картофеля, 18,2% овощей от общего объема произведенной продукции. В Вологодской области в те же годы хозяйства населения произвели 22,3% молока, 73,6% картофеля, 34,4% овощей. В Коми АССР аналогичные показатели составили 15,1%, 48,5% и 6,0%¹⁰.

Главные изменения в структуре питания колхозников заключались в том, что сократилось потребление хлебопродуктов и картофеля. С 1960 по 1990 г. потребление хлеба и хлебопродуктов семьями колхозников Вологодской области уменьшилось с 206 кг до 152 кг в год, картофеля – со 160 до 116 кг. Урожайность овощей и бахчевых в условиях севера сильно зависела от погодных условий. Поэтому наблюдались довольно значительные колебания в потреблении этих продуктов. Потребление семьями колхозников Вологодской области овощей и бахчевых в 1960 г. составило 53 кг, в 1965 г. – 29 кг, в 1980 г. – 42 кг, в 1990 г. – 58 кг¹¹. Положительным явлением в структуре питания колхозников стало увеличение объема потребления продуктов животного происхождения. Потребление мяса и мясопродуктов в семьях колхозников Вологодской области с 1960 по 1990 г. выросло с 29 кг до 62 кг, т. е. в 2,1 раза. Динамика потребления других важнейших продуктов питания в силу разных причин была более сложной. С начала 1960-х до середины 1970-х гг. потребление молока и молочных продуктов, а также сахара семьями колхозников Вологодской области росло, а затем несколько снизилось. Уменьшение потребления молочных продуктов было обусловлено сокращением поголовья скота в личных хозяйствах. Сахар и многие кондитерские изделия перешли в разряд дефицитных товаров. В 1960-е гг. значительно увеличилось потребление рыбы, но с начала 1970-х гг. сокращение поставок этого продукта в торговлю привело к уменьшению объемов его потребления. В целом питание колхозников улучшилось, оно стало более сбалансированным и разнообразным, хотя и не достигло оптимальных параметров.

Второй по значимости статьей в бюджете колхозной семьи Вологодской области являлись расходы на покупку непродовольственных

промышленных товаров: одежды, обуви, белья, мебели, предметов домашнего обихода и культурно-бытового назначения. Доля расходов на эти цели вплоть до середины 1980-х гг. постоянно возрастала, хотя и не очень быстрыми темпами. За пятилетие прирост доли расходов на покупку непродовольственных промышленных товаров составлял около 1–2%. Большую часть средств по данной статье колхозники Вологодской области тратили на приобретение тканей, одежды, обуви и белья. Самый большой объем покупок тканей наблюдался в начале 1960-х гг., затем он стал сокращаться. По данным бюджетных обследований в 1960 г. вологодские колхозники в среднем на одного члена семьи приобрели 11,02 м тканей, в 1986 г. – 5,83 м, а в 1990 г. – 4,46 м тканей¹². Сокращение объема покупок тканей объясняется тем, что по мере роста доходов колхозники предпочитали покупать готовую одежду. Одновременно увеличивались затраты на покупку бельевого трикотажа и обуви. Если в 1960 г. колхозниками было приобретено в среднем на одного члена семьи 1,81 пары обуви, в 1986 г. – 5,09 пары, то в 1990 г. – 5,39 пары обуви¹³. При этом возрос объем покупок более качественной кожаной обуви. В целом доля расходов семей колхозников на ткани, одежду, белье и обувь в течение исследуемого периода менялась несущественно: минимальный уровень зафиксирован в 1965 г. – 12,8%, максимальный в 1985 г. – 16,0%.

Более заметным был рост расходов колхозников Вологодской области на приобретение мебели, предметов домашнего обихода и культурного назначения, а также транспортных средств. Так, расходы на покупку мебели и предметов домашнего обихода с 1965 по 1990 г. увеличились с 28 до 230 руб., или в 8,2 раза. Затраты на приобретение предметов культурного назначения и транспортных средств за этот же период выросли с 30 до 303 руб., т. е. в 10,1 раза. Значительно меньше увеличились расходы колхозных семей Вологодской области на покупку предметов санитарии и гигиены. В 1965 г. расходы по этой статье составили в среднем 12 руб. на одну колхозную семью, а в 1985 г. возросли до 45 руб., т. е. в 3,8 раза. Однако доля расходов на предметы культуры, а также предметы санитарии и гигиены в общем объеме расходов колхозных семей была невелика. С 1965 по 1990 г. она увеличилась соответственно с 1,8% до 4,0% и с 0,7% до 1,0%.

Существенный рост расходов колхозного крестьянства на приобретение непродовольственных промышленных товаров в 1960-е – 1980-е гг. был обусловлен не только ростом их доходов, но и увеличением производства предметов широкого потребления отечественной промышленностью, ростом импорта, развитием сети государственной и кооперативной торговли на селе. В Архангельской области объем розничного товарооборота в расчете на одного сельского жителя с

1970 по 1980 г. увеличился с 649 руб. до 1166 руб.¹⁴ В Вологодской области данный показатель с 1970 по 1985 г. вырос с 221 руб. до 1077 руб.¹⁵ В Коми АССР число предприятий розничной торговли на территории колхозов и совхозов с 1965 по 1975 г. увеличилось с 667 до 826, а продажа товаров на душу населения через систему потребкооперации выросла с 456 руб. до 959 руб.¹⁶ Значительно улучшилась обеспеченность семей колхозников бытовыми приборами и предметами культурно-бытового назначения. Если в первой половине 1960-х гг. телевизоры, холодильники, стиральные машины были редкостью в домах колхозников, то в 1970-е – 1980-е гг. положение кардинально изменилось. В середине 1970-х гг. в Коми АССР 43,4% семей сельского населения имели холодильники, 67,0% – телевизоры, 84,3% – стиральные машины.¹⁷ В Вологодской области в 1989 г. в среднем на 100 колхозных семей приходилось: телевизоров – 109,9; магнитофонов – 43,3; холодильников – 90,6; стиральных машин – 104,7; электропылесосов – 25,3 и т.д.¹⁸

Расходы колхозников на покупку табака и спиртных напитков в абсолютных показателях непрерывно росли. С 1960 по 1990 г. расходы семей колхозников Вологодской области по этой статье увеличились с 87 руб. до 613 руб., т. е. в 7,1 раза. Что касается доли расходов на табак и спиртные напитки, то она испытывала постоянные колебания в течение исследуемого периода. Значительный рост расходов семей колхозников на покупку спиртных напитков объясняется не только ростом их потребления (в Вологодской области с 15 л в 1960 г. до 26,3 л в 1989 г. в среднем на семью), но и неоднократным повышением государственных розничных цен на эти изделия.

Увеличение объема товарных расходов свидетельствовало о росте покупательной способности крестьянских семей, о повышении уровня их материального благосостояния. Вместе с тем доля товарных расходов в общем объеме затрат колхозных семей неуклонно сокращалась. С 1960 по 1990 г. доля товарных расходов колхозных семей Вологодской области сократилась с 85% до 64%. Соответственно увеличилась доля нетоварных расходов, которая включала в себя затраты на оплату различных услуг и удовлетворение культурных запросов. Так, расходы семей колхозников Вологодской области на культурно-бытовые нужды с 1960 по 1990 г. увеличились с 36 руб. до 512 руб., т. е. в 14,2 раза. Эта тенденция свидетельствовала о том, что уровень жизни крестьян поднимался на качественно новый уровень, хотя по-прежнему уступал городским стандартам. Объяснялось это прежде всего слабым развитием социально-культурной сферы северного села.

Налоги, сборы и платежи в 1960-е – 1980-е гг. не были обременительными для колхозных семей. Доля затрат на эти цели колебалась

от 1,3% до 2,2% в общем объеме расходов семей колхозников Вологодской области и включала в себя сельхозналог, подоходный налог, страховые сборы и добровольные взносы, связанные с членством в общественных организациях. Зато значительно выросли сбережения колхозников. В 1960 г. они составляли в среднем 50 руб. на одну колхозную семью Вологодской области (3,5% общего объема расходов). В дальнейшем рост доходов колхозников, трудности с приобретением многих товаров, неразвитость сферы услуг обусловили непрерывный рост денежных накоплений. В 1990 г. сбережения колхозных семей Вологодской области в среднем составили 1657 руб., т. е. 21,9% общего объема расходов.

Таким образом, уровень жизни колхозного крестьянства в 1960-х – 1980-х гг. значительно вырос. Заработная плата и доходы колхозников практически сравнялись с доходами рабочих и служащих. Выросла обеспеченность семей колхозников одеждой, обувью, предметами культурно-бытового назначения, транспортными средствами. Увеличилось потребление наиболее ценных видов продуктов, питание колхозников стало более калорийным и сбалансированным. С укреплением сферы бытового обслуживания выросли объемы и стали разнообразнее виды услуг, предоставляемых сельскому населению. Во многих крестьянских семьях проявлялось стремление обустроить свой быт по городским стандартам. Однако надо учитывать, что к началу 1990-х гг. произошла существенная дифференциация колхозного крестьянства по уровню доходов. Это отражалось на имущественном положении и питании семей колхозников, их возможности реализовать материальные и культурные потребности. Кроме того, в социально-культурном плане село по-прежнему отставало от города, что не отвечало запросам сельского населения и негативно сказывалось на решении производственных проблем аграрного сектора экономики.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Денисова Л. Н. Исчезающая деревня России: Нечерноземье в 1960 – 1980-е годы. М., 1996; Деятельность КПСС по преобразованию сельского хозяйства Нечерноземья РСФСР. / Под ред. В. Т. Анискова. М., 1985; Наухацкий В. В. Аграрная политика в СССР в 1965 – 1990 годах: проблемы разработки и реализации. Ростов н/Д, 1996; Островский В. Б. Новый этап в развитии колхозного строя. М., 1977; Тюрина А. П. Социально-экономическое развитие советской деревни. 1965–1980. М., 1982; и др.

² Народное хозяйство в РСФСР в 1985 г.: Стат. ежегодник. М., 1986. С. 137.

³ Там же. С. 120.

⁴ Народное хозяйство РСФСР в 1989 г.: Стат. сб. М., 1990. С. 517.

⁵ Вологодская область в одиннадцатой пятилетке. Стат. сб. Архангельск, 1987. С. 121–122.

⁶ Там же. С. 105.

⁷ Гулин К. А. Материальное положение колхозного крестьянства на Европейском Севере России в 1965 – 1985 гг. Дис... канд ист. наук. Вологда, 1999. С. 39.

⁸ См. подробнее: Карпов С. Г. Расходы и потребление колхозной семьи на Европейском Севере (1960 – 1980-е гг.) / Северная деревня в XX веке: актуальные проблемы истории. Вып. 2. Вологда, 2001. С. 125 –139.

⁹ ГАВО. Ф. 1703. Оп. 21. Д. 3360. Л. 34.

¹⁰ Сельское хозяйство России. Стат. сб. М., 1995. С. 362, 260, 266, 269, 275.

¹¹ См.: Карпов С. Г. Указ. соч. С. 134.

¹² ГАВО. Ф. 1703. Оп. 18. Д. 36. Л. 45; Бюджеты семей рабочих, служащих и колхозников за 1986, 1989 – 1990 гг. Стат. сб. Вологда, 1991. С. 24.

¹³ Там же.

¹⁴ Народное хозяйство Архангельской области в десятой пятилетке. Стат. сб. Архангельск, 1981. С. 6, 61.

¹⁵ Вологодская область в одиннадцатой пятилетке... С. 4, 189.

¹⁶ Попов А. А. Изменения в быте сельского населения Севера Европейской части РСФСР в 60–70-е годы (на материалах Коми деревни) / Материальное положение, быт и культура северного крестьянства (советский период). Вологда, 1992. С. 96–97.

¹⁷ Там же. С. 99.

¹⁸ О доходах и расходах рабочих, служащих и колхозников по группам семей с различным уровнем среднедушевого совокупного дохода за 1989 год. Стат. сб. Вологда, 1990. С. 87.

М. А. Безнин, К. А. Гулин, Т. М. Димони

Денежные доходы крестьянства Европейского Севера России в 1950-х – 1980-х гг.*

Одним из важнейших показателей социальной эволюции крестьянства во второй половине XX века является структура доходной части бюджетов крестьянских семей. Соотношение натуральной и денежной составляющих совокупного дохода, а также изменение удельного веса различных источников поступления средств позволяют судить о степени «денатурализации» крестьянской жизни.

Бюджет колхозной семьи в изучаемый период традиционно складывался из натуральной и денежной части поступлений. Важно, что доля денежных поступлений в доходах колхозных семей постоянно увеличивалась: в Вологодской области – с 44% в 1956 г. до 67% в 1965 г. и 83% в 1984 г.¹ Денежная часть формировалась за счет нескольких источников, основными из которых являлись оплата труда за работу в колхозах, зарплата членов семей колхозников в государственных и кооперативных организациях, пенсии, пособия и другие поступления от государства, а также продажа части натуральных поступлений из личных подсобных хозяйств.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РФНФ. Проект № 02-01-16229а

Общей тенденцией динамики денежных доходов колхозников Европейского Севера России в 1950–1980-е гг. являлся их непрерывный рост. Изучение бюджетов колхозных семей одной из областей региона – Вологодской – показывает, что номинальные денежные доходы двора в среднем возросли с 1950 по 1960 г. в 3 раза. В дальнейшем темпы роста доходов несколько замедлились – с 1960 по 1970 г. они увеличились в 2 раза, с 1970 по 1980 г. – в 1,7 раза. С 1980 по 1990 г. темпы роста денежных доходов вновь увеличились в 2,1 раза.

Однако анализ динамики номинальных доходов колхозников не позволяет сделать достаточно объективных выводов об изменении их реального веса в соответствующий период. Определенное представление об этом позволяет дать сопоставление сведений о темпах роста денежных доходов семьи и стоимости минимального набора продуктов питания (МНПП)². В 1950 г. среднедушевой денежный доход был равен 0,4 годовой стоимости МНПП, в 1960 г. – 1,4. К середине 1980-х этот показатель повышается до стоимости 6,2 МНПП (табл. 1).

Таблица 1

**ДЕНЕЖНЫЕ ДОХОДЫ КОЛХОЗНИКОВ ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ
в 1950–1990 гг. (на 1 семью в год, руб.)**

Показатель	Годы								
	1950	1955	1960	1965	1970	1975	1980	1985	1990
Денежный доход на 1 семью	297	511	942	1254	1895	2780	3261	4383	7097
Среднедушевой доход	74,8	124,3	242,8	356,3	579,5	829,9	1003,4	1316,2	1933,8
Отношение среднедушевого дохода к стоимости 1 годового МНПП	0,4	0,9	1,4	Н.св.	2,8	Н.св.	4,8	6,2	6,0

Составлено и рассчитано по: *Безнин М. А.* Материальное положение колхозников Российского Нечерноземья в 1950–1965 гг. Ч.1. Вологда, 1988. С. 15, 29; Бюджеты рабочих, служащих и колхозников за 1970, 1975–1979 гг. М., 1980. С. 69; Уровень нашей жизни. 1913 – 1993. Аналитический справочник / Сост. *Уралов В. М. М.*, 1995. С. 25; Вологодский областной комитет государственной статистики. Текущий архив. Динамические ряды по бюджетам семей колхозников Вологодской области 1979–1990 гг. (без пенсионеров). Л. 8.

Другой наиболее важной чертой эволюции денежных доходов колхозной семьи был процесс изменения их структуры. Проследим его на материалах крестьянских бюджетных обследований (табл. 2).

**СТРУКТУРА ДЕНЕЖНЫХ ДОХОДОВ СЕМЕЙ КОЛХОЗНИКОВ
ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ (в %)**

Год	Все- го	В том числе						
		за ра- боту в кол- хозе	за ра- боту в гос. и кооп. органи- зациях	от продажи		пенсии	пособия по соц- страху, соц- обеспе- чению и др.	прочие поступ- ления
				скота, пти- цы, пчел	сель- хозпро- дуктов, продук- тов охоты и рыбо- ловства			
1950	100	9	33	7	17	20	14	
1955	100	22	23	5	20	6	4	20
1960	100	42	21	6	15	4	2	10
1965	100	51	15	6	12	9	1	6
1970	100	56	11	6	9	12	1	5
1975	100	57	11	7	7	12	2	4
1980	100	59	10	6	5	12	1	7
1985	100	64	9*	6	3	9	3	6
1990	100	59	12	8	4	6	3	8

* С 1985 г. графа носит наименование «заработная плата членов семьи».

Рассчитано по: Вологодский областной комитет государственной статистики. Текущий архив. Динамические ряды по бюджетам семей колхозников Вологодской области 1952–1968 гг.; Динамические ряды по бюджетам семей колхозников Вологодской области 1969–1978 гг.; Динамические ряды по бюджетам семей колхозников Вологодской области 1979–1990 гг. (без пенсионеров).

В структуре денежных доходов колхозников во второй половине XX в. происходили серьезные изменения. До середины 1950-х гг. большая часть денег (в 1952 г. – 117 руб., в 1955 г. – 119 руб., или соответственно 30% и 23% всех доходов семьи) получалась за работу в государственных и кооперативных организациях. Доходы от реализации сельскохозяйственных продуктов (включая продукты охоты и рыболовства) дали вологодской колхозной семье в 1950 г. 24%, в 1955 г. – 25% денежного прихода. Основная часть денежных средств здесь была выручена от продажи продуктов на колхозном рынке. В семьях колхозников Вологодской области доля доходов от проданного на рынке скота и птицы в 1953 г. составляла 90% общей суммы реализации по разным каналам, от проданных там же продуктов растениеводства – 85%. К концу 1950-х гг. эти показатели снижаются – в 1958 г. соответственно до 54% и 69% доходов от всей проданной продукции³.

Доля поступлений за работу в колхозе составляла в 1950 г. 9% денежных доходов семей вологодских крестьян. Дальнейший рост денежного прихода за работу в колхозе в бюджете семьи был связан с ростом денежной оплаты труда и снижением числа колхозов, не выдающих деньги на трудодни. Так, с 1950 по 1957 г. денежная выдача на один трудодень в колхозах Вологодской области выросла в 8 раз. К этому времени практически не осталось колхозов, не выдававших денег на трудодни, доля которых в начале 1950-х гг. доходила до трети всех вологодских сельхозартелей (табл. 3).

Таблица 3

**ВЫДАЧА ДЕНЕГ НА 1 ТРУДОДЕНЬ В КОЛХОЗАХ ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ
(без рабочих тракторных бригад)**

Показатель	Годы							
	1950	1951	1952	1953	1954	1955	1956	1957
Выдано на трудодень (руб.)	0,42	0,34	0,56	0,56	0,82	1,55	2,71	3,27
Доля колхозов без выдачи денег на трудодни (%)	18	29	18	3	0,7	0,3	-	-

Составлено по: Сводные годовые отчеты колхозов Вологодской области за 1950–1957 гг. (Личный архив М. Ф. Сычева).

Увеличивалась и доля денежных доходов колхозов, определенных к выдаче на трудодни. Так, в Архангельской области в 1953 г. она составляла 27% колхозных доходов, в 1955 г. – 37%, в 1957 г. – 39% от общего денежного дохода сельхозартелей области, в Вологодской области – соответственно 22, 39 и 47%⁴. В 1955 г. доля денежных поступлений за работу в колхозе в бюджете семьи вологодского колхозника значительно возросла и составила 22% общего их количества, или 110 руб. в номинальном выражении.

С начала 1950-х гг. происходит радикальная перестройка структуры денежной части бюджета. При этом постепенное увеличение денежных доходов крестьян было связано с продолжавшимся переходом колхозов на денежную оплату труда. В 1960 г. доля денежного дохода за работу в колхозе в семейных бюджетах колхозников Вологодской области составила 390 руб., или 42% общего поступления денежных средств. С середины 1960-х гг. она стабильно превышала половину всех полученных семьей денег. В то же время сокращается доля денежных поступлений за работу в государственных и кооперативных организациях – с 21% в 1960 г. до 9–12% в 1980-х гг., оставаясь все же второй по значимости в формировании денежных доходов домохозяй-

ства. Доходы от продажи всех видов сельхозпродукции и самозаготовок постепенно сокращаются. Если в 1960 г. они составляли 191 руб., или 21% денежного дохода семей вологодских колхозников, то в 1980-е гг. – 8–11 %. Органы статистики связывали уменьшение объемов продажи сельхозпродукции (особенно дикорастущих) с ростом жизненного уровня селян. В то же время даже к началу 1970-х гг. оставались хозяйства, которые получали значительный доход от продажи своей продукции, рыночная цена на которую в городах была достаточно высокой (например, на клюкву – до 2 руб. за 1 кг)⁵.

Достаточно большую долю денежного дохода семьи в начале 1950-х гг. составляли пенсии и пособия. В 1950 г. их доля была равна пятой части полученных семьей денежных средств, к 1955 г. этот показатель сократился до 10% (50 руб.), а к 1960 г. – до 6% (56 руб.) на семью вологодского колхозника. После введения системы гарантированного пенсионного обеспечения колхозников в середине 1960-х гг. доля денежного прихода от выплаты пенсий и пособий вновь возрастает: в 1965 г. – до 10% (123 руб.), в 1980 г. – до 13% (438 руб.) в денежных доходах вологодской колхозной семьи. С середины 1980-х гг. доля денег в доходе семьи от поступления пенсий и пособий сокращается: в 1990 г. она составляет 9% денежных средств семьи (598 руб.).

В небольших размерах деньги поступали за выполнение кустарно-ремесленных работ и продажи кустарных изделий собственного изготовления. В среднем доля этих доходов не превышала 1% денежных средств семьи. Хотя существовали хозяйства, традиционно занимавшиеся выработкой кустарных изделий и реализацией их на рынке. В этом случае денежный доход от данного источника был существенно выше. Например, в 1 квартале 1954 г. обследованные бюджеты семей колхозников Кирилловского района Вологодской области (колхоз «Просвет») показали, что заработок от продажи изготовленных решет и корзин составил 864 руб. (64% от общих денежных поступлений за квартал), тогда как из колхоза в среднем на хозяйство было получено лишь 16 руб.⁶ К концу XX в. традиции кустарных промыслов фактически исчезли. Обследование 1986 г. выявило, что кустарно-ремесленным промыслом в Вологодской области занимались лишь 274 человека, из них традиционными для села (плетение корзин, кружевоплетение, катавальный) – 21 человек⁷.

Период 1960–1980-гг. стал временем сокращения доли сельхозпродукции в фонде оплаты колхозного труда. Вместе с тем денежная оплата труда в общественном хозяйстве колхоза росла в этот период наиболее интенсивно, особенно во второй половине 1960-х гг. За один человеко-день в колхозе она увеличилась в среднем по всем категориям работников в Архангельской области с 1 руб. 33 коп. в 1961 г. до

2 руб. 35 коп. в 1965 г., в Вологодской – соответственно с 1 руб. 19 коп. до 1 руб. 95 коп. Со второго полугодия 1966 г. колхозы начали переходить на гарантированную оплату труда колхозников. При этом в оплате труда рекомендовалось исходить из тарифных ставок соответствующих категорий работников совхозов. С 1967 г. гарантированная оплата труда стала применяться в животноводстве. В результате оплата труда в колхозах изменилась в позитивном направлении. В колхозах Архангельской области оплата одного рабочего дня выросла с 1965 г. по 1970 г. на 103%, Вологодской – на 67%, в Коми АССР – на 69% (табл. 4).

Таблица 4

**ОПЛАТА 1 ЧЕЛОВЕКО-ДНЯ В КОЛХОЗАХ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА РОССИИ
в 1960–1980-е гг. (руб.)**

Территория	Год					
	1961	1965	1970	1975	1980	1985
Архангельская область	1,33	2,31	4,70	6,17	8,16	10,63
Вологодская область	1,19	1,95	3,26	4,29	5,22	6,97
РСФСР	1,56	2,53	3,95	4,70	5,56	7,76

Составлено по: Труд в СССР. Статистический сборник. М., 1988. С. 206; Безнин М. А. Крестьянский двор в Российском Нечерноземье. М.; Вологда, 1988. С. 185; Гулин К. А. Материальное положение колхозного крестьянства на Европейском Севере России в 1965–1985 гг. Дис... канд. ист. наук. Вологда, 1999. С. 213

Параллельно с ростом оплаты труда в регионе сокращался удельный вес колхозов, не применявших денежную оплату труда. Так, в Вологодской области в 1962 г. в 32% артелей не применялась денежная оплата труда, а в 1965 г. таких хозяйств осталось лишь 8 %⁸. О значительном улучшении ситуации в оплате труда колхозников свидетельствует и сокращение удельного веса колхозов с низкой оплатой труда (табл. 5).

ГРУППИРОВКА КОЛХОЗОВ ПО ОЦЕНКЕ 1 ЧЕЛОВЕКО-ДНЯ (%)

Облас- ти, рес- публики	До 1 руб.		1– 1,5 руб.		1,5– 2 руб.		2–3 руб.		3–4 руб.		Свыше 4 руб.	
	1961 г.	1965 г.	1961 г.	1965 г.	1961 г.	1965 г.	1961 г.	1965 г.	1961 г.	1965 г.	1961 г.	1965 г.
РСФСР	30,9	3,3	31,1	10,9	21,4	23,3	14,5	42,9	1,8	16,3	0,3	3,3
Архан- гель- ская область	27,1	-	49,7	15,0	16,2	37,5	7,0	37,5	-	9,2	-	0,8
Воло- годская область	41,1	2,3	48,2	12,6	9,8	42,7	0,9	41,4	-	1,0	-	-
Коми АССР	24,5	-	34,8	1,4	30,5	32,4	10,2	59,2	-	7,0	-	-

Таблица воспроизводится по: *Безнин М. А. Крестьянский двор в Российском Нечерноземье 1950–1965 гг. С. 186.*

Если в 1961 г. абсолютное большинство колхозов Европейского Севера России выплачивало до 2 руб. на человеко-день (в Архангельской области – 93%, в Вологодской – 99,1 %, в Коми АССР – 89,8 %), то к 1965 г. их доля сократилась до 52,2% в Архангельской, 57,6% в Вологодской областях, 33,8% в Коми АССР. В 1970 г. в регионе не осталось ни одного колхоза с оплатой труда до 2 руб. на человеко-день, а в большинстве хозяйств (53%) человеко-день оценивался в 3-4 руб. Параллельно увеличивался удельный вес колхозов с высокой оплатой труда. В 1965 г. лишь один колхоз Европейского Севера из 493-х выплачивал своим работникам более 4 руб. на человеко-день, а в 1970 г. таких колхозов стало 20%, причем 5 артелей из 317 выплачивали свыше 6 руб. на человеко-день⁹.

В 1970–1980-е гг. повышение оплаты труда, как правило, базировалось на соответствующих постановлениях ЦК КПСС и Совета Министров СССР. Так, 20 марта 1974 г. было принято Постановление «О мерах по дальнейшему развитию сельского хозяйства Нечерноземной зоны РСФСР», предусматривавшее меры по интенсификации сельского хозяйства. В мае 1982 г. – Постановление «О мерах по усилению материальной заинтересованности работников сельского хозяйства и увеличению производства продукции и повышению ее качества», рекомендовавшее колхозам применять для колхозников меры материального поощрения, предусматривавшиеся для совхозов и дру-

гих сельхозпредприятий. Таким образом, председатели колхозов получали право выплачивать колхозникам за совмещение профессий и выполнение установленного объема работ с меньшей численностью работников до 70% ставки, специалистам – до 50% дополнительного оклада. Также разрешалась бесплатная выдача зерна членам бригад и звеньев, занятых выращиванием зерновых культур, в размере до 15% сверхпланового валового сбора.

В результате партийных решений оплата одного человеко-дня в колхозах Вологодской области возросла с 1974 по 1975 г. на 13%, тогда как в 1970–1974 гг. ее среднегодовой прирост составлял 4%. В Архангельской области оплата одного человеко-дня возросла с 1982 по 1984 гг. на 18%, тогда как за предыдущие четыре года – лишь на 15%. В целом динамика оплаты труда на Европейском Севере России в 1960–1980-е гг. совпадала с общероссийской, хотя в Вологодской области отставала от нее в разные годы на 6–23%, а в Архангельской – с начала 1970-х гг. опережала российские показатели.

Труд разных категорий колхозников оплачивался неравномерно (табл. 6). В социально-профессиональном плане наиболее высокой была оплата труда верхнего звена административно-управленческого персонала колхозов. Так, оценка одного человеко-дня председателя в среднем по колхозам Европейского Севера в 1965 г. составляла 6,64 руб., в 1985 г. – 13,9 руб., главных (старших) специалистов – соответственно 4,75 и 11,75 руб. Среднее звено составляли специалисты колхоза – агрономы, инженеры, зоотехники и т. п., которые получали 3,6–3,8 руб. на один отработанный человеко-день в 1965 г. и 8–10 руб. в 1985 г.

Далее шла категория квалифицированных работников растениеводства и животноводства: трактористы-машинисты, шоферы, доярки, телятницы и другие. Оплата одного человеко-дня у них составляла около 3 руб. в середине 1960-х гг. и около 8 руб. в середине 1980-х гг.

Таблица 6

**ОПЛАТА 1 ЧЕЛОВЕКО-ДНЯ В КОЛХОЗАХ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА
ПО ДОЛЖНОСТЯМ (руб.)**

Должность	1965 г.				1985 г.		
	Арх. обл.	Вол. обл.	Коми АССР	Европ. Север	Арх. обл.	Вол. Обл.	Европ. Север
Председатель	6.41	6.96	5.67	6.64	17.96	13.37	13.90
Гл. (ст.) специалист	5.00	4.67	5.00	4.75	17.80	10.98	11.65

Должность	1965 г.				1985 г.		
	Арх. обл.	Вол. обл.	Коми АССР	Европ. Север	Арх. обл.	Вол. Обл.	Европ. Север
Гл. бухгалтер	4,31	4,08	4,05	4,13	14,86	11,01	11,54
Экономист	3,86	3,45	4,50	3,62	15,57	10,80	11,39
Агроном	4,50	3,62	4,67	3,81	13,06	8,82	9,21
Зоотехник	3,75	3,50	4,25	3,61	11,12	7,76	8,34
Инженеры	4,06	3,70	4,30	3,83	11,55	8,83	9,88
Бригадиры в растениеводстве	2,71	2,43	2,83	2,51	11,33	7,09	7,51
Зав. животноводством	2,21	1,88	2,65	2,09	11,87	7,72	8,53
Трактористы-машинисты	3,21	3,00	3,30	3,06	10,60	7,93	8,30
Шоферы	3,13	2,90	2,77	2,94	11,19	8,04	8,63
Доярки	2,62	2,42	2,85	2,49	10,40	8,80	9,19
Занятые на конных и ручных работах в растениеводстве	1,80	1,59	1,99	1,66	6,93	6,00	6,12

Рассчитано и составлено по: ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 35. Д. 4853. Л. 30; ГАВО. Ф. 1703. Оп.17. Д. 3596. Л. 202 об.; ГААО. Ф. 1892. Оп.25. Д. 1812. Л. 12., 12 об., 13, 13 об., 190, 191.

В самую низкооплачиваемую категорию входили работники, занятые на конных и ручных работах в растениеводстве, насчитывавшие в 1960-е гг. до половины и более всего состава колхозников. Они получали 1,5 руб. на один человеко-день в середине 1960-х гг. и 6-7 руб. – в середине 1980-х гг. Эти работы не требовали высокой квалификации. Для их выполнения достаточно было элементарных навыков, поэтому и труд здесь оплачивался невысоко. В период уборочной кампании именно к этим работам привлекались нетрудоспособные члены семей, что давало дополнительный приход денег. Неравномерность в оплате труда разных категорий колхозников приводила к значительной экономической дифференциации крестьянских семей, отчетливо оформлявшейся уже с середины 1950-х гг. (табл. 7).

**ДЕНЕЖНЫЕ ДОХОДЫ СЕМЕЙ КОЛХОЗНИКОВ ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ
РАЗНЫХ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ГРУПП в 1955 г.**

Район, колхоз, номер бюджета семьи	Состав семьи	Годовой денежный доход на семью, руб.
Кирилловский район, колхоз «Просвет», бюджет № 214	Иван – глава, 37 л., бригадир Нина – жена, 31 г. 7 детей (5 мес., 1 г., 2 г., 3 г., 5 л., 6 л., 7 л.)	7261
Верховажский район, колхоз «Верный путь», бюджет № 124	Анна – глава, 45 л., рядовая колхозница Геннадий – сын, 18 л., рядовой колхозник Мария – мать, 77 л. Сын – 7 л.	1926
Верховажский район, колхоз «Верный путь», бюджет № 130	Николай – глава, 24 г., агроном Анна – жена, 32 г., колхозница 2 детей (2 г., 4 г.)	4530
Великоустюгский район, колхоз «Строитель коммунизма», бюджет № 103	Анатолий – глава, 34 г., тракторист Нина – жена, 34 г., рядовая колхозница 4 детей (1 г., 3 г., 6 л., 7 л.)	9368
Череповецкий район, колхоз «Большевик», бюджет № 502а	Николай – глава, 34 г., зав. фермой Мария – жена, 28 л., уборщица 2 детей (5 л., 6 л.)	5552
Верховажский район, колхоз «Верный путь», бюджет № 102 а	Александр – глава, 31 г., председатель колхоза Мария – жена, 32 г., продавец 3 детей (3 г., 4 г., 5 л.)	5391

Подсчитано по: ГАВО. Ф. 1703. Оп.12. Д. 1664. Л. 9, 17, 18, 44, 60, 68.

В 1960–1980-е гг. произошло выравнивание в оплате труда различных категорий работников, благодаря более быстрому росту оплаты труда наименее оплачиваемых из них. Так, с 1965 г. по 1985 г. оценка одного человеко-дня занятых на конно-ручных работах в колхозах Европейского Севера выросла в 3,7 раза, а председателей – только в 2,1 раза. В результате, если в 1965 г. оплата одного человеко-дня занятых на конно-ручных работах составляла 25% от оплаты труда председателя, то в 1985 г. – 44%. Следует отметить, что сокращение дифференциации в оплате труда в колхозах не являлось частным случаем. Оно было следствием нарастания уравнивательных тенденций, которое было присуще всей советской экономике в этот период.

Влияние индивидуальной трудовой активности на материальное положение колхозников наиболее четко прослеживается по показателю среднемесячной оплаты труда. Различия в квалификации, сезонность работ и, разумеется, личные качества усиливали дифференциацию

цию в оплате труда (табл. 8). Например, за 1985 г. в колхозах Европейского Севера на одного председателя было выработано 315 человеко-дней, а на одного занятого на конно-ручных работах в растениеводстве – 225 человеко-дней. Поэтому если по оценке человеко-дня оплата труда первых была выше в 2,3 раза, то по среднемесячной оплате труда – в 3,1 раза.

Таблица 8

**СРЕДНЕМЕСЯЧНАЯ ОПЛАТА ТРУДА В КОЛХОЗАХ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА
ПО ДОЛЖНОСТЯМ, руб.**

Должность	1965 г.				1985 г.		
	Арх. обл.	Вол. обл.	Коми АССР	Европ. Север	Арх. обл.	Вол. обл.	Европ. Север
Председатель	165	177	140	168	462	344	360
Гл. (ст.) специалист	112	109	119	110	378	266	279
Гл. бухгалтер	106	102	100	103	340	273	278
Экономист	90	79	115	84	259	239	250
Агроном	99	86	78	88	213	196	198
Зоотехник	90	85	109	87	253	180	188
Инженеры	99	93	100	95	265	198	224
Бригадиры в растениеводстве	71	64	70	66	271	179	189
Зав. животноводством	60	50	69	56	278	203	219
Трактористы-машинисты	67	56	61	57	249	185	194
Шоферы	65	62	54	62	262	188	209
Доярки	75	71	76	72	255	248	250
Занятые на конных и ручных работах в растениеводстве	31	26	35	27	141	111	115

Рассчитано и составлено по: ГАРФ. Ф. А-374. Оп.35. Д. 4853. Л. 30; ГАВО. Ф. 1703. Оп. 17. Д. 3596. Л. 2-2 об.; ГААО. Ф. 1892. Оп. 25. Д. 1812. Л. 12, 12 об., 13, 13 об., 190, 191.

Существовала и дифференциация в оплате труда на уровне отдельных колхозов и сельских административно-хозяйственных образований. Группировки по данным годовых отчетов показывают сохранявшиеся межколхозные различия по уровню оплаты труда. Так, в 1965 г. из 302 колхозов Вологодской области 7 выплатили своим работникам до 1 руб. на один отработанный человеко-день, 38 – от 1 до 1,5 руб., 129 – от 1,5 до 2 руб., 125 – от 2 до 3 руб., 3 – свыше 3 руб.¹⁰ В 1977 г. из 229 колхозов области 6 выплачивали за один отработанный

ный человеко-день от 2 до 3 руб., 43 – от 3 до 4 руб., 95 – от 4 до 5 руб., 67 – от 5 до 6 руб., 14 – от 6 до 7 руб. и 4 – 7 и более руб.¹¹

Дифференциация по уровню оплаты труда была обусловлена различным уровнем развития производства в отдельных колхозах. Лучшие возможности в этом плане имели хозяйства с относительно более высокой доходностью производства, худшие – получавшие низкие доходы или вовсе убыточные. Например, в 1970 г. на Европейском Севере группа из 86 колхозов с самой низкой оплатой труда (от 2 до 3 руб. на один человеко-день) получила сумму прибыли в расчете на одно хозяйство в 11 раз меньшую, чем группа из 5 колхозов с самой высокой оплатой труда (свыше 6 руб.)¹². В этом же году группа из 10 колхозов с наибольшим уровнем рентабельности (свыше 60%) начислила на одного работника в среднем 1490 руб., тогда как 19 колхозов с самым низким уровнем рентабельности – 690 руб., а группа из 9 нерентабельных колхозов – только 659 руб.¹³

Весьма существенной была и межрайонная дифференциация в оплате труда. В передовых по этому показателю районах она была вдвое – втрое выше, чем в отстающих. Например, в 1965 г. колхозники Никольского района Вологодской области получили за работу 320 руб. на человека, в 1985 г. – 1494 руб., а Вологодского района (колхоз «Родина») – соответственно 684 руб. и 3306 руб., то есть вдвое больше¹⁴.

Причиной межрайонных различий в оплате труда было благоприятное географическое и, вследствие этого, экономическое положение тех или иных районов. Более высокую оплату труда могли обеспечивать, как правило, колхозы пригородных районов, успешной деятельности которых благоприятствовала связь с городом и более развитая инфраструктура. В основном именно в пригородных районах располагались так называемые «хозяйства-маяки», привлекавшие значительные инвестиции и обеспечивавшие своим работникам более выгодные условия оплаты труда.

В периферийных районах условия были абсолютно противоположными. Отдаленность от городских центров и путей сообщения, более сложные условия хозяйствования и, как правило, тяжелое финансовое положение находившихся там колхозов формировали неблагоприятные условия для проживания населения. Типичная для тех мест ситуация описана в письме колхозника из Никольского района Вологодской области. «Знают ли наша партия и правительство, что в районе один колхоз им. Пушкина рассчитывает колхозников своими деньгами? Один-единственный колхоз в районе имеет на своем счету деньги, а тут все колхозы рассчитывают своих колхозников, а потом государство долги должно списать – вот как живут за счет государства, не могут поднять свое хозяйство»¹⁵.

К тому же большой миграционный отток из отдаленных территорий приводил к ухудшению качества рабочей силы, что обуславливало более низкую оплату труда. Так, в том же Никольском районе Вологодской области доля лиц трудоспособного возраста среди наличного колхозного населения составляла 29%, а в Вологодском районе (колхоз «Родина») – 37%, при средней по области – 33%¹⁶. Соответственно, в периферийных районах несравнимо ниже были степень обновляемости кадров и общий уровень квалификации работников.

Заметной чертой денежной оплаты труда колхозников второй половины XX в. было постепенное выравнивание с уровнем оплаты труда работников совхозов, особенно с 1960-х гг. Тем не менее повсеместным это явление не стало. Если в Архангельской области уровень оплаты труда в колхозах сравнился с совхозным, а в первой половине 1980-х гг. даже превысил его, то в Вологодской области оплата труда колхозников значительно отставала от уровня оплаты рабочих совхозов. В 1970-х – первой половине 1980-х гг. колхозники Вологодчины стабильно получали за работу в общественном хозяйстве лишь три четверти от заработков трудящихся совхозов (табл. 9).

Таблица 9

**ОТНОШЕНИЕ СРЕДНЕМЕСЯЧНОЙ ОПЛАТЫ ТРУДА В КОЛХОЗАХ
К УРОВНЮ ЗАРПЛАТЫ В СОВХОЗАХ И НАРОДНОМ ХОЗЯЙСТВЕ (%)**

Территория	Год					
	1965	1970	1975	1980	1985	1990
<i>К уровню зарплаты в совхозах:</i>						
Архангельская область	68,6	89,9	81,0	91,3	102,1	Н.св.
Вологодская область	61,5	74,2	73,5	73,6	74,7	Н.св.
<i>К уровню зарплаты в народном хозяйстве:</i>						
Архангельская область	43,5	66,6	70,4	79,9	100,2	102,4
Вологодская область	43,8	58,3	66,7	68,7	82,9	86,0

Рассчитано и составлено по: Народное хозяйство Вологодской области в девятой пятилетке. Вологда, 1976. С. 110; Народное хозяйство Архангельской области в одиннадцатой пятилетке. Архангельск, 1987. С. 114, 142; Показатели социального развития областей РСФСР (по данным Госкомстата РСФСР). Вологда, 1990. С. 37–38.

Отметим, что до середины 1980-х гг. оплата труда колхозников была заметно ниже, чем в других отраслях народного хозяйства. В середине 1980-х гг. этот разрыв был не столь ощутим, но все же имел место. Такое положение высшие органы власти объясняли тем, что личное приусадебное хозяйство должно компенсировать разницу в оплате труда рабочих и колхозников, а, кроме того, имелось в виду, что более сложная технология промышленного производства требует работников

более высокой квалификации. Однако далеко не все представители областных властей были согласны с таким положением. Например, первый секретарь Вологодского обкома КПСС А. С. Дрыгин писал секретарю ЦК КПСС М. С. Горбачеву: «В 1980 г. среднемесячная оплата труда в строительстве области составила 193 руб., в промышленности – 190 руб., в совхозах – 146 руб., в колхозах – 117 руб. Получается, что сельский труд как бы «второстепенный», но ведь он сейчас по производительности не уступает практически промышленности, а по условиям нередко сложнее... Полагаю, что необходимо поднять средний уровень оплаты труда в колхозах и совхозах до среднего заработка в промышленности. Необходимо также для всех категорий работников совхозов и колхозов ввести выплаты за стаж работы по специальности в данном хозяйстве»¹⁷.

Таким образом, период 1950-х – 1980-х гг. характеризовался усилением роли денежных доходов в формировании бюджета колхозных семей на Европейском Севере России. Это свидетельствовало о продолжавшемся процессе «денатурализации» крестьянской жизни. Решающую роль в структуре денежных доходов заняли поступления в виде оплаты труда за работу в колхозе.

Значительный рост оплаты труда в коллективных хозяйствах являлся, безусловно, позитивным процессом, приводившим к повышению материального положения колхозного крестьянства. Однако нельзя не отметить, что это не всегда соответствовало состоянию колхозного производства. Об этом свидетельствуют низкие темпы роста, а то и вовсе отрицательная динамика основных финансово-производственных показателей работы колхозов. Например, в колхозах Вологодской области с 1975 г. по 1985 г. уровень рентабельности снизился с 23,9 до 20,1%, фондоотдача – с 50 до 21 руб., объем валовой продукции на 100 га сельскохозяйственных угодий – с 20,5 тыс. руб. до 19,7 тыс. руб. Производительность труда за этот период выросла в 1,26 раза, в то время как среднемесячная оплата труда – в 1,67 раза, хотя в принципе эти показатели должны были увеличиваться пропорционально¹⁸. Однако в действительности с каждым годом темпы роста производительности труда все больше отставали от темпов роста его оплаты. Ослабление связи между мерой труда и мерой потребления порождало иждивенческие настроения, приводило к ограничению необходимости повышения количества и качества затрачиваемого труда. Это затрудняло материальное стимулирование труда и, в конечном итоге, явилось одним из факторов стагнации уровня жизни колхозного крестьянства в 1980-е гг.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Подсчитано по: ГАВО. Ф. 1703. Оп. 18. Д. 36. Л. 84; Д. 880. Л. 18; Оп. 21. Д. 3360. Л. 33.

² В минимальный набор продуктов питания включены следующие наименования продуктов – мясо, молоко, яйца, рыба, сахар, мука, картофель. Данный набор продуктов питания, по мнению В. М. Уралова, обеспечивает потребности взрослого работника при средней нагрузке. Стоимость МНПП определена В. М. Ураловым по ценам на входящие в него виды продуктов питания и по их количеству в наборе (см.: *Уровень нашей жизни. 1913 – 1993. Аналитический справочник / Сост. В. М. Уралов*. М., 1995. С. 17–26).

³ Подсчитано по: Бюджеты рабочих, служащих и колхозников РСФСР за 1940, 1953, 1956, 1957, 1958 гг. Статистический сборник. М., 1959. С. 201.

⁴ Подсчитано по: ГААО. Ф. 3774. Оп. 1. Д. 2017. Л. 263; Сводные годовые отчеты колхозов за 1953–1957 гг. (Личный архив М. Ф. Сычева).

⁵ ВОАНПИ. Ф. 2522. Оп. 72. Д. 94. Л. 158.

⁶ ГАВО. Ф. 1703. Оп. 18. Д. 7. Л. 90.

⁷ ВОАНПИ. Ф. 2522. Оп. 113. Д. 80. Л. 37.

⁸ Подсчитано по: Сычев М. Ф. *Накопление и потребление в колхозах*. Сев.-Зап. кн. изд., 1969. С. 47.

⁹ ГАРФ. Ф. 374. Оп. 35. Д. 4873. Л. 12, 30, 102; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 47. Д. 759. Л. 301, 303, 305, 307, 309, 311, 313.

¹⁰ ГАВО. Ф. 1703. Оп. 17. Д. 3596. Л. 40.

¹¹ ВОАНПИ. Ф. 9746. Оп. 2. Д. 133. Л. 14 об.

¹² Подсчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 47. Д. 759. Л. 319, 321, 323, 325, 327, 329, 331.

¹³ Подсчитано по: там же. Л. 178, 196, 198, 200, 204.

¹⁴ ГАВО. Ф. 1703. Оп. 17. Д. 3602. Л. 19; Оп. 21. Д. 4934. Л. 13, 53.

¹⁵ ГАВО. Ф. 1300. Оп. 21. Д. 1694. Л. 8 об.

¹⁶ Подсчитано по: ГАВО. Ф. 1705. Оп. 25. Д. 1427. Л. 38.

¹⁷ ВОАНПИ. Ф. 2522. Оп. 92. Д. 87. Л. 127, 128.

¹⁸ Гулин К. А. *Материальное положение колхозного крестьянства на Европейском Севере России в 1965–1985 гг.* Дис. ... канд. ист. наук. Вологда, 1999. С. 56.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Саблин В. А. П. А. Колесников. Этапы творческого пути (1907–1996)</i>	3
<i>Голикова Н. И. Лесоохранительная политика государства в начале XX века (по материалам Вологодской губернии)</i>	8
<i>Коновалов Ф. Я. Мобилизация наделной земли на Европейском Севере в годы Столыпинской аграрной реформы</i>	15
<i>Саблин В. А. Товарность крестьянских хозяйств Европейского Севера России в 1917–1920-е гг.</i>	23
<i>Шубин С. И. Крестьянский «самоход» нэпа (в оценках А. В. Чаянова, Н. Д. Кондратьева, Н. Л. Мещерякова, П. П. Маслова)</i>	54
<i>Жукова В. С. Взгляды Д. И. Деларова на крестьянское хозяйство Европейского Севера России</i>	60
<i>Глумная М. Н. К вопросу об оплате труда и распределении в коллективных хозяйствах Вологодской губернии в 1920-е гг.</i>	67
<i>Четверикова М. В. Борьба крестьянства Европейского Севера России за землю в 1930-х – первой половине 1940-х гг.</i>	78
<i>Игнатова Н. М. Социальный протест крестьянства в спецпоселках в 1930-е–1950-е гг. (на материалах Республики Коми)</i>	87
<i>Ильина О. В. К вопросу об изменении численности сельского населения Вологодской области в период Великой Отечественной войны</i>	96
<i>Милохин Д. В. Социально-экономическое положение в колхозах Коми АССР в послевоенный период (1946–1953 гг.)</i>	102
<i>Шорина Е. Н. Стимулирование общественного производства в колхозах Вологодской области в 1960-е–1980-е гг.</i>	109
<i>Карлов С. Г. Бюджет и потребление колхозной семьи на Европейском Севере России в период с 1960 по 1990 г.</i>	117
<i>Безнин М. А., Гулин К. А., Димони Т. М. Денежные доходы крестьянства Европейского Севера России в 1950-х – 1980-х гг.</i>	126

**СЕВЕРНАЯ ДЕРЕВНЯ В XX ВЕКЕ:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ
Выпуск 4**

Редподготовка – Л. И. Безнина, Т. И. Ковалева, Ю. С. Кудрявцева

ИД № 05241 от 02 июля 2001 г. Подписано к печати 25. 06. 2003 г. Формат 60x84/16.

Бумага ксероксная Уч.-изд. л. 9,3. Усл. печ. л. 8,25. Тираж 100 экз.

Заказ № 146. Цена руб. коп.

160035 г. Вологда, С. Орлова, 6. ВГПУ, издательство «Русь»